

ISSN 2686-7249

ВЕСТНИК РГГУ

Серия

«Литературоведение.
Языкознание. Культурология»

Научный журнал

RSUH/RGGU BULLETIN

“Literary Theory.
Linguistics. Cultural Studies”
Series

Academic Journal

Московский лингвистический журнал

Том 24

Moscow Journal of Linguistics

Volume 24

2

Основан в 1996 г.
Founded in 1996

часть 2
2021

Vestnik RGGU. Seriya "Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya"
RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series
Academic Journal

There are 10 issues of the journal a year.

Founder and Publisher: Russian State University for the Humanities (RSUH)

RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series is included: in the Russian Science Citation Index; in the List of leading scientific journals and other editions for publishing PhD research findings.

Peer-reviewed publications fall within the following research area:

10.01.00 Philology:

- 10.01.01 Russian literature
- 10.01.03 Foreign literature
- 10.01.08 Literary theory. Textology
- 10.01.09 Folkloristics

10.02.00 Linguistics:

- 10.02.14 Classical philology, Byzantine and Modern Greek Studies
- 10.02.01 Russian language
- 10.02.02 Languages of the Russian Federation
- 10.02.19 Theoretical linguistics
- 10.02.20 Historical-comparative, typological and contrastive linguistics

24.00.00 Culturology:

- 24.00.01 Cultural history and theory
- 24.00.03 Museology, conservation and restoration of historical and cultural objects

GOALS OF THE JOURNAL: advancement of empirically oriented linguistic research and high-quality studies of Russian, languages of the Russian Federation, and languages of the world within a variety of theoretical frameworks and in comparative, historical and typological perspectives.

OBJECTIVES OF THE JOURNAL: implementation and development of expertise of scientific articles taking into account the dominance of modern interdisciplinary and integrated approaches; presentation of the most significant achievements important for the development of science and capable of being introduced into the academic curriculum as examples of correct scientific work; attraction of new authors showing high theoretical awareness and undeniable scientific achievements; strengthening the interaction of academic and university science; translation of scientific experience between generations and between institutions. The journal invites original research articles by Russian and international scholars.

RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Culturology" Series is registered by Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media. Certificate on registration: PI No. FS77-61883 of 25.05.2015

Changes were made to the record of media registration in connection with the name change, renaming of the founder, clarification of the subject – registration number FS77-74270 of 09.11.2018

Editorial staff office: 6, Miusskaya Sq., Moscow, 125047
e-mail: msk.ling.j@gmail.com

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология»
Научный журнал

Выходит 10 номеров печатной версии журнала в год
Учредитель и издатель – Российский государственный гуманитарный университет
(РГГУ)

ВЕСТНИК РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология» включен в систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ); в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим научным специальностям и соответствующим им отраслям науки:

10.01.00 Литературоведение:

- 10.01.01 Русская литература
- 10.01.03 Литература народов стран зарубежья (с указанием конкретной литературы)
- 10.01.08 Теория литературы. Текстология
- 10.01.09 Фольклористика

10.02.00 Языкознание:

- 10.02.14 Классическая филология, византийская и новогреческая филология
- 10.02.01 Русский язык
- 10.02.02 Языки народов Российской Федерации (с указанием конкретного языка или языковой семьи)
- 10.02.19 Теория языка
- 10.02.20 Сравнительно-историческое типологическое и сопоставительное языкознание

24.00.00 Культурология:

- 24.00.01 Теория и история культуры
- 24.00.03 Музееведение, консервация и реставрация историко-культурных объектов.

ЦЕЛЬ ЖУРНАЛА: продвижение эмпирически-ориентированных исследований по русскому языку, языкам Российской Федерации и языкам мира в рамках разнообразных теоретических подходов и в сопоставительной, исторической и типологической перспективе.

ЗАДАЧИ ЖУРНАЛА: осуществление и развитие экспертизы научных статей с учетом господства современных междисциплинарных и комплексных подходов; представление наиболее значимых достижений, важных для развития науки и способных быть внедренными в образовательный процесс как примеры правильной научной работы; привлечение новых авторов, исследователей, показывающих высокую теоретическую культуру и неоспоримые научные достижения; усиление взаимодействия академической и университетской науки; трансляция научного опыта между поколениями и между институтами.

Журнал принимает к публикации оригинальные статьи, комплексные исследования российских и зарубежных авторов, ранее не публиковавшиеся научные доклады.

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций, свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-61883 от 25.05.2015 г. В запись о регистрации СМИ внесены изменения в связи с изменением названия, переименованием учредителя, уточнением тематики – регистрационный номер ПИ № ФС77-74270 от 09.11.2018 г.

Адрес редакции: 125047, Москва, Миусская пл., 6
электронный адрес: msk.ling.j@gmail.com

Founder and Publisher
Russian State University for the Humanities (RSUH)

Editor-in-chief

P.P. Shkarenkov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

Editorial Board

D.I. Antonov, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology), Institute of Slavic Studies RAS/Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

O.L. Akhunova, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

S.I. Baranova, Dr. of Sci. (History), Moscow State Integrated Art and Historical Architectural and Natural Landscape Museum-Reserve, Moscow, Russian Federation

L.V. Belovinskii, Dr. of Sci. (History), professor, Moscow State Art and Cultural University, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

Yu.V. Domanskii, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

A.V. Dybo, RAS corr. memb., Dr. of Sci. (Philology), professor, RAS Institute of Linguistics, Moscow, Russian Federation

V.V. Gudkova, Dr. of Sci. (Art Studies), State Institute for Art Studies, Moscow, Russian Federation

N.P. Grintser, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

I. Rzepnikowska, Dr. of Sci. (Philology), Nicolaus Copernicus University, Toruń, Poland

I.I. Isaev, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.I. Kabakova, Dr. of Sci. (Philology), Université de Paris-Sorbonne, Paris, France

N.V. Kapustin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation

A.A. Kholikov, Dr. of Sci. (Philology), Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation

O.B. Khristoforova, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

V.I. Kimmelman, Ph.D., Bergen University, Bergen, Norway

J.D. Clayton, Ph.D., University of Ottawa, Ottawa, Canada

I.V. Kondakov, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

G.Ye. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation

- L.I. Kulikov*, Cand. of Sci. (Philology), PhD, Ghent University, Ghent, Belgium
- M.N. Lipovetskiy*, Dr. of Sci. (Philology), professor, University of Colorado, Boulder, USA
- D.M. Magomedova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- I.V. Morozova*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.G. Mostovaya*, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.Yu. Neklyudov*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- V.I. Podlesskaya*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Polovinkina*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- E.Yu. Protasova*, Dr. of Sci. (Pedagogy), University of Helsinki, Helsinki, Finland
- R.I. Rozina*, Dr. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- J. Sadowski*, Dr. of Sci. (History), Jagellonian University, Kraków, Poland
- I.O. Shaytanov*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- A.Yu. Sorochan*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Tver State University, Tver, Russian Federation
- Ya.G. Testelets*, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- O.I. Togoyeva*, Dr. of Sci. (History), RAS Institute of General History, Moscow, Russian Federation
- V.I. Tyupa*, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- S.A. Yatsenko*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation
- G.I. Zvereva*, Dr. of Sci. (History), professor, Russian State University for the Humanities (RSUH), Moscow, Russian Federation (*deputy editor-in-chief*)

Executive editor:

P.M. Arkadiev, Dr. of Sci. (Philology) (RSUH)

Учредитель и издатель
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)

Главный редактор

П.П. Шкаренков, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Редакционная коллегия

Д.И. Антонов, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук, Институт славяноведения РАН, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

О.Л. Ахунова, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

С.И. Баранова, доктор исторических наук, Московский государственный объединенный музей-заповедник, Москва, Российская Федерация

Л.В. Беловинский, доктор исторических наук, профессор, Московский государственный институт культуры, Москва, Российская Федерация

Н.П. Грициер, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

В.В. Гудкова, доктор искусствоведения, Государственный институт искусствознания, Москва, Российская Федерация

Ю.В. Доманский, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

А.В. Дыбо, член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, Институт языкознания РАН, Москва, Российская Федерация

И. Желниковска, доктор филологических наук, Университет Николая Коперника, Торунь, Республика Польша

Г.И. Зверева, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация (*заместитель главного редактора*)

И.И. Исаев, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.И. Кабакова, доктор филологических наук, Университет Сорбонны, Париж, Французская Республика

Н.В. Капустин, доктор филологических наук, профессор, Ивановский государственный университет, Иваново, Российская Федерация

В.И. Киммельман, Ph.D., Берген, Королевство Норвегия

Д.Д. Клейтон, доктор филологических наук, Оттавский университет, Оттава, Канада

И.В. Кондаков, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Г.Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Л.И. Куликов, кандидат филологических наук, Ph.D., Гентский университет, Гент, Королевство Бельгия

М.Н. Литовецкий, доктор филологических наук, профессор, Университет Колорадо, Болдер, Соединенные Штаты Америки

- Д.М. Магомедова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.В. Морозова*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.Г. Мостовая*, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.Ю. Неклюдов*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- В.И. Подлесская*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Половинкина*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Е.Ю. Протасова*, доктор педагогических наук, Хельсинкский университет, Хельсинки, Финляндская Республика
- Р.И. Розина*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- Я. Садовский*, доктор исторических наук, Ягеллонский университет, Краков, Республика Польша
- А.Ю. Сорочан*, доктор филологических наук, доцент, Тверской государственный университет, Тверь, Российская Федерация
- Я.Г. Тестелец*, доктор филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- О.И. Тогоева*, доктор исторических наук, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Российская Федерация
- В.И. Тюпа*, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- А.А. Холиков*, доктор филологических наук, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (МГУ), Москва, Российская Федерация
- О.Б. Христофорова*, доктор филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- И.О. Шайтанов*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация
- С.А. Яценко*, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ), Москва, Российская Федерация

Ответственный за выпуск:

П.М. Аркадьев, доктор филологических наук (РГГУ)

Contents

Editorial statement	134
---------------------------	-----

Research articles

<i>Ivan V. Sarkisov</i> Towards a description of the metrical structure of Burmese poetry	135
<i>Elena G. Sokolova</i> Semantics of the polysemous verb <i>ugodit'–ugozhdat'</i> in a diachronic perspective	163

Linguistics at the university: Traditions and perspectives

<i>Liudmila L. Fedorova</i> Traditions of the Department of Structural and Applied Linguistics of the Moscow State University at the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities: history and present	197
<i>Vladimir M. Alpatov</i> On the linguistic education at MSU and RSUH	210
<i>Svetlana M. Evgrafova</i> The professional communication training at the Department of Structural and Applied Linguistics in the context of modern education	221
<i>Grigory E. Kreidlin</i> Gestures and speech in the New linguo-semiotic dictionary	232
<i>Valentina G. Kulpina</i> The review of the conference “Language and methods of its description”. Russian State University for the Humanities, 28 January 2021, chair of theoretical and applied linguistics	255

In memoriam

<i>Pavel V. Basharin, Anton O. Zakharov</i> Sergei Vsevolodovich Kullanda (23.08.1954 – 30.11.2020)	264
<i>Svetlana M. Evgrafova, Yakov G. Testelefs</i> Aleksandr Nikolaevich Barulin (17.11.1944 – 24.07.2021)	274

Содержание

От редакции	134
-------------------	-----

Описательные и теоретические исследования

<i>Иван В. Саркисов</i> Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии	135
<i>Елена Г. Соколова</i> Семантика многозначного глагола <i>угодить–угождать</i> в диахроническом аспекте	163

Лингвистика в вузе: традиции и перспективы

<i>Людмила Л. Федорова</i> Традиции ОСиПЛа МГУ в Институте лингвистики РГГУ: история и современность	197
<i>Владимир М. Алпатов</i> О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ	210
<i>Светлана М. Евграфова</i> Обучение профессиональной коммуникации на ОСиПЛе в контексте проблем современного образования	221
<i>Григорий Е. Крейдлин</i> Жесты и речь в Новом лингво-семиотическом словаре	232
<i>Валентина Г. Кульпина</i> Обзор межвузовской научной конференции «Язык и методы его описания», РГГУ, 28 января 2021 г., кафедра теоретической и прикладной лингвистики	255

In memoriam

<i>Павел В. Башарин, Антон О. Захаров</i> Сергей Всеволодович Кулланда (23.08.1954 – 30.11.2020)	264
<i>Светлана М. Евграфова, Яков Г. Тестелец</i> Александр Николаевич Барулин (17.11.1944 – 24.07.2021)	274

От редакции

Значительная часть настоящего выпуска «Московского лингвистического журнала» отведена материалам и обзорам двух круглых столов, состоявшихся в Институте лингвистики РГГУ осенью–зимой 2020/21 г. и посвященных традициям ОТиПЛа МГУ в Институте лингвистики и актуальным проблемам преподавания лингвистики. Редколлегия выражает глубокую признательность Л.Л. Федоровой за подготовку этих материалов к печати.

Редакционная коллегия выпуска:

П.М. Аркадьев (*ответственный редактор*, Институт славяноведения РАН, РГГУ), А.М. Ивойлова (*секретарь*, РГГУ), О.И. Беляев (МГУ, Институт языкознания РАН), А.В. Дыбо (Институт языкознания РАН, НИУ ВШЭ), И.И. Исаев (РГГУ), В.И. Киммельман (Бергенский университет, Норвегия), М.Б. Коношенко (Институт языкознания РАН, РГГУ), Н.А. Коротаев (РГГУ), Г.Е. Крейдлин (РГГУ), М.А. Кронгауз (РГГУ, НИУ ВШЭ), Л.И. Куликов (Гентский университет, Бельгия), С.А. Оскольская (Институт лингвистических исследований РАН), Б.Х. Парти (Университет Амхерста, США), О.Е. Пекелис (РГГУ), А.Ч. Пиперски (РГГУ, НИУ ВШЭ), В.И. Подлеская (РГГУ), Е.Ю. Протасова (Хельсинкский университет, Финляндия), Р.И. Розина (Институт русского языка РАН, РГГУ), А.В. Сидельцев (Институт языкознания РАН, РГГУ), Н.А. Слюсарь (НИУ ВШЭ, СПбГУ), Н.Р. Сумбатова (РГГУ), Я.Г. Тестелец (РГГУ, Институт языкознания РАН), А.Б. Шлуинский (Институт языкознания РАН)

УДК 82-1(591)

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-135-162

Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии

Иван В. Саркисов

Национальный исследовательский университет

«Высшая школа экономики»

Москва, Россия, vanya.sarkisov@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена метрике традиционного бирманского стихосложения. Структура бирманской поэзии изучена недостаточно, при этом дополнительную сложность на пути ее исследования создает недоступность для нас на текущий момент данных традиционной бирманской филологии. Тем не менее на основе комплексного изучения шестнадцати поэтических текстов (в общей сложности 1279 стихотворных строк), выполненного точными методами (с помощью подсчетов и анализа статистических данных), которые были применены к бирманской метрике впервые, а также с помощью привлечения наличествующих источников, нам удалось установить, что изначально (примерно до конца XVI в.) в бирманской поэзии преобладал силлабический размер, в котором каждая строка содержала четыре слога и в котором использовалась так называемая ступенчатая рифма. Однако позднее на смену этому размеру приходят метры, которые мы предлагаем классифицировать как расшатанную силлабику. Особого внимания также заслуживает тот факт, что бирманская метрика не обнаруживает каких-либо параллелей с более изученной тайской метрикой, за исключением частого использования внутренней рифмы.

Ключевые слова: метрика, стиховедение, бирманская поэзия, бирманский язык, языки Юго-Восточной Азии, силлабические размеры, внутренняя рифма

Для цитирования: Саркисов И.В. Опыт изучения метрических законов бирманской поэзии // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 135–162. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-135-162

© Саркисов И.В., 2021

Towards a description of the metrical structure of Burmese poetry

Ivan V. Sarkisov

HSE University, Moscow, Russia, vanya.sarkisov@gmail.com

Abstract. This article studies the rules of versification in Burmese traditional poetry. The topic of Burmese metrics has been studied incompletely and one of the main issues connected with its study is the lack of availability of traditional Burmese sources. This research is the first one to use statistical methods to study Burmese metrics. The approach is based on the material of 16 Burmese poetic texts (1279 lines in total) and certain information from the previous works as well. This research has shown two important ideas – the first is that until the 16th century, Burmese poems were written using a syllabic meter where each line consisted of four syllables that were connected by internal rhyme. The rules of rhyme sometimes were violated and the sequence of tones did not play any role. After the 16th century some new meters became popular, and according to the results of the research these meters appear to be more loosely syllabic. Another important fact, which has been discovered during the research, is that the rhymes in Burmese poems are internal much like Thai poetry as well and this is in contrast to European poetry.

Keywords: metrics, poetry, Burmese language, Burmese literature, South-east Asian languages, syllabic meters, internal rhyme

For citation: Sarkisov, I.V. (2021), “Towards a description of the metrical structure of Burmese poetry”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 135-162, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-135-162

Введение

Настоящая статья представляет собой попытку выявить основные метрические закономерности и описать наиболее употребительные метры классической бирманской поэзии.

Бирманская¹ поэтическая традиция является одной из древнейших и наиболее развитых в странах материкового Индокитая. Тем не менее она почти неизвестна за пределами Мьянмы, а ее метрические закономерности практически не исследованы. При этом

---

¹ Прилагательное «бирманский» обозначает принадлежность или отношение к Мьянме, которая до 1989 г. официально именовалась Бирмой. Хотя название страны изменено, слово «мьянманский» в русском языке почти не используется, а вместо него продолжает употребляться прилагательное «бирманский».

какие-либо описания или систематизации поэтических размеров в традиционной бирманской филологии либо отсутствуют, либо на данный момент недоступны для нас.

Учитывая все это, в рамках настоящей работы мы постараемся сформулировать как первостепенные задачи изучения структуры бирманского стиха, так и соответствующие методы их решения, а также выдвинуть некоторые гипотезы о характере метрики бирманской поэзии. Основная часть статьи (помимо введения и заключения) состоит из четырех частей. В первой из них приводятся основные исторические и литературоведческие сведения о бирманской поэзии, во второй – краткое описание бирманской фонологии, знакомство с которым необходимо для обсуждения метрических законов, в третьей обобщаются результаты предшествующих исследований, а в четвертой излагаются результаты нашей работы.

1. Общие сведения о бирманской поэзии

История и многие культурные и художественные особенности бирманской поэзии, как и всей бирманской литературы в целом, типичны для народов Индокитая и находят параллели в других странах региона: Камбодже, Таиланде и Лаосе. Это объясняется как схожими условиями существования (в первую очередь постоянным влиянием буддизма и индийской культуры), так и тесными взаимными контактами [Осипов 1980, с. 3–5, 10]. Однако бирманская литература практически все время несколько опережала в своем развитии литературу соседних стран (это выражалось в более раннем возникновении тех или иных родов литературы и отдельных жанров, а также в освоении определенных популярных для региона тем и сюжетов).

Поэзия на бирманском языке появляется не позднее XIV в. К этому времени относятся первые дошедшие до нас образцы поэтических текстов, датировка которых не вызывает сомнения [Осипов 1980, с. 8]. Однако нельзя исключать наличие поэтической традиции еще в первом бирманском государстве – Паганском царстве, существовавшем в XI–XIII вв., с момента проникновения бирманцев с севера на территорию центральной Мьянмы до опустошения страны монголами, и отличавшемся высоким уровнем развития архитектуры, ремесел и буддийской учености (до XI в. большая часть современной Мьянмы была населена не родственными бирманцам монами, развитая культура которых, включая и письменность, была воспринята Паганским государством). Так, например,

традиционная бирманская филология утверждает, что стихотворение «Закон природы» поэта Анандатурии, считающееся классикой бирманской поэзии, было написано в 1173 г. (правда, данные истории и филологии свидетельствуют в пользу того, что оно было создано не ранее XIV или даже XV в. [Hla Pe, Allot, Okell 1963, p. 40]).

С XIV в. и до начала колониального периода (1887 г.) поэзия занимает в литературе Мьянмы господствующее положение. Как уже отмечалось, огромное влияние на бирманскую литературу, особенно на этапе ее становления, оказали буддизм и индийская культура. Также в XVI и XVIII вв., во время активной бирманской экспансии на территорию тайских государств, литературная традиция Мьянмы подвергалась тайскому влиянию. Однако в наиболее важных аспектах процесс развития бирманской словесности протекал вполне самостоятельно, нередко опережая достижения литературных традиций других народов Индокитая, чему способствовало главенствующее политическое положение бирманских государств в регионе. Захват Мьянмы британскими колонизаторами в 1887 г. и последующий колониальный период привели к достаточно резкому отходу от классических литературных традиций и даже, возможно, некоторому их забвению, поскольку бирманские писатели и поэты стали ориентироваться в первую очередь на европейскую, а не на национальную словесность.

В жанровом отношении традиционная бирманская филология выделяет в поэзии своей страны два основных направления – *ачхин* (песенная поэзия) и *линга* (книжная поэзия) [Осипов 1980, с. 26], каждое из которых, в свою очередь, распадается на множество отдельных жанров, каковых, по мнению В.Г. Златоверховой, насчитывается в общей сложности сорок [Златоверхова 1973, с. 142]. Наиболее популярными из подвидов линги были *яду* (произведения лирического характера), *могун* (панегирические произведения для восхваления выдающихся людей, в первую очередь королей), *пьюу* (примерный аналог европейской поэмы, наиболее употребительный из бирманских жанров) и *яган* (еще один эпический жанр, которому, в отличие от пьюу, были более свойственны авантюрно-приключенческие и сатирические элементы) [Осипов 1980, с. 26–56]. Также в XVIII в. появился драматический жанр *пьяза* (пьеса, написанная стихами), активно использовавшийся в последующем столетии, на которое пришелся расцвет бирманской драмы [Осипов 1980, с. 68].

Наиболее распространенными темами лирической бирманской поэзии были философские размышления в духе буддизма, часто переплетавшиеся с наставлениями. В эпике и драме, как и в литературе соседних народов, активно разрабатывались сюжеты из

*джатак*² (как канонических 547, входящих в «Типитаку»³, так и из созданного в странах Индокитая апокрифического цикла «Панньяса»⁴) и индийского эпоса «Рамаяна», а также из национальной истории. При этом весьма распространенным явлением было написание различными авторами (как жившими в разное время, так и современниками) своих версий одного и того же сюжета.

Ввиду недостаточной изученности литературы Мьянмы и отсутствия переводов правильно выделить наиболее значимые образцы бирманской поэзии достаточно сложно. Особым почетом, согласно бирманской традиции, пользуются произведения поэтов Навадея Старшего (1498–1588), автора пьюу «Манохари» и «Язьябьюха», У Тхун Ньюу, написавшего около 1798 г. пьюу на сюжет «Вессантары-джатаки» (одной из канонических 547 джатак), очень популярной в Индокитае, Падейтаязы, в первой половине XVIII в. создавшего новаторское произведение «Маникэ» (на сюжет джатаки о царевиче Судхане из «Панньясы»), ставшее первой в регионе полноценной драмой, У Поун Нья (между 1807 и 1811 – около 1867 г.), с именем которого связан расцвет бирманского театра, и У Тоу (1751–1796), перу которого принадлежит «Яган о Раме» на сюжет «Рамаяны». Также признанным шедевром считается уже упоминавшаяся линга Анандатурии «Закон природы» (1173 г. или же XIV–XV вв.).

Несмотря на богатство литературного наследия, классическая бирманская поэзия изучена очень незначительно и, насколько можно судить, мало переводилась на другие языки (мы не сталкивались ни с одним переводом какого-либо крупного произведения). При этом сведения о ее метрических законах также весьма скудны. Если, например, в тайской традиции существовали под-

---

² Джатаками в буддийской традиции называются истории (обычно житийного, но иногда и сказочно-авантюрного характера) о предшествующих рождениях Будды Шакьямуни. Джатаки обычно представляют собой прозаические тексты с различной долей поэтических вкраплений. Канонические 547 джатак входят в священное писание буддизма «Типитаку», однако помимо них существуют также сборники апокрифических джатак.

³ «Типитака» (также «Трипитака» или «Палийский канон») – священное писание буддизма на языке пали, представляющее собой свод огромного количества разнообразных по жанру и содержанию текстов. В «Типитаку», в частности, входит 547 джатак, считающихся каноническими.

⁴ «Панньяса» – сборник из написанных на пали пятидесяти джатак, созданный в XV–XVI вв. в странах Индокитая (вероятно, ранее всего в тайском государстве Ланна на севере современного Таиланда). Джатаки «Панньясы» не входят в «Типитаку» и, следовательно, являются апокрифическими. В буддийских странах за пределами Индокитая они неизвестны.

робные классификации и описания поэтических метров, которые сравнительно легко могут быть «переведены» в термины современного стиховедения (см., например, в работах [Hudak 1992], [Hudak 2001] и [Cooke 1980]), то относительно бирманской поэзии подобная информация отсутствует, и все источники сообщают почти исключительно о систематизации жанров. Нам даже не удалось найти названий ни одного из стихотворных размеров классической бирманской поэзии. Очевидно, либо культура изучения метрики в традиционном бирманском литературоведении отсутствовала, либо ее достижения по каким-то причинам оказались практически не замеченными современными учеными. На русском языке имеются как минимум три очень ценные работы, посвященные бирманскому стихосложению: [Златоверхова 1973], [Бурман 1971] и [Янсон 2006]. В них, особенно в последней, сообщается ряд очень важных сведений о бирманской метрике. Однако эти сведения далеко не всегда подкреплены количественными данными (а равно и ссылками на бирманские источники) и поэтому, как минимум, нуждаются в проверке. По этим причинам исследования метрических законов бирманской поэзии приходится начинать практически с нуля, имея довольно скудный набор уже сформулированных гипотез или исходных данных.

Прежде чем перейти к изложению результатов нашего исследования, необходимо привести базовые сведения о бирманском языке и письменности.

3. Краткая лингвистическая характеристика бирманского языка

Бирманский язык относится к лоло-бирманской общности, входящей в юго-восточную ветвь тибето-бирманской группы языков, которая, в свою очередь, является частью сино-тибетской языковой семьи [Bradley 1997, с. 38–39].

Согласные фонемы бирманского языка приведены в табл. 1. Вокалическая система представлена восемью гласными фонемами – *a, e, i, o, u, ε, ъ* и *э* и четырьмя дифтонгами – *ei, ai, au* и *ou*.

В бирманском языке существуют смыслоразличительные тоны. Их количество оценивается разными исследователями по-разному – от трех до пяти [Watkins 2000, p. 139]. При этом контраст между ними имеет не только интонационную природу, но и обусловлен также длительностью гласного и дополнительной артикуляцией, что дает некоторым исследователям основания описывать бирманские тоны в других терминах [Green 2002, p. 3]. Наиболее

Таблица 1

Согласные фонемы бирманского языка по [Green 2002]

	Звонкие	Глухие	Придыхательные
Взрывные	<i>b, d, g</i>	<i>p, t, k</i>	<i>p^h, t^h, k^h</i>
Щелевые	<i>(ð), z</i>	<i>θ, s, f, h</i>	<i>s^h</i>
Аффрикаты	<i>dʒ</i>	<i>tʃ</i>	<i>tʃ^h</i>
Носовые	<i>m, n, ɲ, ŋ</i>	<i>ɲ̥ ɲ̥^h ŋ̥^h</i>	
Аппроксиманты	<i>w, j, l, r</i>	<i>w̥ l̥</i>	
Глоттальные	<i>ʔ</i>		

Слог в бирманском языке имеет структуру $C(G)V(C)^5$, где C – согласный, V – гласный, а G – полугласный j или w [Янсон 2011, с. 4].

распространенной является точка зрения о существовании в бирманском языке четырех тонов, которые обычно называют скрипучим, высоким, низким и замкнутым (данные термины являются переводом названий бирманских тонов, традиционно принятых в английском языке – «sreaky», «low», «high» и «checked» соответственно; в русском языке устоявшиеся названия для них отсутствуют), однако к ним могут применяться и другие названия [Green 2002, р. 3]. Оставляя в стороне весьма сложный и не разрешенный до конца вопрос об истинной фонологической сущности бирманских тонов, мы будем применять к ним в данной работе традиционно принятые бирманцами числовые обозначения: скрипучий тон будет обозначаться как первый, низкий – как второй, высокий – как третий, замкнутый – как четвертый. Слоги, имеющие четвертый тон, всегда оканчиваются на гортанную смычку $ʔ$, а по интонационному контуру этот тон относительно близок ко второму [Watkins 2000, р. 139]. Слоги, несущие четвертый тон, реализуются как самые краткие, слог первого тона несколько длиннее,

⁵ А.Д. Грин предлагает описывать структуру бирманского слога схемой $C(G)V(V)C$, классифицируя как кластеры гласных последовательности звуков *au, oi, ei* и *ai*, однако сам же перед этим характеризует их как дифтонги. Дабы не создавать противоречий в предлагаемом описании бирманской фонетики, мы будем исходить из того, что данные звукосочетания являются дифтонгами и представляют собой один гласный звук. Однако при изучении метрики возможное отличие дифтонгов от монофтонгов, разумеется, следует учитывать [Green 2002].

третьего – еще длиннее, а второго – самые долгие [Green 2002, p. 9]. Вопрос об истинной природе и числе бирманских тонов находится вне рамок настоящей работы. Тем не менее, изучая метрические законы бирманской поэзии, не следует заведомо отметить гипотезу о том, что второстепенные признаки тонов (в первую очередь длительность) могут иметь метрообразующее значение.

Как и большинство языков Юго-Восточной Азии, бирманский язык является языком изолирующего строя, и в нем практически отсутствует морфология [Artnonla 2003, p. 1]. Стандартным порядком слов в нем является SOV, а прилагательное обычно предшествует существительному, что выделяет бирманский язык среди большинства языков региона [Artnonla 2003, pp. 101–102].

Бирманский язык пользуется своей оригинальной письменностью, которую бирманцы на заре своей цивилизации заимствовали у монов, чей алфавит в свою очередь восходит к южноиндийским слоговым системам. Бирманское письмо является алфавитным, однако в основной строке пишутся только согласные буквы, а гласные располагаются справа, слева, сверху или снизу относительно них. Тоны обозначаются на письме, при этом соответствие между конкретными знаками или их сочетаниями и конкретными тонами, в отличие от тайского письма, однозначно. Хотя бирманская письменность почти не менялась на протяжении почти тысячи лет, в целом разница между написанием и произношением в ней не слишком велика, однако расхождения все же встречаются [Янсон 2011, с. 4].

В настоящее время отдельные слова в бирманском письме разделяются пробелами, а из знаков препинания используются аналог точки «||» и аналог запятой «|». Однако, согласно свидетельству Р.А. Янсона, изначально пробелы между словами не использовались, и их появление связано с европейским влиянием. Поэтические тексты на строки также не разбивались [Янсон 2006, с. 406]. Каким образом в бирманском письме разбиение на строки выражается сейчас, в точности не известно.

4. Предшествующие исследования

Поскольку, как уже отмечалось, метрика бирманской поэзии является почти совершенно неисследованной, ее изучение сопряжено не только с решением задач описания и анализа получаемых данных, но и с рядом методологических проблем.

Нам известно сравнительно небольшое число работ, затрагивающих вопросы метрических закономерностей бирманского

стихосложения. Помимо уже упомянутых русскоязычных работ В.Г. Златоверховой, А.Д. Бурман и Р.А. Янсона, к ним относятся статьи “Burmese poetry (1300–1971)” одного из крупнейших в истории бирмановедов Хла Пе и «Three ‘immortal’ Burmese songs», написанная им же в соавторстве с А.Дж. Аллот и Дж. Океллой. Основная информация, сообщаемая данными работами относительно бирманских поэтических метров, сводится к тому, что до XVIII в. в бирманской поэзии господствовал размер, в котором каждая строка содержала по четыре слога, и что особенно часто он использовался в пьюу [Бурман 1971, с. 141]. При этом данное утверждение, первенство в высказывании которого, очевидно, принадлежит Хла Пе [Hla Pe, Allot, Okell 1963], к сожалению, на данный момент не подкреплено количественными данными. После XVIII в., по имеющимся свидетельствам, четырехсложный размер «стал соблюдаться не так строго» [Бурман 1971, с. 141] и на его место пришли размеры, где число слогов варьировалось от трех до шести [Бурман 1971, с. 141]. Единственным исследователем, попытавшимся дать типологическую классификацию классической бирманской метрике, была В.Г. Златоверхова. Она заявляет, что размер в бирманской поэзии «определяется постоянным количеством слогов» [Златоверхова 1973, с. 157], однако характеризует бирманскую метрику не как силлабическую, а как силлабо-тональную, мотивируя это тем, что в ней «важную роль играют и просодические элементы» [Златоверхова 1973, с. 157]. Тем не менее, хотя это еще не было известно в то время, когда вышла работа Златоверховой, использование особой интонации для оформления и членения стихотворного текста – это особенность стиха во всех проанализированных на настоящий момент системах стихосложения (включая классическую силлабо-тонику, тонику и свободный стих [Златоустова 1975; Skulacheva, Kostyuk 2019; Кривнова, Костюк 2020]) и, таким образом, не является специфичным для какой-то одной системы стихосложения. Поэтому наиболее логично сделать вывод, что бирманский стих является силлабическим.

5. Результаты исследования

Наше исследование проводилось на материале 16 стихотворных текстов, 15 из них были проанализированы полностью и 1 частично. Три из них были тексты, которые Хла Пе, Дж. Аллот и Дж. Окелла приводят в своей работе, а именно «Закон природы» Анандатурии (1173 г.; по другим данным – XIV–XV вв.), «Стихотворение, написанное в изгнании» Мауна Мья Сана, известного

также под псевдонимом Левентоундая (конец XVIII в.) и «Песнь усмирённого» знаменитого поэта и драматурга У Поун Нья (середина XIX в.).

Помимо них, нами использовался сборник бирманских стихов [Lustig], доступный нам в электронном виде. В нем содержатся оригинальные тексты 29 стихотворений различных бирманских поэтов (в том числе и неизвестных авторов) XIV–XIX вв. с английскими переводами. В их число входят и «Закон природы» Анандатурии. Разбиение стихотворений на графические строки здесь также, судя по всему, не соответствует, как минимум, метрике, а возможно, и строфике. При этом расположение строк в «Законе природы» отличается от такого в статье “Three ‘immortal’ Burmese songs”. К сожалению, качество печати или сканирования данного издания оставляет желать лучшего, вследствие чего местами отдельные буквы и символы, а порой и целые строки трудно различимы, что сделало невозможным использование в качестве материала для исследования некоторых стихотворений сборника.

Наконец, нами также был проанализирован отрывок длиной в 860 строк из «Ягана о Раме» поэта У Тоу, жившего в XVIII в., имевшийся у нас в виде фотографий страниц бирманской книги из Национальной библиотеки в Нейпидо, сделанных нами во время поездки в Мьянму.

Общий объем проанализированных текстов составляет 1279 стихотворных строк.

5.1. Анализ метрики стихотворения

«Закон природы»

В ходе подсчета слогов в стихотворении «Закон природы» было установлено, что каждый из 41 отрезка текста, разделенных знаками «|» или «||», содержит ровно четыре слога, как это показано в табл. 2. При этом одна графическая строка может содержать от одного до шести подобных элементов, а в трех случаях одна часть четырехсложного отрезка, обособленного знаками «|» и «||», находится на одной строке, а другая – на следующей (в двух случаях на первой строке располагается один слог, а три – на следующей, в одном случае отрезок разделяется поровну). Четыре слога в каждом отрезке, выделяемом знаками «|» или «||», мы можем насчитать, только если будем рассматривать в качестве слога сочетание звуков структуры C(G)V(C), описанное выше. Слоги, содержащие дифтонги и полугласные, и закрытые слоги (относительно которых, исходя из правил других метрических систем, например, тайской [Hudak 1992], можно было бы предполагать, что они учитывают-

ся как два или полтора слога с простейшей структурой) наравне с монофтонговыми и открытыми слогами должны считаться за один слог, иначе метрическая схема потеряет стройность. Метрика стихотворения проиллюстрирована в примере (1).

(1) Первые две стихотворные строки «Закона природы» Анандатурии⁶

θu² tʰe³ tə¹ jau?   kãu³ bo¹ jau? mu²
 [В то время как] один достигает счастья'

Таблица 2

Распределение числа слогов в стихотворных строках
 в стихотворении Анандатурии «Закон природы»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов
4	41

На основе полученных фактов мы можем сделать три принципиально важных для последующего анализа бирманской метрики выводы.

Во-первых, по-видимому, стихотворные строки в современных изданиях бирманской поэзии обособляются знаками «|» и «||», а деление стихотворного текста на графические строки не обусловлено ни метрикой, ни, скорее всего, строфикой.

Во-вторых, под слогом в бирманской поэзии понимается фонетический слог вне зависимости от его структуры.

В-третьих, стихотворение «Закон природы» действительно написано размером, в котором каждая стихотворная строка содержит ровно четыре слога. При этом следует понимать, что распространять первые два утверждения на всю бирманскую поэзию было бы преждевременным, а размер, используемый в «Законе природы», может, помимо количества слогов в стихотворной строке, определяться и иными факторами, например, чередованием тонов.

Таким образом, все эти результаты должны быть проверены в ходе дальнейших исследований.

⁶ Поскольку, как отмечалось выше, мы хотели бы оставить вопрос о фонетической сущности бирманских тонов за рамками настоящей работы, мы будем обозначать их в наших транскрипциях не диакритическими знаками, а номерами, согласно описанному выше принципу. При этом четвертый тон не нумеруется, так как в качестве его маркера выступает ?, что соответствует бирмановедческой традиции.

5.2. Анализ метрики стихотворения
«Песнь усмирённого»

Хла Пе, не затрагивая вопроса о правилах, регулирующих размер стихотворения «Песнь усмирённого», традиционно приписываемого У Поун Нья, характеризует его как написанное не классическим четырехсложным размером, а более свободным и близким к разговорному стилем [Hla Pe, Allot, Okell 1963, p. 597]. В свою очередь А.Д. Бурман, ссылаясь на Хла Пе, утверждает, что с конца XVIII в. «классический четырехсложный размер стал соблюдаться не так строго. Число слогов стало варьироваться (от трех до пяти-шести)» [Бурман 1971, с. 191], однако ничего более подробного об этом «варьировании» она не сообщает. Таким образом, предшествующие работы свидетельствуют в пользу того, что в данном случае мы имеем дело с размером, не имеющим очевидной структуры.

Результат подсчета слогов в стихотворении «Песнь усмирённого», состоящего из 16 стихотворных строк, представлен в табл. 3 (учитывалось число слогов в фонетическом понимании этого термина в стихотворных строках). Как видим, число слогов в стихотворной строке здесь не фиксировано и колеблется от трех до девяти (разброс в длине строк в данном стихотворении проиллюстрирован в примере [2]). Частоты, с которыми то или иное число слогов встречается в стихотворной строке, представлены в табл. 4.

Таблица 3

Количество слогов в стихотворных строках
в стихотворении У Поун Нья «Песнь усмирённого»

№ строки	Число слогов	№ строки	Число слогов
1	3	9	8
2	6	10	8
3	6	11	6
4	5	12	5
5	8	13	3
6	7	14	6
7	8	15	9
8	4	16	4

(2) Разброс в длинах строк в стихотворении У Поун Нья «Песнь усмирённого» на примере его первых двух стихотворных строк

hou?   pəle²
 ŋouʔtə^he¹   ha¹ja¹ma¹ phjɿ³
 pu²be¹sa¹   tɛ^hɿ³ ji³le²

‘Поистине! Если уж мне приходится открыть уста, то [я должен сказать, что] все [то, что со мной случилось] – последствия прошлого [прошлых жизней]’

Таблица 4

Распределение числа слогов в поэтических строках
в стихотворении У Поун Нья «Песнь усмирленного»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
3	2	11,8%
4	2	11,8%
5	2	11,8%
6	4	23,5%
7	2	11,8%
8	3	17,7%
9	2	11,8%

Самое частотное количество слогов в стихотворной строке здесь – шесть. Однако оно встречается лишь в четырех из шестнадцати строк, то есть только в четверти случаев. При этом разброс возможного числа слогов в стихотворных строках очень велик. Полученные результаты дают основание предположить, что размер стихотворения от количества слогов в стихотворной строке не зависит вообще и регулируется какими-либо иными параметрами. Однако, прежде чем делать подобные выводы, целесообразно сопоставить эти данные с данными, полученными при анализе других текстов.

5.3. Анализ метрики в отрывке из поэмы «Яган о Раме»

В ходе анализа отрывка из «Ягана о Раме» У Тоу общей длиной в 879 строк нами были получены результаты, которые представлены в табл. 5.

Нетрудно заметить, что в данном поэтическом тексте прослеживается явная закономерность в количестве слогов в строке: больше половины из них содержат по 4 слога, количество строк, состоящих из 4, 5 или 6 слогов, суммарно превосходит 90%. Это говорит о том, что в данном случае перед нами типичный пример нестрогой силлабики, которая, очевидно, возникла в результате постепенного

Таблица 5

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в отрывке из поэмы У Тоу «Яган Рама»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
2	3	0,3%
3	37	4,2%
4	561	63,8%
5	100	11,3%
6	138	15,7%
7	28	3,2%
8	3	0,3%
9	6	0,7%
10	1	0,1%
11	1	0,1%
12	1	0,1%

отхода от классического четырехсложного размера, которым написан «Закон природы». Этот вывод должен стать ключом к осмыслению данных, полученных при анализе «Песни усмирленного» У Поун Нья и коротких стихотворений из сборника [Lustig].

5.4. Анализ метрики стихотворений из сборника “*Burmese classical poems*”

В ходе исследования нами было подсчитано число слогов для двенадцати из двадцати девяти стихотворных текстов, содержащихся в сборнике [Lustig] (не считая уже исследованного стихотворения «Закон природы»). Результаты оказались следующими.

В одном из них – стихотворении «Восприми сердцем. Наставления отца сыну» поэта Сатона Саяадау, жившего предположительно в XVIII в., каждая из 101 стихотворной строки содержит ровно по четыре слога. На основе этого мы можем сделать вывод, что данное произведение написано тем же самым, классическим четырехсложным, по выражению Хла Пе, размером, что и «Закон природы» Анандатурии. Любопытен также тот факт, что в данном издании все графические строки, кроме последней, содержат по две стихотворные строки. Это является исключением для сборника, где соответствие стихотворных и графических строк обычно выглядит произвольным.

В стихотворении «Спасение не может быть далеко» поэта XVI в. Шин Махараттатхары из 95 стихотворных строк 81 содержит по четыре слога, 9 – по пять, 6 – по три и 7 – по два. На основе этого можно предположить, что и данное стихотворение также написано тем самым четырехсложным размером, но либо с вкраплениями других, еще неизвестных нам размеров, либо же местами метрика стихотворения выдержана неточно.

Совсем по-другому выглядит метрическая организация во всех остальных исследованных нами стихотворениях сборника. Среди них, даже среди самых коротких, состоящих из четырех стихотворных строк, нет ни одного, где бы каждая стихотворная строка содержала одно и то же число слогов. В некоторых из них можно заметить определенные тенденции. Так, например, в стихотворении «Гужевая повозка» поэта XIX в. У Я Кьяу (распределение длин стихотворных строк в котором представлено в табл. 6) 78% стихотворных строк содержат 8 или 9 слогов. Следовательно, можно предположить, что оно написано либо нестрогим размером, в котором каждая стихотворная строка должна состоять примерно из восьми слогов с возможными вариациями, либо это восьмисложный размер, но неточно выдержанный.

Таблица 6

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в стихотворении У Я Кьяу «Гужевая повозка»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
4	1	7%
6	1	7%
8	8	57%
9	3	21%
10	1	7%

Менее четкую картину мы видим в небольшом стихотворении неизвестного автора, состоящем всего из восьми строк. Здесь 2 стихотворные строки содержат по 8 слогов, 2 по 7, 2 по шесть и 2 по четыре. Еще менее жесткая структура наблюдается в таких стихотворениях, как, например, «Желто-зеленый цветок падаук» У Кьяу (не следует путать с У Я Кьяу) и «Лесная песнь» принцессы Хланг Тей Кхаунг Тин, живших в XIX в., распределение длин стихотворных строк в которых представлено соответственно в табл. 7 и 8.

Каждое из значений, которое может принимать количество слогов в стихотворных строках в этих текстах, встречается менее чем в половине случаев. Разброс этих значений весьма велик – в первом стихотворении от трех до девяти, то есть максимальное и минимальное значения различаются в три раза.

Таблица 7

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в стихотворении У Кьяу «Желто-зеленый цветок падаук»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
3	5	25%
4	2	10%
5	7	35%
6	3	15%
7	2	10%
9	1	5%

Таблица 8

Распределение числа слогов в стихотворных строках
в стихотворении принцессы Хлаинг Тей Кхаунг Тин «Лесная песня»

Число слогов в строке	Количество строк, содержащих данное число слогов	Процент строк, содержащих данное число слогов
4	5	31%
3	4	25%
5	5	31%
6	1	6%
8	1	6%

На первый взгляд, такой сильный разброс в длинах строк совершенно не похож на силлабику, даже на нестрогую. Действительно, для сравнения: в нестрогой силлабической поэзии на африканском языке фула максимальное и минимальное количество слогов в строке различаются примерно в 0,5–0,7 раз, и наиболее частотное количество слогов встречается не менее чем в 70% случаев [Саркисов 2016, с. 256]. Тем не менее, несмотря на такой сильный

разброс значений в рассмотренных поэтических текстах, у длины стихотворных строк в них есть наиболее частотные значения – 4 и 5, что гораздо более свойственно расшатанной силлабике, нежели верлибру. В соответствии с этим наиболее логичным представляется интерпретировать подобную структуру как очень нестрогую, но все же основанную на количестве слогов в стихотворной строке, то есть сильно расшатанную силлабику (вероятно, последний этап ее расшатывания перед возникновением верлибра). Очень важным аргументом в пользу такого вывода является тот факт, что нестрогая, но хорошо урегулированная силлабика, которую рассматривать как верлибр совершенно недопустимо, была выявлена нами в отрывке из ягана У Тоу о Раме. Благодаря нему мы можем выстроить довольно логичную и стройную картину постепенного расшатывания бирманской силлабической метрики от безупречно строгого четырехсложника (как, например, в «Законе природы») через нестрогий четырехсложник с заметными нарушениями (как в «Ягане о Раме») до сильно расшатанной силлабики на грани верлибра, но все же не переходящей в него.

Разумеется, мы не можем полностью исключать и иной характер метрики в поэтических текстах без четкой структуры и допустить, что учет слогов в подобных образцах бирманской поэзии ведется иным образом, нежели в стихах, написанных «классическим четырехсложным размером» (например, по-другому учитываются слоги с дифтонгами, по-разному считаются открытые и закрытые слоги и т. п.), или же размер в них основан не на количестве слогов в стихотворной строке, а на каких-либо иных закономерностях, например, на чередовании тонов. Для получения окончательного результата оба предположения необходимо проверить путем статистических подсчетов. Однако невероятно большой объем работы, необходимый для этого (например, для прояснения вопроса о влиянии тонов на размер необходимо будет не только провести разметку тонов для всех слогов в каждом из анализируемых поэтических текстов, но и посчитать процент использования каждого из тонов на каждой из возможных позиций в строке), не позволяет выполнить подобную задачу в ближайшем будущем. Но тот факт, что мы можем наблюдать описанный выше постепенный переход от строгой силлабики к расшатанной, а также полное отсутствие надежных свидетельств о существовании в бирманской поэзии размеров, основанных не на количестве слогов в строках (классификация В.Г. Златоверховой бирманской метрики как силлабо-тональной по описанным выше причинам не внушает доверия), являются важными аргументами в пользу правильности нашей первой гипотезы.

5.4. Анализ чередования тонов в стихотворении «Закон природы»

После того, как нам удалось выявить, что в классической бирманской поэзии существует размер, где каждая стихотворная строка должна содержать ровно четыре слога, стало необходимым разрешить следующий вопрос: основан ли этот размер только на количестве слогов в стихотворной строке или же и на каких-либо иных закономерностях? Наиболее логичным было бы допустить, что метрообразующую роль здесь также может играть чередование тонов. С целью проверки этой гипотезы нами были размечены тоны для каждого из слогов в стихотворении Анандатурии «Закон природы», а затем было подсчитано, в каком количестве поэтических строк (всего их в стихотворении 41) каждый из четырех тонов занимает каждую из четырех возможных позиций. Результаты подсчетов представлены в табл. 9. Помимо этого, поскольку можно допустить, что четвертый и второй тоны могут восприниматься как один, мы провели аналогичный подсчет этих двух тонов как одинаковых. Результаты представлены в табл. 10.

Таблица 9

Распределение тонов в стихотворении Анандатурии
«Закон природы» при учете 4 тонов

Тон	Позиция в стихотворной строке			
	1	2	3	4
1	24 (58,5%)	26 (63,2%)	20 (48,8%)	14 (34,1%)
2	9 (21,9%)	5 (12,2%)	13 (31,7%)	16 (39%)
3	4 (9,8%)	6 (14,6%)	4 (9,8%)	7 (17,1%)
4	2 (4,9%)	6 (14,6%)	4 (9,8%)	4 (9,8%)

Таблица 10

Распределение тонов в стихотворении Анандатурии
«Закон природы» при учете 3 тонов

Тон	Позиция в стихотворной строке			
	1	2	3	4
1	24 (58,5%)	26 (63,4%)	20 (48,8%)	14 (34,2%)
2+4	11 (31,7%)	11 (26,8%)	17 (41,5%)	20 (48,8%)
3	4 (9,8%)	6 (14,6%)	4 (9,8%)	7 (17,1%)

Как можно увидеть из таблиц, ни один из тонов не занимает какой-либо определенной позиции во всех стихотворных строках, а самая высокая частота, с которой конкретный тон занимает конкретную позицию, равна 63%. Таким образом, четкая закономерность в чередовании тонов отсутствует (попытки обнаружить какие-либо последовательности в появлении тонов в определенной позиции также не дают результатов). Это сильно контрастирует с безукоризненной строгостью, с которой соблюдается правило относительно количества слогов в стихотворной строке, исключений из которого в данном стихотворении не встречается. Обращает на себя внимание и то, что все четыре возможные позиции чаще всего занимает первый тон, реже – второй, а совсем редко – третий. Объяснением подобного распределения тонов может быть частота их употребления в бирманском языке.

На основе этих данных можно сделать вывод, что чередование тонов в исследуемом размере не играет метрообразующей роли и что размер базируется лишь на количестве слогов в стихотворной строке. Следовательно, мы можем классифицировать его как силлабический.

5.5. Некоторые замечания относительно рифмы

Изучение бирманской рифмы не входило в задачи настоящего исследования. Однако мы все же считаем необходимым привести здесь имеющиеся у нас сведения по этому вопросу.

Под рифмой в бирманской поэтике понимается совпадение гласных и конечных согласных (при их наличии) в рифмующихся слогах, а также совпадение их тонов, являющееся необходимым условием [Бурман 1971, с. 141]. При этом графическое совпадение превалирует над фонетическим: ряд слогов бирманского языка, имеющих совершенно одинаковое произношение, но обусловленное традицией различное написание [Yanson 2017, pp. 12–13], по наблюдениям Р.А. Янсона, не могут рифмоваться между собой [Янсон 2006, с. 407–408]. По свидетельствам Хла Пе [Hla Pe 1971, p. 559] и Бурман [Бурман 1971, с. 140], изначально в исследованном нами четырехсложном размере использовалась так называемая ступенчатая рифма, при которой либо последний (четвертый) слог первой стихотворной строки рифмуется с третьим слогом второй и вторым – третьей [Hla Pe 1971, p. 559], как это показано на схеме 1 (тройная рифма), либо последний слог первой стихотворной строки рифмуется только с третьим или вторым слогом последующей (двойная рифма; соответственно схемы 2 и 3) [Златоверхова 1973, с. 144].

--- А
 -- А -
 - А - Б
 -- Б -

Схема 1. Тройная рифма в четырехсложном размере
 (согласно [Бурман 1971, с. 140])

--- А
 -- А -

Схема 2. Двойная рифма в четырехсложном размере
 (согласно [Златоверхова 1973, с. 144])

--- А
 - А --

Схема 3. Двойная рифма в четырехсложном размере
 (второй вариант) (согласно [Златоверхова 1973, с. 144])

(3) Ступенчатая рифма в строках из драмы У Поун Нья «Водонос» (по [Бурман 1971, с. 140])⁷ (рифмующиеся слоги выделены курсивом).

Лу ¹ поун ² кхан ³ ва ²	‘В людских поселениях
Лу ¹ пий ² йва ² хма ¹	среди мира людей
Вун ³ са ² кхэ ³ кхэ’	трудно добыть себе пищу’.

Позднее (уже после появления новых метров, понять природу метрики которых нам пока не удалось) чаще рифмой стали соединяться попарно последние два, а иногда и три слога соседних стихотворных строк. Считается, что изобретателем такой рифмы был У Поун Нья [Нла Ре 1971, р. 569]. Однако ступенчатая рифма также продолжала использоваться [Бурман 1971, с. 141]. При этом варианты ее стали гораздо разнообразнее и помимо рифмовки четвертого, третьего и второго слогов следующих друг за другом строк ста-

⁷ Поскольку А.Д. Бурман приводит данную цитату лишь в кириллической транскрипции, без бирманского оригинала, мы считаем правильным цитировать ее здесь в таком же виде, не пытаясь восстановить оригинал или латинскую транскрипцию во избежание возможных неточностей.

ли активно использоваться и иные схемы, например, рифма только между четвертым слогом одной строки и вторым или первым слогом последующей [Hla Pe 1971, pp. 80–81].

И Хла Пе [Hla Pe 1971, p. 563], и А.Д. Бурман [Бурман 1971, с. 143] отмечают, что структура рифм в одном произведении далеко не всегда следует четким правилам. Например, Хла Пе сообщает, что в стихотворении Мауна Мья Сана «Песнь, написанная в изгнании» иногда вместо рифмы между четвертым, третьим и вторым слогами идущих друг за другом стихотворных строк используются рифмы только между четвертым слогом одной стихотворной строки и первым слогом последующей [Hla Pe 1971, p. 563]. В пьесе же У Поун Нья «Водонос», согласно исследованию А.Д. Бурман, совершенно произвольным образом чередуются между собой самые разнообразные структуры рифм [Бурман 1971, с. 143].

Даже при неглубоком анализе рифмы исследуемых текстов заметно, что стандартные схемы соблюдаются в них не совсем четко (что вполне согласуется с замечанием Хла Пе о возможности применения разнообразных схем рифмовки в одном стихотворении [Hla Pe 1971, pp. 180–181]). Например, структура рифм стихотворения «Закон природы» (которое Хла Пе характеризует как безупречное с точки зрения рифмы [Hla Pe 1971, p. 561]), представленная на схеме 2 и иллюстрируемая в примере (4), свидетельствует, что в нем допускаются отступления от классической структуры, приведенной в схеме 1 (например, там, где следовало бы ожидать, что рифма будет распространяться на второй слог стихотворной строки, она распространяется на третий, а некоторые слоги, которые должны были бы участвовать в рифме, в ней не участвуют), тройная рифма встречается в нем лишь в 4 случаях, а в 3 строках рифма отсутствует полностью.

(4) Рифмы в первых 4 поэтических строках стихотворения Анандатурии «Закон природы»

$\theta u^2 \text{ } \text{t}^h \text{e}^3 \text{ } t\alpha \text{ } \text{jau}^2$	‘[В то время как] один
$k\ddot{a}u^3 \text{ } bo^1 \text{ } \text{jau}^2 \text{ } mu^2$	Достигает счастья,
$\theta u^2 \text{ } t\alpha \text{ } \text{jau}^2 \text{ } \text{m}^a^2$	Другой
$pj\epsilon^2 \text{ } l\ddot{i}^1 \text{ } k\alpha^2 \text{ } \theta a^2$	Низвергается и погибает.
$d^h\text{amma}^1 \text{ } ta \text{ } \text{t}^h \text{e}^3$	Это естественный закон природы’.

1 - - - СЛОГ1 ⁸	25 - - - М
2 - - СЛОГ1 А	26 - - М -
3 А - СЛОГ Б	
4 - - Б Б	27 - - Н Н
5 - - - СЛОГ2	28 - Н - Б
	29 - - - СЛОГ2
6 - - В -	
7 - В - Г	30 - - - -
8 - - Г -	31 - - - -
9 - Г - Д	
10 - Д - Е	32 - - - О
11 - - Е -	33 - - О П
12 - - - Е	34 - - П -
13 - - Е Б	35 - П - -
14 - - - СЛОГ2	36 - Р - С
	37 - - Р -
15 - - - Е	38 - - - С
16 - - Е -	40 - - С -
17 - - - Ж	
18 Ж Ж - З	41 - - - Б -
19 - - З -	42 - Б СЛОГ2
20 - З - И	
21 - - И -	
22 - И - К	
23 - К - Л	
24 - Л - -	

*Схема 4. Структура рифм
в стихотворения Анандатурии «Закон природы»*

В текстах из сборника «Burmese classical poems» очевидных и регулярно повторяющихся схем рифмовок ни в одном из стихотворений нами замечено не было, а специального их исследования не проводилось, поэтому судить о них мы не можем.

Обобщая изложенные сведения (как почерпнутые из источников, так и полученные в ходе нашего исследования), можно сделать вывод, что рифма в бирманской поэзии бесспорно существует, но, скорее всего, ее структура никогда не являлась жесткой и не знающей исключений или же, по крайней мере, отступления от нее всегда были весьма распространены. В пользу этого свидетельствует тот факт, что даже в одном из самых древних и полностью безупречных с точки зрения выдержанности размера образцов бирманской поэзии – «Законе природы» Анандатурии – структура

рифмы не является строгой. Это дополнительно подкрепляет нашу гипотезу о том, что образцы бирманской поэзии, в которых не были выявлены четкие закономерности, следует классифицировать как сильно расшатанную силлабику, поскольку мы видим, что опыт использования нестрогих структур был свойственен бирманской поэзии практически с момента ее возникновения.

Также наше исследование показало, что в бирманской поэзии достаточно часто встречается рифма, соединяющая последний слог одной стихотворной строки со слогом, находящимся внутри другой, что весьма нетипично для европейской поэзии. Остальные вопросы о бирманской рифме должны стать предметом тщательного дальнейшего изучения.

5.6. Краткое сопоставление бирманской метрики с тайской

Занимаясь изучением малоисследованной метрики бирманской поэзии, весьма целесообразно сопоставлять получаемые данные со сведениями о метрических системах других литературных традиций Индокитая, активно взаимодействовавших с бирманской. Единственной относительно изученной из подобных метрических систем является тайская⁹. Здесь необходимо отметить, что в вопросах, связанных с поэтической метрикой, тайский язык существенно отличается от бирманского. Помимо наличия пяти тонов, в нем также существует смысловозначительное противопоставление долгих и кратких гласных [Smyth 2002, pp. 8–9], отсутствующее в бирманском языке. Также в тайской письменности имеются немалые различия между написанием и произношением, в результате чего одни и те же тоны могут маркироваться несколькими различными способами, а некоторые диакритические знаки, используемые для обозначения тонов, имеют различное прочтение в зависимости от контекста [Smyth 2002, p. 16].

Сопоставление имеющихся сведений о бирманской метрике с тайской показывает, что между ними гораздо больше различий, чем сходства, причем различия эти обусловлены далеко не только особенностями грамматики или письменности. В тайской поэзии

---

⁹ Хотя среди всех древних культур Индокитая бирманцы теснее всего взаимодействовали с монской, от которой они заимствовали в том числе и письменность, мы не располагаем не только никакими исследованиями, посвященными монской поэзии, но и свидетельствами о том, что у монов была развита поэтическая традиция. Поэтому, к сожалению, возможность исследовать вопрос о монском влиянии в бирманской поэзии на данный момент совершенно отсутствует.

существуют как несколько силлабических, так и силлабо-метрический метры [Саркисов 2020, с. 44–45] (подробнее см. [Hudak 1992] и [Hudak 2001]), а также один метр с не вполне ясной природой, основанный одновременно на количестве слогов в строке и также либо на чередовании тонов, либо на чередовании графических символов, не обусловленным фонетическими чередованиями [Sarkisov 2020, pp. 138–140]. Два последних размера, по имеющимся у нас на текущий момент сведениям, не находят аналогов в бирманской поэзии. Тайская силлабика также сильно отличается от бирманской, поскольку в тайских силлабических размерах число слогов в строке обычно не меньше семи [Саркисов 2020], а часто больше, в то время как в единственном известном нам на настоящий момент бирманском силлабическом метре оно равняется четырем. Метрическая структура стиха в тайской поэзии, в отличие от бирманской, является очень жесткой и практически не допускает отступлений от заданных схем, в то время как в бирманской поэзии такие отступления (как в области рифмы, так и в области метра), как мы видели, встречаются достаточно часто.

Однако у тайской и бирманской поэзии есть одно важное сходство. В тайской поэзии, как и в бирманской, рифма в большинстве случаев также связывает последний слог одной строки с каким-либо из слогов внутри другой [Саркисов 2020; Sarkisov 2020]. Также есть основания полагать, что в тайской поэзии (по крайней мере, в некоторых из ее метров) графические совпадения и чередования превалируют над фонетическими, что наблюдается и в бирманской поэзии применительно к правилам рифмы [Янсон 2006, с. 407–408]. На основе этого мы можем предположить, что внутренняя рифма и первенство графики над фонетикой являются ареальной особенностью литературных традиций Индокитая и их распространение, вероятно, обусловлено взаимовлиянием. Однако имеющиеся данные свидетельствуют в пользу того, что в остальных аспектах развитие тайской и бирманской систем стихосложения происходило независимо.

6. Выводы

Наиболее важные выводы, которые можно сделать, кратко обобщая результаты исследования, состоят в следующем.

В классической бирманской поэзии существует чисто силлабический размер, при котором каждая стихотворная строка содержит четыре слога. В данном размере за один слог считается слог в фонетическом понимании этого термина, что дает основания в первую

очередь рассматривать гипотезу об аналогичных правилах подсчета слогов при изучении других стихотворных метров.

В стихотворных текстах, не использующих упомянутый силлабический размер, количество слогов в строках варьируется достаточно сильно, и наиболее вероятной представляется гипотеза о том, что в них используется расшатанная силлабика.

Рифма в бирманской поэзии существует, однако правила ее использования не до конца изучены. Чаще всего она связывает последний слог одной стихотворной строки со слогом внутри другой и, вероятнее всего, всегда имеет достаточно свободную структуру.

Метрика бирманской поэзии обнаруживает существенные отличия от тайской практически во всех аспектах, поскольку в тайской поэзии используются силлабические (но не похожие на бирманские) и силлабо-метрический метры, а также метр не вполне ясной – тонально-силлабической или силлабо-графической – природы. Однако для обеих систем стихосложения характерна рифма, связывающая последние слоги одних строк со слогами внутри других.

Благодарности

Автор выражает признательность и благодарность доктору филологических наук, профессору Р.А. Янсону и кандидату исторических наук А.Е. Кириченко за помощь в проведении исследования и работе над статьей.

Acknowledgements

The author expresses his gratitude to Dr. of Sc. Professor R. A. Janson and Cand. of Sc. A. E. Kirichenko for help with the research and work on the article.

Источники

Lustig – Burmese classical poems / Selected and translated by F.V. Lustig. Buddhist archbishop of Latvia; University of Toronto Library, 1900.

Литература

Бурман 1971 – *Бурман А.Д.* Некоторые особенности бирманской рифмы // Страны и народы Востока. Вып. 11. М., 1971. С. 140–145.

Кривнова, Костюк 2020 – *Кривнова О.Ф., Костюк А.Э.* Рамочная тональная конструкция в фонетической структуре стиха и прозы // ВАПросы языкознания: Мега сборник наностатей: Сб. статей к юбилею В.А. Плунгяна / Ред. А.А. Ки-

- брик, Кс.П. Семенова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 86–99.
- Златоверхова 1973 – *Златоверхова В.Г.* Метрическая система бирманской классической поэзии // Проблемы восточного стихосложения. М., 1973. С. 142–160.
- Златоустова 1981 – *Златоустова Л.В.* Фонетические единицы русской речи. М.: МГУ, 1981. 105 с.
- Осипов 1980 – *Осипов Ю.М.* Литературы Индокитая: Жанры, сюжеты, памятники. Л.: ЛГУ, 1980. 280 с.
- Саркисов 2016 – *Саркисов И.В.* Принципы метрической организации в поэзии фульбе // Проблемы языка: Сборник научных статей по материалам Четвертой конференции-школы «Проблемы языка: взгляд молодых ученых» (24–26 сентября 2015 г.). М., 2016. С. 253–263.
- Саркисов 2020 – *Саркисов И.В.* К вопросу о метрической классификации размеров тайской поэзии // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2020. Т. 79. № 2. С. 39–49.
- Янсон 2006 – *Янсон Р.А.* О форме бытования бирманских стихов // Проблемы литератур Дальнего Востока. СПб., 2006. С. 405–410.
- Янсон 2011 – *Янсон Р.А.* Периодизация бирманской фонологической системы. Ч. 1: Инициали // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 13. Вып. 4. 2011. С. 3–12.
- Artnonla 2003 – *Artnonla S.* A syntactic study of clauses in spoken Rangoon Burmese. Bangkok: Mahidol university, 2003. 210 p.
- Bradley 1997 – *Bradley D.* Tibeto-Burman languages and classification // Papers in Southeast Asian linguistics. Canberra: Pacific Linguistics, 1997. No. 14. P. 1–72.
- Cooke, 1980 – *Cooke J.R.* The Thai Khlong poem. Description and example // Journal of the American Oriental Society. 1980. Vol. 100. No. 4 (Oct.–Dec.). P. 421–437.
- Hudak 1992 – *Hudak T.J.* Further observations on the Thai chan poetic conventions // Papers on Tai languages, linguistics, and literatures. In honor of William J. Gedney on His 77th Birthday. Northern Illinois Univ.: Center for Southeast Asian Studies, 1992. P. 278–285.
- Hudak 2001 – *Hudak T.J.* Limericks and rhyme in Thai. Tempe: Arizona State University, 2001. 49 p.
- Hla Pe, Allot, Okell 1963 – *Hla Pe, Allot A.J., Okell J.* Three 'immortal' Burmese songs // Bulletin of the School of Oriental and African studies, University of London. 1963. Vol. 26, no. 3. P. 559–571.
- Hla Pe 1971 – *Hla Pe.* Burmese poetry (1300–1971) // Journal of the Burma Research Society. 1971. Vol. 54. P. 61–114.
- Green 2002 – *Green A.D.* Word, foot, and syllable structure in Burmese. 2002 [Электронный ресурс]. URL: <http://roa.rutgers.edu/files/551-1002/551-1002-GREEN-0-1.PDF> (дата обращения 01.12.2021).
- Sarkisov 2020 – *Sarkisov I.V.* Pri la klasifikado de la taja poetika metro khlong // ВАПросы языкознания: Мегасборник наностатей: Сб. статей к юбилею В.А. Плуныгина / Ред. А.А. Кибрик, Кс.П. Семенова, Д.В. Сичинава, С.Г. Татевосов, А.Ю. Урманчиева. М.: Буки Веди, 2020. С. 136–140.
- Skulacheva, Kostyuk 2019 – *Skulacheva T.V., Kostyuk A.E.* Verse and Prose. Linguistics and statistics // Quantitative Approaches to Versification. Prague: Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, 2019. P. 245–254.

- Smyth 2002 – *Smyth D.* Thai. An essential grammar. London; New York, 2002. 234 p.
- Watkins 2000 – *Watkins J.* Notes on creaky and killed tone in Burmese // SOAS Working papers in Linguistics and Phonetics. 2000. Vol. 10. P. 139–149.
- Yanson 2017 – *Yanson R.* Sources of written Burmese -ac and related questions in Burmese historical phonology // Journal of Southeast Asian Linguistics Society. 2017. Vol. 201. No. 2. P. 11–18.

References

- Artnonla, S., (2003), *A syntactic study of clauses in spoken Rangoon Burmese*, Mahidol university, Bangkok, Thailand
- Burman, A.D., (1971), “Some specifics of the Burmese rhyme”, in *Strany i narody Vostoka* [Countries and languages of the Orient], Moscow, Russia, pp. 140–145.
- Bradley, D. (1997), Tibeto-Burman languages and classification, in *Papers in Southeast Asian linguistics*, Pacific Linguistics, Canberra, no. 14, pp. 1–72.
- Hla Pe, Allot, A.J. and Okell, J. (1963), “Three ‘immortal’ Burmese songs”, in *Bulletin of the School of Oriental and African Studies, University of London*, vol. 26, no. 3, pp. 559–571.
- Hla Pe (1971), “Burmese poetry (1300–1971)”, *Journal of the Burma Research Society*, vol. 54, pp. 61–114.
- Krivnova, O.F. and Kostyuk, A.E., (2020), “Framework tonal construction in the fonetic structure of poetry and prose”, in *VAProsy uazykoznaniya: Megabornik nanostatey*, Moscow, Russia, pp. 86–99.
- Green, A.D. (2002), *Word, foot, and syllable structure in Burmese*, available at: <http://roa.rutgers.edu/files/551-1002/551-1002-GREEN-0-1.PDF> (Accessed 01.12.2021).
- Osipov, Yu.M. (1980) *Literaturny Indokitaya. Zhanry, syuzhety, pamyatniki* [The literatures of Indo-China. Genres, storylines, literary monuments], Leningradskii gosudarstvennyi universitet, Leningrad, Russia.
- Sarkisov, I.V. (2016), “The principles of metric organization in the fulbe poetry”, in *Problemy yazyka* [Problems of language], Moscow, Russia, pp. 253–263.
- Sarkisov, I.V. (2020), “On the question of metric classification of the Thai poetic meters”, in *Izvestiya RAN*, vol. 79, no. 2, pp. 39–49.
- Sarkisov, I.V. (2020), “On the classification of the Thai poetic meter khlong”, in *VAProsy uazykoznaniya: Megabornik nanostatey* [Questions of linguistics. Megacollection of nanoarticles], Moscow, Russia, pp. 136–140.
- Skulacheva, T.V. and Kostyuk, A.E. (2019), “Verse and prose. Linguistics and statistics”, in *Quantitative Approaches to Versification*, Institute of Czech Literature of the Czech Academy of Sciences, Prague, Czech, pp. 245–254.
- Smyth, D., (2002), *Thai. An essential grammar*, London, UK, New York, USA.
- Watkins, J. (2000), “Notes on creaky and killed tone in Burmese”, *SOAS Working papers in Linguistics and Phonetics*, vol. 10, pp. 139–149.
- Yanson, R.A. (2006), “On the form of being of Burmese poems”, in *Problemy literatury Dal'nego Vostoka* [Problems of the literature of the Far East], Saint-Petersburg, Russia, pp. 405–410.
- Yanson, R.A., (2011), “Periodization of the Burmese phonological system. Part 1. Initials”, *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*, issue 4, pp. 3–12.

- Yanson, R., (2017), “Sources of written Burmese -ac and related questions in Burmese historical phonology”, in *Journal of Southeast Asian Linguistics Society*, University of Hawai’I Press, saint Petersburg, Russia, pp. 405–410.
- Zlatoverhova, V.G., (1973), “The metric system of the classic Burmese poetry”, in *Problemy vostochnogo stihoslozheniya* [Problems of Oriental versification], Moscow, Russia, pp. 142–160.
- Zlatoustova, L.V. (1981), *Foneticheskie edinicy russkoy rechi* [Phonetic entities of Russian language], Moscow, Russia.

Информация об авторе

Иван В. Саркисов, аспирант, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия; 101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., д. 20; vanya.sarkisov@gmail.com

Information about the author

Ivan V. Sarkisov, postgraduate student, HSE University, Moscow, Russia; bld. 20, Myasnitckaya St., Moscow, Russia, 101000; vanya.sarkisov@gmail.com

Семантика многозначного глагола *удодить–удодждать* в диахроническом аспекте

Елена Г. Соколова

Москва, Россия, minegot@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуется семантика глагола *удодить–удодждать* в диахроническом аспекте на основе толкования в Малом академическом словаре и примеров из Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Статья базируется на ранее проведенном исследовании трех значений данного глагола, ее объектом является четвертое значение (значение 4), помеченное в словаре как «просторечное», толкование которого оказывается адекватным одновременно устаревшему значению и предложенному в статье современному значению, формулируемому по современным примерам, принадлежащим литературному языку. Устаревшее значение 4 рассматривается на фоне всех значений данного глагола, выделяющихся на основании примеров из НКРЯ до конца XIX в., в результате формулируется словарная статья «исторического глагола» *удодить–удодждать*. Отмечаются особенности семантики исторического глагола, отличающие ее от семантики современного.

Ключевые слова: многозначность глагола, диахроническое описание семантики, значение, толковый словарь

Для цитирования: Соколова Е.Г. Семантика многозначного глагола *удодить–удодждать* в диахроническом аспекте // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 163–196. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-163-196

Semantics of the polysemous verb *ugodit'–ugozhdat'* in a diachronic perspective

Elena G. Sokolova

Moscow, Russia, minegot@rambler.ru

Abstract. The article explores the semantics of the Russian verb *ugodit'–ugozhdat'* in the diachronic aspect based on the description in the Small academic dictionary (MAS) and examples from the Russian National Corpus (RNC). The study continues an earlier study of three meanings of this verb and examines the fourth meaning, marked in the dictionary as “vernacular”, the interpretation of which is both adequate to the outdated meaning and the mod-

ern meaning belonging to the literary language. This new meaning is formulated in the study. The obsolete meaning is considered against the background of all the meanings of this verb, which stand out on the basis of examples from the RNC until the end of the 19th century and the “dictionary article” of the “historic verb” is collected. The features of the semantics of the historic verb, which distinguish it from the modern one, are noted.

Keywords: verbal ambiguity, diachronic semantics, the explanatory dictionary

For citation: Sokolova, E.G. (2021), “Semantics of the polysemous verb *ugodit'–ugozhdat'* in a diachronic perspective”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 163-196, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-163-196

1. Введение

Статья представляет собой вторую, завершающую часть исследования автора по изучению семантики глагола *угодить–угождать*, основанного на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ). Объектом первой части [Соколова 2019] было толкование этого глагола в МАС¹, а целью исследования – представление значений категории вида в толковом словаре и изучение их взаимодействия с лексическими значениями. Во второй части исследования мы не затрагиваем категорию вида, обсуждаем только лексические значения. Для удобства на рис. 1 приведена статья этого глагола из МАС, дополненная по результатам первой части исследования в значениях 1, 2 и 3 номерами вариантов значений – 2.1, 2.2, 2.3 и 3.1, 3.2 и значениями категории «сфера восприятия»: физ. – физическая, мент. – ментальная, соц. – социальная, абстр. – абстрактная. В значении 4 в иллюстративные примеры нами добавлены годы издания текстов, из которых они взяты.

Объектом исследования является значение глагола *угодить*, не рассмотренное в [Соколова 2019] в связи с тем, что в НКРЯ не нашлось примеров, подтверждающих его актуальность. Это значение 4. *Прост.* на рис. 1. На основании дат публикации изданий, из которых были взяты иллюстративные примеры к значению 4 в МАС, мы предположили, что оно устарело. Такая гипотеза согласуется с тем, что переход устаревшего употребления в категорию просторечия считается явлением достаточно регулярным. Но все-таки составитель толкования в МАС отнес значение 4 к современному русскому

¹ Словарь русского языка: В 4 т. М.: Русский язык, 1999.

УГОДИТЬ, у го ж у́, у го д и́ шь; сов.

1. (соц.-мент.) (несов. угождать) кому и на кого. Удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое. *Всеми силами старался Прошка чем-нибудь угодить Шутикову: то предложит ему постирать белье, то – починить его гардероб.* Станюкович, «Человек за бортом!». *Угодить на придиру взводного было невозможно.* Седых, «Даурия».

2. Разг. (2.1.(физ.)) При движении, падении попасть куда-л., очутиться где-л. (обычно в неожиданном или нежелательном, опасном месте). *Темь страшная, ходы незнакомые, ощутью идти, чего доброго – в люк угодишь.* Мельников-Печерский, На горах. ... || (2.2[физ.]) чем во что. Удариться чем-л. обо что-л. *Я угодил головой в стекло и вышиб его.* М. Горький, В людях. || (2.3.[соц.]) Попасть в какие-л. условия, оказаться в каких-л. обстоятельствах. – *Уже под суд попал!* – --- *Угодил на скамью подсудимых.* Чехов, Именины.

3. Разг. (3.1.[физ.]) Попасть в кого-, во что-л. при стрельбе, броске, ударе. *Угодить камнем в стекло.* || (3.2.[физ.]) Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.). *Первый же снаряд угодил в конец моста.* Шолохов, Тихий Дон. *Ружье было заряжено дробью, и одна шальная дробишка угодила мужику прямо в глаз.* Рыленков, Сказка моего детства. *[Ольха] обрушилась в реку. --- И так ловко рассчитали бобры, что ольха самой серединой ствола угодила медведю в спину.* Паустовский, Дремучий медведь.

4. Прост. Прийти, приехать куда-л. вовремя, в нужный момент. *Он собрался переночевать или в поле, или у знакомого мужика, коли угодит до ночи до села.* Боборыкин, Ранние выводки (1876). – *К нам на праздник не угодите ли? Милости просим.* Златовратский, Устои (1884).

УГОЖДАТЬ, -аю, -аешь. Несов. к УГОДИТЬ (в 1 знач.)

Рис. 1. Дополненная статья глагола *угодить* и статья *угождать* из МАС

языку (РЯ). Статья преследует две цели: 1) изучение современного состояния значения 4 на материале примеров употребления в основном корпусе НКРЯ начиная с XX в.; 2) исследование значений «исторического» глагола, определяющихся по примерам употребления в НКРЯ до конца XIX в., в частности, объяснение, какие семантические свойства исторического глагола создают для современного восприятия эффект «просторечия» в примерах к значению 4.

Исследование вписывается в общую тему «многозначность глагола», для которой главным является вопрос о единстве слова. Мы

следуем осторожному допущению² существования «общего семантического признака» у всех значений данного глагола и признаем его одним словом, т. е. многозначным глаголом, имеющим две видовые формы – совершенного и несовершенного вида (далее СВ и НСВ). В качестве «общего семантического признака» в исследовании выступает один и тот же минимальный набор участников со свойствами очень высокого уровня абстракции, которые в каждом употреблении глагола позволяют ассоциировать их с конкретными предметными сущностями. В тексте статьи эти участники обозначены как X и Y. Соответственно, в статье речь идет об одном глаголе, представленном видовой парой, как это обозначено в заглавии статьи. Однако в связи с тем, что взаимодействие семантики лексического и видового значений глагола еще мало изучено, в статье допускаются утверждения и об одной видовой форме, т. е. о глаголе *угодить* или о глаголе *угождать*, как это принято в традиционной лингвистике³.

Глаголу *угодить–угождать* или его видовым формам не посвящено целиком ни одного исследования, кроме моей статьи [Соколова 2019]. Прочий теоретический фон, кроме вышеприведенных упоминаний в качестве иллюстраций, как в примеч. 2, состоит в упоминании в составе семантической группы глаголов интерпретации (или косвенной номинации) в [Падучева 2004, с. 341] и описаний в некоторых толковых словарях. Уместные соображения будут упомянуты в тексте статьи. В данной работе мы не затрагиваем общелингвистические проблемы, а обсуждаем только конкретные свойства глагола, начиная с толкования в МАС. Общетеоретическим вопросам на материале описания глагола *угодить–угождать* будет посвящена отдельная статья.

Данная статья имеет следующую структуру. В разделе 2 приводятся унаследованные из первой части исследования решения

² Допущение основывается на следующей цитате из книги Д.Н. Шмелева: «Находящиеся в отношении дополнительного распределения друг к другу значения могут рассматриваться как значения одного слова только тогда, когда между ними устанавливается связь на основе какого-то общего семантического признака <...>. Так, у нас нет, по-видимому, оснований приписывать одному слову значения одного и того же глагола в сочетаниях *Она старалась угодить ему* и *Мальчишка угодил камнем в стекло*, хотя эти значения и характеризуются различной сочетаемостью, а во всех современных толковых словарях <...> приведены как значения, относящиеся к одному слову» [Шмелев 1973, с. 90]. Несмотря на то что автор не нашел «общего семантического признака» для глагола «угодить», он не отвергал его существование безапелляционно (модальность «по-видимому»).

³ Заметим, что в традиционной лингвистике вопрос о единстве слова обычно затушеван, например, утверждение о глаголе «угодить» может иллюстрироваться примером с глаголом «угождать» без каких-либо уточнений.

и методические особенности представления семантики глагола. В разделе 3 рассматривается семантика значения 4 (*Прост.*) в МАС и современные примеры, удовлетворяющие его толкованию. В разделе 4 формулируется новое, отсутствующее в МАС, значение, – значение 5, частично наследующее семантические элементы значения 4. В разделе 5 рассматриваются примеры употребления глагола *угодить* до конца XIX в. и исследуются свойства исторического глагола и специфика его семантики по сравнению с современным глаголом. В разделе 6 объясняется явление «просторечия» в некоторых иллюстративных примерах к значениям 4 и 3. В разделе 7 «Заключение» формулируются выводы из проведенного исследования.

2. Методические особенности исследования

В [Соколова 2019] при анализе первых трех значений глагола *угодить* выделены два предметных участника процессов, обозначаемых этим глаголом: *X* – предмет, обладающий энергией, действующий в некоторой области и благодаря своей активности взаимодействующий с *Y*-ом, «вторгающийся» в *Y*, и *Y* – предмет, а также место или условия, подвергшиеся «вторжению» *X*-а. Рассмотрены значения 1, 2 (2.1, 2.2, 2.3) и 3 (3.2, 3.1):

- значение 1 (*X угодил Y-y*) описывает «бипроцесс», который представляет собой сочетание двух процессов, протекающих одновременно в двух разных сферах: в социальной сфере – деятельность *X*-а, направленная на удовлетворение *Y*-а, и в ментальной сфере – изменение ментального состояния *Y*-а, завершающееся его удовлетворением (предел)⁴;
- значение 2.1 (*X угодил в Y*), 2.2 (*X угодил Z-ом в Y*, где *Z* – основная «часть» *X*-а, например, *ногой в ведро, каблуком в щель*), а также
- значение 3.2 (*X угодил в Y*, где *X* – ‘снаряд’, например, *дробинка угодила мужику в глаз*) и 3.1 (*Z угодил X-ом в Y*, где *X* – ‘снаряд’, а *Z* – ‘стрелок’, например, *Мальчик угодил камнем в стекло*). Представлены моментальные процессы в физической сфере;
- в значении 2.3 глагол обозначает моментальный процесс в социальной сфере, например, *Босс (X) угодил в тюрьму (Y)*.

⁴ Термин «бипроцесс» введен для наименования модели глагола *угодить–угождать* в первом значении в статье [Соколова 2019], где показано, как переход формы СВ в форму НСВ выявляет эти процессы в семантике глагола.

В настоящем исследовании мы продолжаем использовать тот же метод, выделяя для значения 4 тех же предметных участников *X* и *Y*, что и для значений 1, 2 и 3. Это позволяет сравнивать значения многозначного глагола между собой.

Из двух известных общих направлений описания семантики многозначной единицы, «инвариант» vs. «прототип», наше исследование тяготеет к первому, свойственному когнитивным направлениям, отклоняясь от магистральной линии языковых описаний логической школы. В частности, исследование Е.В. Падучевой, как и большинства исследователей последних десятилетий, находится в русле второго направления, т. е. «прототип» [Падучева 2004, с. 16]. Особенность нашего подхода состоит в том, что мы рассматриваем абстрактные свойства процесса не сами по себе, а наделяя ими его участников, поскольку участнику в каждом конкретном употреблении соответствует реальный объект, находящийся в реальных отношениях с другими участниками. Процесс же, соединяющий эти объекты, если абстрагироваться от них, оказывается фантомом, оторванным от действительности. Толкование процесса возможно в рамках конкретных семантических пространств и в терминах достаточно конкретных ситуаций вроде описанных в толковых словарях, в частности в МАС. Понятия же, образующие инвариант, находятся на более высоком уровне абстракции.

Для прояснения семантики глагола мы используем метод подстановки контекстных синонимов, позволяющий выявить семантические особенности исследуемого глагола. Контекстный синоним указываем в примерах употребления в квадратных скобках после глагола, см. ниже пример (1). Эта запись означает, что если вместо глагола *угодить* употребить глагол, указанный в квадратных скобках, то фраза сохранит и тот смысл, который она имеет с глаголом *угодить*. Семантически более конкретные контекстные синонимы позволяют проявить свойства, скрытые в семантике изучаемого более абстрактного глагола. Информация в скобках не является метатекстовой информацией в принятой нотации, при которой слово в скобках подразумевает толкование, значение. Метатекстовый элемент обычно заключается в «лапки», например, *угодить* ('успеть') означает «глагол *угодить* в значении 'успеть'». Эта форма являет более сильное утверждение, чем «*угодить* [*успеть*]». Из второго следует, что глагол *угодить* выделяет в семантике процесса элементы, специфичные для указанного контекстного синонима, в данном случае – 'время'.

3. Современные примеры из НКРЯ, удовлетворяющие толкованию значения 4 (Прост.) в МАС

Для удобства обсуждения процитируем примеры из толкования значения 4 (Прост.) в МАС, добавив в скобках после глагола контекстные синонимы глагола *угодить*:

- (1) Он собрался переночевать или в поле, или у знакомого мужика, коли **угодит** [прибудет, придет и др. / успеет] до ночи до села (Боборыкин. Ранние выводки [1876]).
- (2) – К нам на праздник не **угодите** [прибудете, придет / соберетесь] ли? Милости просим (Златовратский. Устои [1884]).

Заметим, что оба примера нарушают литературную норму современного РЯ: если бы мы услышали их в речи современника, то поступили бы так же, как составитель МАС – сочли бы их просторечными. Но современных «просторечных» примеров, аналогичных (1) и (2), в НКРЯ не встретилось. К тому же (1) является повествованием от автора, П.Б. Боборыкина, который по происхождению и роду деятельности не является носителем просторечного стиля. В этом случае естественно признать значение 4 не просторечным, а устаревшим, существовавшим в РЯ до конца XIX в.

Мы будем действовать следующим образом: «разделим» бытие этого глагола на а) современный период – с начала XX в., и б) исторический период до конца XIX в. и соберем две словарные статьи в формате МАС по примерам в НКРЯ из этих двух периодов. В первом, современном, мы будем исходить из описания семантики глагола в МАС (рис. 1), первоначально состоящего для нас из трех значений (знач. 1, 2 и 3), во второе поместим все значения, которые обнаружим в примерах исторического периода, включая значение 4.

Попробуем разобраться с состоянием значения 4 в современном РЯ. «Просторечных» примеров типа (1) и (2) для значения 4 среди примеров современного употребления в НКРЯ, как уже было сказано, не нашлось, но это не означает, что не может быть примеров, удовлетворяющих его толкованию и не отклоняющихся от литературной нормы.

Рассмотрим толкование значения 4, чтобы выявить имеющиеся в нем семантические элементы. В толковании имеются: два предметных участника процессов, обозначаемых глаголом в этом значении, аналогичных участникам X и Y в значениях 1, 2 и 3 (см. Введение), реализуемых в иллюстративных примерах, соответственно,

как *он* (*X*) и *до села* (*Y*) в (1) и как *X* ('адресат текста') и *праздник* (*Y*) в (2). Методом подстановки контекстных синонимов выделим и добавим на основании примеров (1) и (2) два непредметных семантических элемента – семантический тип процесса – 'направленное движение *X*-а в *Y* (*прибыть, приехать, добраться и др.*), и элемент 'время' (*успеть*). Элемент 'время' является частью семантики обозначаемого процесса, но выражается или непосредственно типом процесса, как в *успеть*, и в этом случае ему обычно соответствует временная сущность, например, *до ночи* в (1), или обнаруживается в связанном состоянии внутри участника – понятие *праздник* в (2), которое предполагает определенное 'место' – *к нам* и 'время' – время, назначенное для «нашего праздника». В НКРЯ обнаружилось современные литературные примеры, удовлетворяющие толкованию значения 4, аналогичные примеру (2):

- (3) *Угодили* [*прибыли, приехали и др./успели*] *под конец пирушки, которую оживили своим приходом* (А. Генис. Довлатов и окрестности [1998]).
- (4) *Угодил* [*прибыл, приехал, пришел и др./успел?*] *к обеду, но я был сыт и, несмотря на уговоры хозяев, не мог ничего есть* (В. Чивилихин «Моя мечта – стать писателем», из дневников 1941 г. [2002] [Наш современник. 2002.06.15]).

Контекстный синоним *прибыть* указывает на семантический элемент 'направленное движение *X*-а в *Y*, элемент 'время' представлен в связанном состоянии с элементом 'социальное событие' в словосочетаниях *под конец пирушки* и *к обеду*). Подобных примеров в НКРЯ довольно много, что свидетельствует о живом значении глагола. *Y*, включающий 'социальное событие' и 'время', можно обозначить единым семантическим признаком 'мероприятие', которое определим как триаду: ('социальное событие' & 'время' & 'место'), в частности, *праздник* в (2), *пирушка* в (3) и *обед* в (4). Заметим, что (1) – единственный пример, в котором 'место' (*до села*) и 'время' (*до ночи*) выражены отдельно друг от друга и от 'социального события'. Возможно, что он иллюстрирует древнее употребление глагола, для которого 'время' было ассоциировано непосредственно с процессом, о чем может свидетельствовать корень глагола *-год⁻⁵*, т. е. процессом типа 'успеть'. В пользу этой гипотезы свидетельствует и порядок слов – сначала 'время', потом 'место' (*угодить до ночи до села*). Вероятно 'место' перешло в связанную форму в понятие 'мероприятие' закономерно, поскольку для попадания ко времени всегда есть цель

⁵ На временное значение корня мое внимание обратила Е.В. Урысон при обсуждении раннего варианта данной статьи.

и она социальна, в частности, в (1) *У село* понимается как социальные условия, в которых X сможет получить ночлег.

‘Время’ – понятие, специфичное для значения 4. Его нет в значениях 1, 2 и 3. Оно остается таковым и для современных примеров, удовлетворяющих толкованию значения 4. По-видимому, именно потому, что эти примеры существуют, значение 4 и было помечено составителем МАС как (*Прост.*), т. е. принадлежащим современному глаголу, а не (*Устар.*) – историческому. ‘Время’ может указываться отдельно от ‘места’, как в (1), также и в современном РЯ, но в этом случае с ним группируется элемент ‘социальное событие’ например:

- (5) *Он (X) **угодил** к нам (‘место’) к чаю (‘социальное событие’ & ‘время’), немного позднее явилась его полная жена с ребятишками и, конечно, зашла в наш лагерь полюбопытствовать* (П.К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 5 [1926]).

Сочетание с понятием ‘социальное событие’ объясняет, в частности, тот факт, что ‘время’ в значении 4, если оно не находится внутри понятия ‘мероприятие’, обозначается исключительно как часть суток (как время, предназначенное для определенных дел), – *к ночи*, в современных примерах – *к обеду, к чаю*, и т. д. Его нельзя ассоциировать с точечным временем, например, **Угодили к семи часам*. Можно сказать, например: *Угодили на пирушку к семи часам*, но семантический элемент ‘время’ значения глагола *угодить* будет «закрыт» *пирушкой*, а не *семью часами*, т. е. тем отрезком времени, в течение которого происходит ранее назначенное мероприятие *пирушка*. Точечное же время *к семи часам* обозначает момент на абсолютной временной оси, по которой распределяются события, происходящие с X-ом в ходе продвижения дискурса. Значение 4 принадлежит к физической сфере – ‘направленное движение X-а в Y’ (*прийти, приехать* и др.), а Y сочетает элементы физической сферы – конкретные ‘место’ и ‘время’ с понятием социальной сферы – ‘социальное событие’. Смысл ‘мероприятие’, по-видимому, давно стал заменять в значении 4 раздельное указание времени и места. Переход в социальную сферу естественен и является следствием регулярной многозначности предметных понятий, например, ниже в (6) слово *церковь* обозначает ‘мероприятие’, т. е. конкретный вид службы, происходящий в конкретное время в конкретном храме, в (7) – ‘пространство’, в (8) – ‘предмет’:

- (6) *Обведя нас искрящимся, каким-то детски незамутненным взором, начал рассказывать, как хорошо погулял, **угодил в церковь** к концу службы, пение слышал, батюшка узнал его, причастил, и они с ним долго и хорошо говорили* (В. Астафьев. Затеси (1999) // «Новый Мир», 2000).

- (7) *В церкви было прохладно, я даже замерзла <...>* (Л.Н. Разумовская. Владимирская площадь [1990–1999]).
- (8) *Кишертская карстовая депрессия провалилась под землю десятью озерами, причем в одно из них **угодила** старинная **церковь**, которая, по легенде, и сейчас тревожно звенит колоколами на дне, как Китежград* (А. Иванов. Message: Чусовая. Части 1–3 [2007]).

Итак, У в значении, удовлетворяющем толкованию значения 4, в современном языке ассоциируется не с местом, географическим или пространственным понятием, как в (1), а ассоциируется с актуализованным в дискурсе понятием ‘мероприятие’, как в (2), (3), (4), (5) и (6). Это не означает, что нельзя *угодить в село* или *в Магадан*, но это будет другое значение без встроенного элемента ‘время’, т. е. *угодить* не по значению 4, а по значению 2.3 (см. толкование на рис. 1).

Предположим, что у глагола *угодить* имеется современное литературное значение 5, иллюстрируемое примерами (3), (4), (5), (6) и многими другими, являющееся наследником значения 4, поскольку оно имеет с ним существенное общее свойство – семантический элемент ‘время’. Задача состоит в том, чтобы предложить толкование значения 5.

4. Толкование значения 5 глагола «угодить» на основе толкования значения 4 (Прост.) в МАС

В значении 5 сохраняются предметные элементы X и Y. Так же как и в значении 4, X – ‘человек’. Но Y другой. Это – семантическая триада ‘мероприятие’, в подавляющем большинстве примеров поглощающая семантический признак ‘время’, контаминированный с элементом ‘социальное событие’. Унаследованный от значения 4 семантический элемент ‘время’ в составе Y отличает значение 5 от значения 2.3, на которое оно очень похоже. Но у значения 2.3 элемента ‘время’ нет. Для него типичными Y-ами являются ‘организация’ или ‘должность’ и др., например, *угодить в больницу, в наместники*.

- (9) *Тихий, вежливый парень (X) из братской в ту пору Молдавии **угодил** к Тамаре в наместники (Y), и она уж его не выпустила из-под своей власти...* (В. Астафьев. Обергон [1995–1996]).

При этом Y в значении 2.3 часто предстает в метафорическом, наглядном, «физическом», а не «социальном» наименовании, например: *угодил не в суд, тюрьму, больницу, аварию, а на скамью подсудимых, за решетку, на больничную койку, под колеса*.

Присутствующий в толковании значения 5 элемент 'время', связанный лексическим значением *У-а*, определяет в предложении иную, чем в значении 2.3, структуру времени. В дискурсе создается и поддерживается говорящим череда событий, отражающая связанный фрагмент действительности, который и составляет содержание текста. В случае глагола *угодить* в значениях 2 и 5 отражаемый фрагмент действительности сфокусирован на событиях, происходящих с подвижным *Х-ом* в моменты $t_1, t_2, \dots, t_n$, которые объединяются в цепь событий, формируя актуальную ось времени *T*. Эти события ассоциируются и частично определяются представлением *Х-а* (а также автора и адресата текста) о том, как данный фрагмент бытия *Х-а* развертывается во времени. В значении 2.3 внезапное попадание *Х-а* в *У* становится новым очередным событием, продолжающим *T*, хотя и брутально изменяющим представления *Х-а* об ожидаемом развитии данного фрагмента бытия. В значении 5 наоборот. Мероприятие *У* имеет собственное время, назначенное до попадания в него *Х-а*, представленное интервалом $t\text{-begin} - t\text{-fin}$ ($tb-tf$), который актуализован независимо от цепи событий *T*. Пересечение интервала $tb-tf$ с цепью событий *T* – дело случая. Попадая в *У*, *Х* как бы покидает актуальную последовательность событий *T* и «вскакивает» во временной интервал $tb-tf$, который уже задан независимо от нее. Момент t_i попадания *Х-а* в $tb-tf$ прерывает цепь событий *T* и начинает новую цепь событий T_1 , в которой t_i является начальным событием. Таким образом, в значениях 2 и 5 действительный ход событий относительно мыслимого *Х-ом* хода событий *T* устроены обратно друг относительно друга: в значении 2 событие, обозначенное глаголом *угодить*, является неожиданным, новым для *Х-а*, поэтому оборачивается для *Х* и адресата текста словом, нарушением мыслимой и ожидавшейся *Х-ом* (и адресатом текста) последовательности событий; в значении 5 происходит скачок *Х-а* в интервал $tb-tf$, и ход происходящих событий корректируется в соответствии с этим событием: они начинают развертываться так, как в глубине души хотелось бы *Х-у*, а не так, как им ожидалось по обстоятельствам и получалось в действительности.

Значения 2 и 5 отличаются от значения 4. Попадание *на пирушку* (3), *к нам* (4, 5), *на службу (к батюшке)* (6) в глубине души чаялось *Х-ом*, но осуществилось как приятный случай, а не ожидаемое достижение, как было бы в значении 4. Действительно, в значении 4 семантический тип процесса 'направленное движение *Х-а* в *У*' (*прийти, приехать* и др.) представлен контролируемыми глаголами, например, в (1) *Х* движется в *У* (пешком или на лошади) и может ускорить движение, *поспешить и успеть до ночи*. В (2) *Х* может принять решение о прибытии *на праздник* и в этом случае

в назначенный момент намеренно туда двигаться, обеспечить свое участие в мероприятии. Таким образом, в значении 4 попадание в Y – результат осознанной работы X -а.

В значении 5 контекстными синонимами в иллюстративных примерах являются как моментальные глаголы, неконтролируемые, подобно значению 2.3 – *оказаться, попасть*⁶, так и глаголы движения – *прибыть, приехать* и др., что указывает на связь со значением 4. При этом X активен в физической или социальной сфере, находится в движении, действует, и в значении 2 попадает в Y случайно, а в значении 5 – «*нечаянно*» (знал об Y , но не чаял в него попасть), благодаря случаю, сложившимся обстоятельствам. Собственно попадание X -а в Y во всех трех современных значениях глагола *угодить–угождать* и в значении 5 зависит от ‘случая’, а не от усилий и воли X -а. Действительно, в значении 1 реакция Y -а на усилия X -а ублажить его непредсказуема – Y может не оценить, не понять, не принять усилий X -а, т. е. *угождал, но не угодил*; в значении 2 попадание в Y происходит внезапно и неожиданно для X , он (а также адресат текста, наблюдатель) осознает то, что произошло, когда событие уже свершилось; в значении 3 попадание снаряда X в ‘цель’, намеченную Z (‘стрелком’), не гарантировано, поскольку даже очень хороший стрелок может промахнуться. Мы пришли к важному выводу о том, что попадание X -а в Y у современного глагола *угодить–угождать* всегда определяет ‘случай’, снимая с X -а ответственность за совершение события.

В толковании значения 5 описание обозначаемого процесса может выглядеть похоже на значение 2.3:

X попадает, оказывается в Y , где Y – ‘мероприятие’, представленное триадой (‘социальное событие’ & ‘время’ & ‘место’), о котором X знал заранее и куда в глубине души хотел бы попасть.

Теоретически допустимая для моментального глагола форма НСВ с неопределенно-кратным значением (НСВ2 в [Соколова 2019]) исключена из-за случайности события, так же, как и для значений 2.1 и 2.2.

⁶ В словаре В. Морковкина (Лексическая основа русского языка: комплексный учебный словарь / Ин-т рус. яз. им. А.С. Пушкина; ред. В.В. Морковкин. М.: Русский язык, 1984. 1165 с.) глагол *угодить* описан как синоним к глаголу *попасть*: (1.0 – *попасть в цель* и 1.1 – о *попасть камнем в окно*). Однако *попасть*, в отличие от *угодить*, имеет как контролируемое (1.1 – **угодить в цель*), так и неконтролируемое (1.1 – *угодить камнем в окно*) употребление. В НКРЯ контролируемое и неконтролируемое употребления глагола *попасть* распределены примерно 50 на 50.

Современный глагол *угодить–угождать* – экспрессивный глагол с нейтральным синонимом *попасть–попадать* для значений 2, 3 и 5. Экспрессия возникает из-за строгой случайности результата обозначаемого процесса, который всегда является для *X*-а неожиданностью, приятной (+) или шокирующей (-). Наибольший эмоциональный выброс со знаком (-) происходит в значении 2, поскольку попадание в *Y* происходит внезапно и *Y* не актуализован до события. В значении 2 неожиданность коррелирует с опасностью, что отмечено в толковании МАС для знач. 2.1: «При движении, падении попасть куда-л., очутиться где-л. (обычно в неожиданном или нежелательном, опасном месте)»⁷. В значении 5 эмоциональный выброс более плавный, поскольку *Y* актуализован в сознании *X*-а, и имеет «знак» (+), т. е. это ‘удовлетворение’.

Современные значения. 2.3 и 5 похожи и поэтому не всегда хорошо различимы, например:

- (10) *На передовую **угодили** прямо к началу «плана Барбаросса»* (В. Некрасов. Через сорок лет... [Нечто вместо послесловия] [1981]).

В примере (10) автор, по-видимому, имеет в виду значение 2.3, при котором попадание в *Y*, на военную операцию «*план Барбаросса*», т. е. под стремительный удар Германии по СССР, звучит для *X* как надвигающаяся катастрофа. С другой стороны, конкретная военная операция, конечно, содержит связанные элементы ‘время’ и ‘место’, т. е. обладает семантическими признаками ‘мероприятия’. В этом случае содержание текста должно было бы допускать эмоциональную реакцию со знаком (+), характерную для значения 5, вроде «*X* удачно попал в самый центр событий (как и хотел в глубине души)». В ситуациях с неоднозначностью знака эмоциональной составляющей в предложении обычно присутствует контекст, явно его определяющий, например:

- (11) *Лучникову **повезло**, он **угодил** прямо на спектакль, который почти ежедневно разыгрывал в ЮНЕСКО крымский представитель Петр Сабашников, тоже одноклассник и старый друг* (В. Аксенов. Остров Крым [авторская редакция] [1977–1979]).

В (11) представлено значение 5, так как наречие *повезло* свидетельствует об эмоциональном эффекте (+).

---

⁷ Замечание Е.В. Падучевой о том, что «связь между ‘неизвестно’ и ‘плохо’, конечно, есть» по поводу глагола «*засунуть*: ‘с трудом’ и ‘неизвестно куда’ [Падучева 2004, с. 16] относится и к значению 2 глагола *угодить–угождать*, в котором *Y* – до события не известен *X*-у или читателю.

5. Значения глагола *угодить–угождать* до конца XIX в.

В толковом словаре описываются все найденные составителями значения глагола и, таким образом, «покрывается» его семантика, причем включаются не только значения, которые регулярно воспроизводятся говорящими, но и значения, которые знакомы говорящим, но ими не воспроизводятся. В том случае, если последние отклоняются от нормы литературного языка, они помечаются как просторечные – *Прост.* или устаревшие – *Устар.* Эти пометы выводят данное значение за рамки современной лексической системы литературного языка в отличие от помет об ограничении области употребления, в частности пометы *Разг.* – разговорное.

В данном разделе мы будем изменять статью глагола *угодить–угождать* из МАС, представленную на рис. 1, «погружая» ее во времени ниже границы конца XIX в. и преобразуя в статью «исторического глагола». Все значения глагола иллюстрируются примерами до конца XIX в., если таковые обнаружатся. Естественно, мы не можем оценить воспроизводимость примеров для исторического глагола и указать срез времени и области распространения для каждого из значений. Мы оставляем, удаляем или вводим новые значения исторического глагола на основании примеров, найденных в основном корпусе НКРЯ без привлечения специальных исторических корпусов. Таким образом, «исторический глагол» – очень усредненное и в истории РЯ неглубокое понятие. Однако, как показало проведенное исследование, формат статьи МАС для исторического глагола как метод позволяет наглядно сравнить семантику исторического и современного глагола в целом.

Значения резюмируются в виде статьи исторического глагола в Приложении 2. Разумеется, ни о каком «историческом толковом словаре» речь не идет. Более того, найденные в примерах из НКРЯ значения или варианты значений исторического глагола, не принадлежащие современному языку, помечаются как устаревшие (*Устар.*), в частности значение 4, что было бы невозможно, если бы статья была действительно частью «исторического толкового словаря». В данном разделе рассматриваются значения глагола в форме СВ – *угодить*. Примеры в форме НСВ, *угождать*, для исторического глагола в отличие от современного (см. [Соколова 2019, с. 139]) обнаружены в НКРЯ только для значения 1, см. Приложение 2.

Заметим, что лексическое значение глагола – это не просто один из регулярно выражаемых глаголом смыслов. Это устойчивое синтактико-семантическое образование, обозначающее повтора-

ющиеся «ситуации действительности», удовлетворяющие определенной абстрактной схеме, и имеющее для их выражения определенную обойму⁸ синтаксических актантов. Если такое образование для некоторого выраженного в тексте смысла / значения не зарегистрировано, т. е. не выделена собственная синтаксическая обойма, нет оснований для включения этого значения в состав лексических значений данного глагола. Однако факт обозначения этим глаголом такого окказионального смысла должен быть отражен в толковом словаре. В частности, в [Соколова 2019] показано, что у современного глагола *угодить–угождать* лексического значения в абстрактной сфере восприятия нет, но приводится следующий единичный пример окказиональной конфигурации, образующей такое значение на базе синтаксической обоймы значения 1:

- (12) *К сожалению, политики выхватывают только ту цифирь (X), которая **угождает** [соответствует / удовлетворяет / отвечает] их сиюминутным планам (Y)* (коллективный. Иранская ядерная программа [2010–2011]).

У исторического глагола также встретились два примера обозначения абстрактного отношения. Поместим их в статью не засвидетельствованного в найденных примерах лексического значения исторического глагола – значения *0 (абстр.), пометив его звездочкой, которой лингвисты обычно помечают языковые формы, не засвидетельствованные в текстах.

5.1. Значение *0 (абстр.)

Это наиболее абстрактное по своей семантике значение с инертными⁹ участниками. Обозначаемый процесс представляет собой не ‘воздействие / вторжение’, в котором участники так или иначе

---

⁸ Слово *обойма* употреблено, чтобы избежать возможных проблем с принятым в традиционной лингвистике термином «модель управления», которым обычно описывается синтаксическая сочетаемость исключительно в пределах одной лексемы. Обойма в нашем понимании также описывает синтаксическую сочетаемость для выделенных значений, но связана с инвариантным набором участников глагола в целом. Обойма представляет не максимальный, как модель управления, а минимальный состав участников.

⁹ Инертными участниками в [Соколова 2019] называются актанты глагола, обозначающего процесс-отношение, устанавливающийся в поле взаимопонимания коммуникантов по воле говорящего между любыми двумя или более сущностями на основании его собственных знаний и намерений.

взаимодействуют между собой, как в остальных значениях данного глагола, а отношение 'подобия', 'соответствия' объектов по некоторому параметру, которое декларируется говорящим на основе его знаний об этих объектах. Таких примеров встретилось два:

- (13) *Сие правило при многих опытах, которые о нем учинены, нарочито, однако не совсем совершенно, с правдою сходно было. Понеже: Опыт 51. У красного елового дерева очень хорошо, однако у дубового, вязового, липового и других дерев не так точно **угодило** (М.В. Ломоносов. Продолжение о твердости разных тел [перевод] [1741]).*
- (14) *Француз этот поставил на ноги уже не такого чудака, как был Андрей; и этот, правда, также назывался Андреем, – чем знаменитый гофмаршал, отец его, хотел напомнить государыне услуги и заслуги праотца того же имени, – но Андрей в Андрея, как известно, не удаётся – иной **угодит** в род и племя, а иной свихнется (В.И. Даль. Вах Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей [1843]).*

В примерах (13) и (14) глагол обозначает 'соответствие': в (13) – свойств разных сортов древесины некоему *правилу*, в (14) – свойств личности Андрея свойствам личности его предков, «*рода и племени*». Заметим, что абстрактное отношение в этих примерах предполагает фазу становления или выявления отношения – проведение опыта, проявление качеств, и фазу завершения (предела), т. е. приобретение свойства, которое возводит наличие отношения в факт, что, собственно говоря, и позволяет его декларировать. Это объясняет, почему глагол-отношение типа 'соответствовать' имеет в этих примерах форму СВ, невозможную для него в современном РЯ.

Еще один пример, с формой НСВ глагола, похож на пример окказионального употребления (12), поскольку также сконструирован на базе обоймы значения 1, т. е. *угождать (чему?)*:

- (14) *Удивляются сему сами и лютейшии враги наши, хотя и приятны им сии о нас вести (**угождают** бо зависти их), однако же таковое неистовство обругают и поплюют (архиепископ Феофан [Прокопович]. Слово о власти и чести царской... [1718]).*

Мы отличаем процессы с инертными участниками от процессов, частично или полностью определяющихся свойствами участвующих в них сущностей, в частности физически воспринимаемых свойств, например, поза участника для глагола сидеть, и др., которые, в частности, выделяются методами референциального подхода, см., например, [Кошелев 2015] для глаголов *ударить, падать, сидеть, бежать* и др.

В (15) глаголом связаны неодушевленные инертные понятия *вести* и *зависть*, а контекстными синонимами являются глаголы *удовлетворяют*, *отвечают*, *соответствуют*, что указывает на значение *0. Но *зависть* есть свойство личности, что приближает значение глагола в этом употреблении к значению 1 – *угождает их зависти* => *угождает им, вызывает у них чувство удовлетворения*. Если бы *вести* были связаны в предложении с каким-либо носителем социального процесса, создающим или выпускающим эти *вести*, т. е. передавали бы чью-то активность, чего требует, как показано в [Соколова 2019], значение 1, пример можно было бы приравнять к современному значению 1, окказионально передающему в создавшейся конструкции абстрактное отношение. Так мы и поступим, учитывая тот факт, что *вести* в принципе имеют своим источником активность людей.

Таким образом, значение *0 выражается на базе значения 2 в форме СВ в примере (14). В примере (13), который является переводом, актант *У* опущен, т. е. форма СВ *угодить* для значения *0 (абстр.) была возможна у исторического глагола.

Значение *0 (абстр.) также возникает в единичных примерах на базе значения 1 в форме НСВ как в современном языке – (12), так и в историческом – (15).

Близки к значению *0 примеры на устаревшее значение 1 (соц.), в котором *У* выражен существом, лишенным ментальности, на которую *Х* мог бы воздействовать своими поступками – ‘абстрактное’ существо, т. е. не телесное существо с ментальностью, а совокупность требований, предъявляемых к поведению *Х*-а, или стихия, см. следующий раздел.

5.2. Значение 1 до конца XIX в.

По примерам из НКРЯ для исторического глагола можно выделить несколько вариантов значения 1:

Значение 1.1 (соц.-мент.)

Значение 1.1 исторического глагола аналогично современному значению 1. В этой разновидности фигурирует непосредственно ментальная сфера *У*-а – человека, например *царя* в (16) и *Глеба* в (17), в которой возникает ‘удовлетворение’ в результате социальной деятельности *Х*-а, например, *приятной похвалы* в (16):

(16) *Кататовов, думая **угодить** ему приятною похвалою, отвѣчалъ на это: – «Нѣтъ, государь!»* (А.С. Шишков. Записки [1780–1814]).

- (17) *Курчани же выпросили себе от Глеба Юриевича посадника в том разсуждении, что оной град Святослав прежде дал брату его Иванку; а паче для безопасности такой, ежели Святославу в войне не посчастится, то сей град, яко владение внука Владимирова, не будут так, как протчие разорять, что и Святослав, **угодая** Глебу, охотно поступился* (В.Н. Татищев. История российская в семи томах. Т. 2 [1750]).

Другая разновидность значения 1 у исторического глагола демонстрирует сужение ограничений на *У* у процесса, протекающего в ментальной сфере, похожего на фигуру речи «метонимии». Роль самого существа *У* в этом случае выполняет неодушевленная сущность, неотъемлемая «часть» *У*-а, представляющая свойство *У*-а, например, *удодить любопытству, досаде, чувствам, страстям, гордости, чреву, плоти* и под. «Хозяин» этой части, естественно, тоже фигурирует в предложении, а именно *государь* в (18), *они*, о которых говорит архиепископ Платон в (19) и родители девицы в (20), представленные прилагательным *родительской*:

- (18) *М. Государь мой! Желание **удодить** вашему любопытству, сколько дозволяют собственные мои испытания, и то рвение, с коим я всегда стремился исполнять в точности волю вашу, возлагают на меня долг не проходить молчанием ничего, что сам видел и в чем совершенно удостоверен от людей...* (П.А. Левашов. Цареградские письма [1789]).
- (19) *Какое должно быть ума ослепление, дабы то, что производит следствия всегда печальныя, да и самое оное тело, которому они столько стараются **удодить**, порабощает и приводит в тление, чтоб сию, говорю, суету предпочитать святейшим добродетелии веры упражнению?* (Архиепископ Платон [Левшин]. Слово в день Святителя Алексия Митрополита [1777]).
- (20) *Ему нравилась старшая девица, которая и пела получше, и он долго не мог понять, что тут важнее было **удодить** чувству любви родительской, нежели доставить даме своего сердца удовольствие блеснуть талантом* (Н.Д. Хвощинская. Первая борьба [Отечественные записки. № 8, 9. 1869]).

Примеры (18) – (20) отличны от (15) тем, что не только неотъемлемая «часть» существа – *любопытство, тело* и др. – отсылает к конкретным людям, но и *Х* представлен конкретным человеком: в (18) и (20) – ‘говорящий’, в (19) – те же *они*, которые (*телу*, т. е. себе) *столько **удодить** стараются*.

В современном языке неотъемлемая «часть» вместо самого существа *У* встречается значительно реже и уже не напоминает фигуру речи. Она представляет вполне определенные запросы *У*-а,

оформляемого указательным местоимением. Существо запроса объясняется в предшествующем тексте, в частности, в (21) это страсть генсека *к памятным знакам*, в (22) из расширенного контекста мы узнаем, что *Y* – то, с чем «он» должен был считаться – это «*реалии политической обстановки и установки власти предержавшей*»:

- (21) *С одной стороны, учел страсть генсека к «памятным знакам», позаботился **угодить этой** страсти* (С.Б. Рассадин. Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них [2004–2008]).
- (22) *И, не всегда способный соблюдать эти установки (**X**), не всегда **угождая этим** требованиям [**Y**], он (**X**) не раз впадал в немилость (у **Y**-а)...* (Б. Ефимов. Десять десятилетий [2000]).

Неудовлетворение этим требованиям *Y*-а влечет *немилость Y*-а, т. е. *власти предержавшей*.

Значение 1.2 (соц.)

В МАС бипроцессность глагола *угодить* не акцентируется, выделяется единое значение 1 глагола *угодить*¹⁰. Между тем в конце XIX в. раздельность обозначаемых глаголом в значениях 1 процессов осознавалась. Например: «**угодить**: попасть во что, потрафить, и **угодить**, сделать угодное (К.С. Аксаков. О русских глаголах [1855])». В этой цитате, извлеченной из НКРЯ, представлено три значения глагола: значение 2 – попасть во что?, значение 1 социально-ментальное – потрафить, и значение 1 (социальное) – сделать угодное. Последнее в историческом глаголе имело собственную жизнь, не отраженную в современном МАС.

Значение 1 (социальное) у исторического глагола часто встречается в нравоучительных текстах в сочетаниях *угодить Богу*, а также *угодить жене, мужу, себе* и др., например:

- (23) *И потому если хочешь **угодить Богу**, то прежде, чем молиться утром и вечером, у обедни и всенощной, вспомни – кто на тебя сердится; и пойди устрой так, чтобы он не был сердит на тебя, а после уж молись, если хочешь* (Л.Н. Толстой. В чем моя вера? [1884]).
- (24) *Угодить вам – не **угодить себе**; **угодить себе** – не угодить вам: нет ли выхода из этой крайности?* (И.А. Гончаров. Обрыв [1869]).

¹⁰ В книге [Падучева 2004] глагол *угодить* отнесен к группе с семантическим типом «интерпретативные». Сравнение свойств рассматриваемого глагола и свойств названной группы возможно в отдельном теоретическом исследовании.

Это значение акцентировано на социальной сфере восприятия, на что указывают пояснения, как себя вести, например, *угодить богу чистотою, и любовию, и мирным устроением, добрымъ житіемъ, покаянием и исповеданием*. Исторический глагол *угодить* в этих текстах означает 'следовать линии поведения, удовлетворяющей определенным требованиям, источник которых абстрактен'. *Бог, жена, «я»* представлены в этих текстах как общие, абстрактные понятия, а не конкретные существа, обладающие ментальностью, состояние которой изменяется в результате деятельности X-а. Наоборот, X изменяется – приспосабливается к этим требованиям и таким образом приобретает (или не приобретает при отрицании) определенное состояние духовного или душевного комфорта в социуме для себя самого как человека семейного – *угодить жене*, эгоистичного – *угодить себе* или религиозного – *угодить Богу*, например:

- (25) *аще ли по моей смерти оскудѣвати начнетъ монастырь черноризци и потребами монастырскими, то вѣдуще будете, яко не угодилъ* [есть] Богу (Никоновская летопись [859–1176 гг.] [1526–1530]).

В (25) автор утверждает, что, если после его смерти начнутся в монастыре несчастья, это будет знаком того, что при жизни он сам не достиг того высокого духовного состояния, которое обеспечило бы монастырю «расположение» Бога.

В современном языке значение 1 (социальное) в текстах нравоучительного характера сохраняется, в частности в религиозной, иногда в бытовой области употребления языка, например:

- (26) *Даже в таких мелочах мы можем Богу **угождать** или, наоборот, **не угождать** Богу, а **угождать** себе* (Протоиерей Димитрий Смирнов. Проповеди [1984–1989]).
- (27) *Мучился и все больше убеждался, что, не умея **угодить себе**, не угодила бы она в хозяйствах и ему и что была она умнее его, не согласившись на общую жизнь* (В. Распутин. Изба [1999]).

К значению 1 (социальное) относятся и исторические примеры с собирательным Y-м, представленным множеством людей – носителей правил поведения, удовлетворяющих бытовому, гражданским или политическим целям, например, *угодить людям, многим, всем, шведу, самодержавной власти, добродетели, веку* (в смысле нравам людей этого века), *вкусу, моде* и др. Множество может включать и конкретное лицо, но имеется в виду именно линия поведения X,

удовлетворяющая правилам, источником которых является *У*, например, *Англия, Голландия, а особенно герцог Мальбург*, в (28):

- (28) *И исполнял все то, что токмо Англия и Галандия, а особливо дук де Малбург, от него желали, положи в своем намерении, дабы с шведом умератно или униженно поступать и ему во всем угождать, пока лутчие конъюктуры явятца* (А.М. Макаров [ред.]. История Свейской войны [Поденная записка Петра Великого] [1698–1721]).

В современном языке значение 1 с собирательным *У* относится к социально-ментальной сфере. Оно возникает для обозначения реального воздействия на *У*, например на зрителей спектакля, и допускает оценку степени воздействия, например, в (29) утверждается рост воздействия хореографов на публику:

- (29) *Отечественные хореографы, прекрасно ориентирующиеся в ситуации, угождают публике все больше и больше* (Е. Губайдуллина. Приколы ценятся выше. Завершился Второй европейский фестиваль современного танца [Известия. 2001.10.30]).

Таким образом, налицо сдвиг области *У*-а в значения 1 (социальное) в современных текстах по сравнению с историческими: к собственно социальной сфере у исторического глагола относятся собирательные *У*-и, у современного они находятся в области значения с социально-ментальной сферой восприятия.

Невозможна в современном языке ситуация, когда *У* представлен стихией, поскольку в этом случае ментальность *У*-а очевидно отсутствует:

- (30) *Животину водить, хлебу не угодить* (В. Даль. Словарь живого великорусского языка).
- (31) *Это от непривычки: если б пароходы существовали несколько тысяч лет, а парусные суда недавно, глаз людской, конечно, находил бы больше поэзии в этом быстром, видимом стремлении судна, на котором не мечется из угла в угол измученная толпа людей, стараясь угодить ветру, а стоит в бездействии, скрестив руки на груди, человек, с покойным сознанием, что под ногами его сжата сила, равная силе моря, заставляющая служить себе и бурю, и штиль* (И.А. Гончаров. Фрегат «Паллада» [1855]).

В (30) если *Х* угождает стихии, т. е. не водит скотину, которая топчет посевы, в (31) грамотно использует силу и направление ветра при навигации парусного судна, стихия способствует успеху его деятельности: хлеб родится, судно успешно идет по курсу.

5.3. Значение 4 (Устар.) до конца XIX в.

Выше было показано, что значение 4 является не просторечным, а устаревшим, и что в современном РЯ его сменило знач. 5, см. раздел 3. Изученные примеры до конца XIX в. показывают, что значение 4 у исторического глагола имело два варианта:

Значение 4.1 (физ.)

Обозначим описанное в МАС историческое значение, иллюстрируемое примерами (1) и (2), как значение 4.1. (физ.). Причина попадания *X*-а в *Y* в этом значении – осознанное физическое действие *X*-а – его направленное движение в *Y*, причем *Y* может обозначать географический пункт. Кроме примера (1) встретился еще один пример с географическим пунктом:

(32) *Проехав полверсты, попался свежий, едва занесенный следок саней и тройки, и изредка розоватые пятна крови лошади, которая засекалась верно, виднелись на нем. – Это Филипп! Вишь, раньше нас **угодил!** – сказал Игнашка. Но вот домишко с вывеской виднеется один около дороги посреди снега, который чуть не до крыши и окон занес его* (Л.Н. Толстой. Метель [1856]).

В (32) *Y* обозначает географический пункт, хотя в тексте он не назван. Вариант значения 4.1 с географическим пунктом в качестве *Y*-а и процессом физического прибытия в *Y*, не сохранился в современном языке, но его вариант с мероприятием в качестве *Y*-а породил современное значение 5.

В истории РЯ существовал также вариант 4.2, относящийся к социальной сфере восприятия, не сохранившийся в современном языке:

Значение 4.2 (соц.)

В значении 4.2 участник *Y* выражается инфинитивом, например:

(33) *И не высокопоставленную особу, не полновластного начальника, ради корысти или громкой похвалы, а невидного армейского офицера (X), **угодившего** [успевшего / смогшего] полюбитья им (Y), забыв себя, своих жен и детей, повинуюсь мгновенному внушению молодецких сердец, пытались они уберечь от все равно угрожающей смерти* (Ф.Ф. Торнау. Воспоминания русского офицера [1874]).

В (33) глагол обозначает попадание *X*-а (*невидного армейского офицера*) в социальную ситуацию *Y* ‘всеобщей любви’. Попадание в определенную социальную ситуацию связано с изменением положения или жизнеощущений самого *X*-а и отношения к нему общества, т. е. с приобретением *X*-ом новых свойств. Процесс не содержит семантического элемента ‘направленное движение’. На первый взгляд, кажется, что он соответствует не значению 4, а значению 2.3, поскольку процесс попадания в *Y* не намеренный, не контролируется *X*-ом. Однако в примерах имеется важный признак, указывающий на обусловленность результата свойствами *X*-а: во всех примерах глагол имеет в качестве контекстных синонимов контролируемые глаголы *успеть* и *смочь* ‘приобрести указанные свойства, преимущества’, которые указывают на действия, поведение *X*-а как источника приобретения этих свойств. Кроме того, эмоциональный знак данного значения явно положительный, т. е. ‘счастливо приобрести свойства’. Еще три примера:

- (34) *..Да семь годов будет... Аттестат зрелости не **угодил** получить. Вы нешто не слышали?* (П.Д. Боборькин. Китай-город [1882]).
- (35) *Все приходили: и работники, и работницы, и с деревни много людей приходило, со всеми прощалась... Один ты, Алексеюшка, не **угодил** проститься... И только что успела со всеми попрощаться, ровно застнула, голубушка...* (П.И. Мельников-Печерский. В лесах. Книга первая [1871–1874]).
- (36) *Семь недель, как в великий пост, голодом сиди, семь недель мозоли сбивай, покуда раз, да и то натошак, **угодишь** подраться да пожитья!* (В.И. Даль. Сказка о похождениях черта-послушника, Сидора Поликарповича, на море и на суше, о неудачных соблазнительных попытках его и об окончательной пристройке его по части письменной [1832]).

Поведение или усилия *X*-а создают «след» в его жизни в виде свойств, полученных (или упущенных при отрицании) им в результате обозначенного глаголом социального события: *неполучение аттестата* в (34) влечет неполучение тех преимуществ в общественной жизни, которые дает аттестат; *всеобщие любовь и уважение* в (33) создают офицеру комфортное и выгодное общественное положение; *драка* позволяет *X*-у в (36) испытать кратковременное состояние сытости; прощание с умирающей в (35) должно было оказать эмоциональное воздействие на *Алексеюшку*.

В НКРЯ современных примеров для варианта с управлением инфинитивом не нашлось. Встретились только два примера синтаксической зависимости инфинитива от глагола *угодить*:

- (37) *Лешка Шестаков с Гришей Хохлаком **угодили жить** в еще крепкую избенку стариков Завьяловых – к Корнею Измоденовичу и Настасье Ефимовне* (В. Астафьев. Прокляты и убиты. Книга первая. Чертова яма [1995]).
- (38) *Все это не стоило бы воспоминаний, если бы я не писал эту книгу сидячи в Тель-Авиве, пытаясь теперь разобраться в израильском менталитете и обстоятельствах, в которые меня **угодило вляпаться** по самые уши* (М. Козаков. Актерская книга [1978–1995]).

В (37) *У* – «в еще крепкую, светленькую избенку...», а сочетание *угодили жить* представляет собой бессоюзное соединение глаголов типа «*пойти купить*», т. е. инфинитив привязан к *угодили* не как лексическая валентность, а синтаксическим отношением примыкания. В (38) *угодило* – не глагол, а предикатив, управляющий инфинитивом, образованный по аналогии с предикативом *угораздило*. Это единственный пример сочетания *угодило* с инфинитивом из 66 найденных в НКРЯ словоформ *угодило*. Употребив *угодило* вместо *угораздило*, Михаил Козаков снял с себя ответственность за попадание в «*обстоятельства*», т. е. подчеркнул, что он оказался в Израиле по неправильному стечению обстоятельств, поскольку у современного глагола *угодить* причиной события всегда является ‘случай’, снимающий с *X*-а ответственность за событие. Примеры (37) и (38) являются образцами речевой игры, усиливающими выразительность речи и подчеркивающими случайность события.

К значению 4.2 примыкают примеры, в которых *У* выражен субстантивом или наречием с событийным значением:

- (39) *Въ крестины всей дворни по цѣлковому рублю да по суконному кафтану пожаловаль, двѣсти отпускныхъ выдалъ, барскихъ барынь, которыя замужь не **угодили**, со двора долой* (П.И. Мельников-Печерский. Старые годы. VII. Княгиня Варвара Михайловна [Русский вестник. 1857]).
- (40) *У мужика начинают ноги дрожать.*
 – *Да что же, отец родной, к чему же это я себя **угодил**?*
 – *Вот, Ермолай Григорыч, читай сам...* (А.И. Герцен. Былое и думы. Часть вторая. Тюрьма и ссылка [1854–1858]).

В (40) глагол *угодить* является переходным по форме и возвратным по сути, что указывает на то, что говорящий считает себя невольной причиной возникшей ситуации, которую он пытается осмыслить.

5.4. Значение 3 до конца XIX в.

В отличие от современного языка, для которого в МАС выделяется два варианта значения 3 – 3.1 и 3.2, в историческом можно выделить три варианта, т. е. добавить значение 3.3. Перечислим их:

– [Значение 3.1]: *Z* ‘стрелок’ *угодил* в *Y* *X*-ом ‘снарядом’, причем *X* обычно очевиден из контекста, поэтому не присутствует в предложении:

(41) *Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что бояться некого, тотчасъ за мушкетъ; но атаманъ не далъ имъ остановиться, приложился на всемъ скаку изъ карабина, и **угодиль** ихъ ротмистру какъ разъ между глазъ* (П.А. Кулиш. Черная рада [1846–1857]).

(42) – *Годи, годи, мое серденько, сам еще с нами насмеешься, – отозвался Гоголь и обратился снова к Риттеру: – Вот что я тебе скажу, Мишель: коли **угодишь** в потолок над самой его макушкой, можешь взять, так и быть, за чаем мою булку; а промахнешься, так отдашь мне свою* (В.П. Авенариус. Гоголь-гимназист [1897]).

– [Значение 3.2]: *X* ‘снаряд’ *угодил* в *Y*, причем энергия движения и траектория полета *X*-а создаются *Z*-ом – ‘стрелком’, обычно не представленным в предложении:

(43) *Птица вспорхнула; но стрелка **угодила** в крыло и вышибла золотое перышко* (Ф.И. Буслаев. Эпическая поэзия [1851]).

(44) *Хорошо, что никто проделки этой не видал: камешек **угодил** в окно соседней избы и расшиб его вдребезги* (В.И. Даль. Бедовик [1839]).

– [Значение 3.3]: *Z* ‘манипулятор’ действует *X*-ом ‘орудием’ таким образом, что *X* *угождает* в *Y*. В (40) *X* – *серп*, в (41), вероятно, *кулак*, в тексте не представлен, в (42) – *перо*:

(45) *Да и стала над нею: «Жни!» Маша как взмахнула серпом – прямо себе по руке **угодила*** (Н.А. Добролюбов. Черты для характеристики русского простонародья [1859]).

(46) *В этом почти единственно состояли все его занятия, и, признаться сказать, не красна была его жизнь в эту пору: кто за волоса оттреплет, кто в спину колотушек надает; да бьют-то все с маху, не изловчась, в такое место, пожалуй, **угодит**, что дух вон* (М.Е. Салтыков-Щедрин. Губернские очерки [1856–1857]).

- (47) *Советую и всем охотникам делать то же, и делать аккуратно, потому что птица, приколотая вскользь, то есть так, что перо не попадет в мозг, а **угодит** как-нибудь мимо, также может улететь, что со мной случалось не один раз, особенно на охоте за осенними тетеревами (С.Т. Аксаков. Записки ружейного охотника Оренбургской губернии [1852]).*

В этих примерах действие – манипуляция объектом – осуществляется Z-ом, причем ‘орудие’ оформляется творительным падежом: *угодила серпом* (45), *прикалывание пером* (47). Значения 3.1 и 3.2 современные, а значение 3.3 скорее устаревает, поскольку современные примеры в НКРЯ редки, некоторые звучат скорее просторечно, например, (47), хотя этот вариант не выходит за рамки литературного языка:

- (48) *Ей-богу, как будто вчера я **угодил** ножом в ладошку* (Д. Каралис. Автопортрет [1999]).

5.5. Значение 2 до конца XIX в.

По найденным в НКРЯ примерам можно предположить, что у исторического глагола скорее не было значения в физической сфере – значения 2.1 (физ.) и 2.2 (физ.) на рис. 1. Примеры внезапного случайного попадания X-а в физическое ‘место’ Y встречаются в основном корпусе НКРЯ только в конце XIX в. и немногочисленны. Значение 2.3 (соц.) в социальной сфере встречается регулярно.

Значение 2.3 (соц.)

Не ожидаемое X-ом попадание в ‘социальные обстоятельства’ и на ‘должность’ встречаются в основном корпусе НКРЯ до конца XIX в., например: *в солдаты* (49), (50), обстоятельства жизни, должность (51), в тюрьму – *в Сибирь* (52), *в яму* (53):

- (49) *Каким случаем отец мой **угодил** в солдаты, этого писарь не знал* (В.И. Даль. Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей [1843]).
- (50) *А этот уж что за человек! Не нынче, так завтра под красную шапку **угодит*** (А.Н. Островский. Доходное место [1857]).

- (51) *Я при месте и путем самым лучшим, когда достиг своей цели без поклонов поработорительных, стоек в передней и не заплачу никому за то ни гроша, ниже весовых денег за письмо на почту (так было в обыкновении), все покровительства мимо, и вместо их **угодил** такой человек, который, живучи в Москве, сидел на печи и толкался в народе* (И.М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни. Часть 3 [1788–1822]).
- (52) *Какъ ты смѣлъ, говорить, мошенникъ этакой, взятку мнѣ давать? Да за это говорить, въ Сибирь можешь **угодить**, коли я захочу* (П.И. Мельников-Печерский. Дѣдушка Поликарпъ [Русский вестник. 1857]).
- (53) *Цель их не та, чтобы уничтожить самодурство, от которого они так страдают, а та, чтобы только как-нибудь повалить самодура и самим занять его место. И вот – Большов **угодил** в яму, и вместо него явился Подхалюзин – и благоденствует на тех же правах* (Н.А. Добролюбов. Темное царство [1859]).

Причиной попадания X-а в Y в значении 2.3 (соц.) является или стихийность социальной жизни, создающая некоторые обстоятельства (49–51, 53), или чья-то злая воля (52), но не усилия самого X-а, что даже подчеркивается в (51).

6. Источник «просторечия» в примерах к значениям 4 и 3

Отклонение от стилистической нормы, пресловутое «просторечие», аналогичное примерам (1) и (2) к значению 4, обнаруживается и в примере (42) к значению 3.1. В примере (1) «просторечие» можно объяснить невозможностью географического понятия ассоциироваться с Y, но с примерами (2) и (42) это не проходит.

Значения 4 и 3 близки между собой тем, что, в отличие от значения 2, в их семантике присутствует контролируемое участником обозначаемого процесса действие: в значении 4 – ‘направленное движение’, в значении 3 – ‘выстрел, бросок’. Заметим, что в этих примерах «просторечность» проявляется в определенном грамматическом контексте, а именно в условном придаточном предложении, оформленном либо сослагательным наклонением (2),

либо условным союзом *коли* – (1) и (42). Синтаксическая форма условного придаточного выявляет обусловленность совершения события – попадания *X*-а в *Y* – свойствами или действием *X*-а или *Z*-а. В значении 4 это ‘направленное движение *X*-а в *Y*’, в значении 3 – это ‘выстрел или бросок’ ‘стрелка’ *Z*, сообщающий *X*-у энергию и определяющий траекторию движения. Назовем участника, определяющего наступление события своим действием, ‘самодействующим участником’ и обозначим его «*X|Z*». В грамматическом контексте условного придаточного обусловленность события свойствами и волей *X|Z*-а ощущается коммуникантами. В (42) – *Мишель Z* отвечает за попадание в поставленную цель, иначе пари, предлагаемое юным Гоголем, было бы бессмысленным. В (1) и (2) событие (попадание в *Y*) зависит от усилий (1) и согласия проявить усилия (2) участника *X*. У современного глагола такой обусловленности нет, поэтому примеры звучат «просторечно».

Таким образом, основное общее семантическое отличие исторического глагола от современного состоит в осознаваемой коммуникантами обусловленности попадания / воздействия *X*-а в/на *Y*, свойствами и усилиями участника *X|Z* у исторического глагола. Эта обусловленность сближает значения 4 и 3 со значением 1, демонстрируя историческую целостность семантики глагола. В значениях 2.1 и 2.2 обусловленность события усилиями *X*-а не наблюдается, чем, по-видимому, можно объяснить его предположительное появление только в современном глаголе. Во всех современных значениях (1, 2, 3, 5) свершение события определяется только ‘случаем’. Это становится главным семантическим свойством современного глагола *угодить* как семантического единства, в частности, отличающим его от глагола с предположительно аналогичным составом предметных участников – *попасть*.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы.

1. Диахроническое единство многозначного глагола *угодить* – *угождать* выражается в наличии у исторического и современного глагола одной и той же пары предметных участников – *X* и *Y* с аналогичными абстрактными процессными свойствами.

2. У исторического глагола выявлена обусловленность события свойствами и поведением самодействующего участника *X|Z*.

Именно она создает «просторечное» звучание исторического глагола для современного носителя языка в контексте условного придаточного предложения. В отличие от него, у современного глагола обусловленности события *X|Z*-ом нет. Общим свойством, создающим единство современного глагола *угодить–угождать*, является неконтролируемость, случайность совершения события. Это свойство придает глаголу устойчивость в системе современного языка в присутствии синонима *попасть–попадать*, который обозначает как контролируемые, так и не контролируемые процессы.

3. Показано, что значение 4 (*Прост.*) в МАС устарело, принадлежит «историческому» глаголу. Высказано предположение, что в современном РЯ его сменило значение 5, см. Приложение 1. Между значением 5 и значением 4 имеются существенные различия в семантической характеристике *У*-а и процесса, ведущего к событию. Семантический спектр *У*-а в историческом значении 4 шире, чем у современного значения 5, семантическая характеристика которого сводится к понятию ‘мероприятие’, определяемому как триада: ‘социальное событие’ & ‘время’ & ‘место’. У значения 4 семантическая характеристика *У*-а диффузна, допускает разнотипных участников: ‘географическое понятие’, например, *угодить до села*, ‘мероприятие’, например, *угодить на праздник*; ‘ситуация’, например, *угодить проститься*.

Конкретизация ограничений на *У* от исторического к современному глаголу наблюдается и в значении 1. В отличие от современного, исторический глагол допускает в качестве *У* как существо, обладающее ментальностью, которая меняется под воздействием *X*-а, так и абстрактные требования, исходящие от «ролевого существа» и природной стихии. Последнее сближает его с окказиональным значением 0* (см. Приложение 2).

Приложение 1

Значение 5 современного глагола
угодить–угождать

5 (соц.). В результате благоприятствующего случая оказаться в социальных условиях / обстоятельствах, связанных с конкретным местом и временем, попасть на мероприятие. *Угодили под конец пирушки, которую оживили своим приходом. Генис, Довлатов и окрестности. Угодил к обеду, но я был сыт и, несмотря на уговоры хозяев, не мог ничего есть* (Чивилихин. Моя мечта – стать писателем [из дневников 1941 г.]).

Приложение 2

Статья «исторического» глагола
угодить–угождать

В иллюстративных примерах, если пример уже приводился выше в тексте статьи, в ссылке на источник сохраняется только год публикации текста и добавляется номер примера в тексте. В остальных случаях приводится ссылка из НКРЯ.

УГОДИТЬ; сов.

*0. Устар. (абстр.) во что? Соответствовать правилу, свойствам чего-л. *Сие правило при многих опытах, которые о нем учинены, нарочито, однако не совсем совершенно, с правдою сходно было. Понеже: Опыт 51. У красного елового дерева очень хорошо, однако у дубового, вязового, липового и других дерев не так точно **угодило**. (1741) (13). Француз этот поставил на ноги уже не такого чудака, как был Горипальей Андрей; и этот, правда, также назывался Андреем, – чем знаменитый гофмаршал, отец его, хотел на-помнить государыне услуги и заслуги праотца того же имени, – но Андрей в Андрея, как известно, не удается – иной **угодит** в род и племя, а иной свихнется (1843) (14).*

1. (Устар.) || 1.1. (физ.) чему? Действовать соответственно правилам «ролевого существа», законам природы. *Животину водить, хлебу **не уго-дить**. (30). Это от непривычки: если б пароходы существовали несколько тысяч лет, а парусные суда недавно, глаз людской, конечно, находил бы больше поэзии в этом быстром, видимом стремлении судна, на котором не мечется из угла в угол измученная толпа людей, стараясь **угодить ветру**, а стоит в бездействии, скрестив руки на груди, человек, с покойным сознанием, что под ногами его сжата сила, равная силе моря, заставляющая служить себе и бурю, и штиль (1885) (31).* || 1.2. (соц.) кому? на кого?

Следовать правилам поведения, определяемым кодексом, исходящим от народа, Бога, человека, представленных в виде абстрактного (ролевого) существа. *И исполнял все то, что токмо Англия и Голландия а особливо дук де Малбург, от него желали, положи в своем намерении дабы с шведом умератно или униженно поступать и ему во всем угождать, пока лутчие конъюнктуры являца.* (1698–1721) (28). *...аще ли по моей смерти оскудъвати начнет монастырь черноризци и потребами монастырскими, то въдуще будете, яко не угодил [есмь] Богу* (859–1176 г.) (25). *Есть разность между замуженю и девицею: замуженя заботится о Господнем, как угодить Господу, чтобы быть святою и телом и духом; а замуженя заботится о мирском, как угодить мужу* (Библия).

Комментарий: значение 1.2. (соц.) ограниченно сохранилось в современном языке, см. примеры (26) и (27).

1. (соц. – мент.) кому? и на кого?. Удовлетворить кого-л., сделав что-л. приятное, нужное, желаемое. *Катанов, думая угодить ему приятную похвалю, отвѣчалъ на это: – «Нѣтъ, государь!»* (1780–1814) (16). *Но никто еще не угодил на людей, род гнусный и неблагодарный!* (Н.И. Греч. Записки о моей жизни [1849–1856]). *Удивляются сему сами и лютейшии враги наши, хотя и приятны им сии о нас вести (угождают бо зависти их), однако же таковое неистовство обругают и поплюют* (1718) (15). *Ему нравилась старшая девица, которая и пела получше, и он долго не мог понять, что тут важнее было угодить чувству любви родительской, нежели доставить даме своего сердца удовольствие блеснуть талантом* (1869) (20).

2. (соц.)¹¹. *Я при месте и путем самым лучшим, когда достиг своей цели без поклонов поработительных, стоек в передней и не заплатя никому за то ни гроша, ниже весовых денег за письмо на почту (так было в обыкновении), все покровительства мимо, и вместо их угодил такой человек, который, живучи в Москве, сидел на печи толкался в народе* (1788–1822) (55). *Каким случаем отец мой угодил в солдаты, этого писарь не знал* (1843) (49).

3. (физ.) || 3.2. Точно поразить, ударить и т. п. (о пуле, снаряде и т. д.). *По жеребью досталось первому стрелять мне... я подкрался и наметил очень ловко стрельнул – ах, на беду, зверь спал, закрыв морду лапою, и пуля, пробив ее, угодила в шею...* (А.А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек [1831]). || 3.1. Попасть в кого-л, во что-л. при стрельбе, броске, ударе. – *Годи, годи, мое серденько, сам еще с нами насмеешься, – отозвался Гогадь и обратился снова к Риттеру: – Вот что я тебе скажу, Мишель: коли угодишь в потолок над самой его макушкой, можешь взять, так и быть, за чаем мою булку; а промахнешься, так отдашь мне свою* (1897) (42); *Какъ только Ляхи осмотрѣлись, что бояться некого, за мушкеты; но атаманъ не даль имъ остановиться, приложился на всемъ скаку изъ карабина, и угодилъ ихъ ротмистру какъ разъ между глазъ* (1846–1857) (41). || 3.3. (физ.) (Прост.)

¹¹ Современное 2.3. Варианты в физ. сфере восприятия: 2.1. (физ.) и 2.2 (физ.) чем во что. «Удариться чем-л. обо что-л.» до конца XIX в. в НКРЯ не встретились. Считаем знач. 2 (физ.) принадлежащим только современному периоду.

при манипуляции предметом попасть в неправильное, неудобное место. *Да и стала над нею: «Жни!» Маша как взмахнула серпом – прямо себе по руке **угодила** (1859) (45); В этом почти единственно состояли все его занятия, и, признаться сказать, не красна была его жизнь в эту пору: кто за волоса оттрепет, кто в спину колотушек надает; да бьют-то все с маху, не изловчась, в такое место, пожалуй, **угодит**, что дух вон (1856–1857) (46). Советую и всем охотникам делать то же, и делать аккуратно, потому что птица, приколотая вскользь, то есть так, что перо не попадет в мозг, а **угодит** как-нибудь мимо, также может улететь, что со мной случилось не один раз, особенно на охоте за осенними тетеревами (1852) (47).*

4. Устар. || 4.1. (физ.) Прийти, приехать куда-л. (вовремя, в нужный момент). *Въ прошломъ, государь, в 182 году, весною, подговаривал онъ Истекайка насъ сиротъ твоихъ бѣжать въ Сибирь и хотѣлъ провести прямою дорогою, и отъ того ималъ по четыре гривны съ человѣка; и мы сироты въ Сибирь **не угодили**, на заставѣхъ не пропустили (О подговоре ясачными татарами Строгановскихъ крестьян бѣжать в Сибирь [1675]). Он собрался переночевать или в поле, или у знакомого мужика, коли угодит (доедет / успеет) до ночи до села (1876) (1). – К нам на праздник не угодите (придете ли) ли? Милости просим (1884) (2). || 4.2. (соц.) что сделать? Смочь, успеть совершить действия, создать впечатление, дающие определенные социальные предпочтения. *И не высокопоставленную особу, не полновластного начальника, ради корысти или громкой похвалы, а армейского офицера (X), **угодившего** полюбовиться им (Y), забыв себя, своих жен и детей, повинаясь мгновенному внушению молодецких сердец, пытались они уберечь от все равно угрожавшей смерти (1874) (33). ...Да семь годов будет... . Аттестат зрелости не **угодил** получить. Вы нешто не слышали? (1882) (34). Все приходили: и работники, и работницы, и с деревни много людей приходило, и со всеми прощалась... Один ты, Алексеюшка, не **угодил** проститься... И только что успела со всеми попрощаться, ровно заснула, голубушка... (1871–1874) (35). Семь недель, как в великий пост, голодом сиди, семь недель мозоли сбивай, покуда раз, да и то натоцак, **угодишь** подраться да пожитья! (1832) (36).**

УГОЖДАТЬ; *несов.*¹²

НСВ1: в знач. 1. *Новости здешние: вице-граф dela Герерия, гишпанской посланник при нашем дворе, проезжая через Дрезден, здесь на несколько дней остановился. Принят **угождаем** здесь весьма ласково [И.Ф. Богданович. Письма [1767–1800]]. Загадки I Ласкатель бесстыд-*

¹² Мы исходим из гипотезы о наличии у глагола видовых значений, которые могут быть приписаны значениям слова в словаре, в частности, НСВ1 – плавная фаза процесса без крайних (начало и конец [предел]) точек, и НСВ2 – неопределенно кратное [Соколова 2019]. Это потенциальные значения, сопутствующие лексическим значениям в словаре и реализующиеся в составе частновидовых значений.

но всех знатных господ в глаза похваляет, **угождает** их слабостям, а за очи смеется тому, что они ему верят, а иногда и бранит их; какого за то ожидает он награждения? Отгадай (Н.И. Новиков. Пустомеля. Ежемесячное сочинение, 1770 год месяц июнь). «Дочерей у меня нет, – говорила она обыкновенно, – бог не дал; стало быть, нет и хозяйства, нет и дела, как только **угождать** на Ивана Яковлевича; а сыновья растут у него на руках как себе знают» (В.И. Даль. Вакх Сидоров Чайкин, или Рассказ его о собственном своем житье-бытье, за первую половину жизни своей [1843]).

НСВ2: в знач. 1 (соц.) [Хор] *Хоть усердно мы желаем / Угождать вам каждый раз, / Но со страхом ожидаем / Снисхождения от вас. / Если ж мы вас забавляли, / Так ответ у нас в руках. / Вы наш дом застраховали / И рассеяли наш страх!* (П.А. Каратыгин. Дом на Петербургской стороне [1838]). – *Минуточку только, – говорил Чартков простодушным и просящим голосом ребенка. Но дама, кажется, совсем не была расположена **угождать** на этот раз его художественным потребностям и обещала вместо того просидеть в другой раз долее* (Н.В. Гоголь. Портрет [1835]).

Благодарности

Автор благодарит анонимного рецензента и редакцию Московского лингвистического журнала за внимательное отношение и ценные критические замечания, учет которых безусловно способствовал совершенствованию текста статьи. Особая благодарность коллеге С.А. Крылову за предоставление ссылок на упоминания глагола *угодить–угождать* в научной литературе и самих источников в электронном виде, без изучения которых невозможно было бы внести в текст некоторые из элементов научного фона исследования.

Acknowledgements

The author thanks the anonymous reviewer and the editors of the Moscow Journal of Linguistics for their attentive attitude and valuable critical remarks, the consideration of which undoubtedly contributed to the improvement of the text of the article. Special thanks to colleague S.A. Krylov for providing links to references to the verb *ugodit'–ugozhdat'* in the scientific literature and the sources themselves in electronic form, without the study of which it would be impossible to introduce into the text some of the elements of the scientific background of the research.

Литература

- Кошелев 2015 – *Кошелев А.Д.* Когнитивный анализ общечеловеческих концептов. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2015. 280 с. (Studia philologica)
- Падучева 2004 – *Падучева Е.В.* Динамические модели в семантике лексики. М: Языки славянских культур, 2004 [Электронный ресурс]. URL: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf> (дата обращения 22.01.2021).
- Соколова 2019 – *Соколова Е.Г.* Эшелонирование значений категории вида и их взаимодействие с лексическими значениями: на примере глагола *угодить–угождать* // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 102–139.
- Шмелев 1973 – *Шмелев Д.Н.* Проблемы семантического анализа лексики. М.: Наука, 1973. 280 с.

References

- Koshelev, A.D. (2015), *Kognitivnyi analiz obshechelovecheskikh konceptov* [Cognitive analysis of universal concepts], Rukopisnye pamyatniki Drevnei Rusi, Moscow, Russia. (Studia philologica)
- Paducheva, E.V. (2004), *Dinamicheskiye modeli v semantike leksiki* [Dynamic models in lexical semantics], Yazyki slavyanskikh kul'tur, Moscow, Russia, available at: <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf> (Accessed 22 Jan. 2021).
- Sokolova, E.G. (2019), “Two echelons in the semantics of the Russian verbal aspect and their interaction with lexical meanings. Illustrated by the verb *ugodit'–ugozhdat'*”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 7, pp. 102–139.
- Shmelev, D.N. (1973), *Problemy semanticheskogo analiza leksiki* [Problems of semantic analysis of the lexicon], Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Елена Г. Соколова, кандидат филологических наук, Москва, Россия; minegot@rambler.ru

Information about the author

Elena G. Sokolova, Cand. of Sci. (Philology), Moscow, Russia; minegot@rambler.ru

Лингвистика в вузе: традиции и перспективы

УДК 378.016:81

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-197-209

Традиции ОСиПЛа МГУ в Институте лингвистики РГГУ: история и современность

Людмила Л. Федорова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, lfvoix@yandex.ru*

Аннотация. В хронике представлен обзор выступлений на заседании межвузовского круглого стола, посвященного юбилею отделения структурной и прикладной лингвистики МГУ и 110-летию его основателя В.А. Звегинцева. Обсуждались проблемы научного наследия Звегинцева, соотношение языка и теории, начальные этапы становления лингвистических учебных центров в МГУ и в РГГУ, стратегии лингвистического образования. Участники заседания поделились воспоминаниями о преподавателях ОСиПЛа, заложивших научно-педагогические традиции, об их развитии в Институте лингвистики РГГУ, а также рассказали о своих новых исследованиях.

Ключевые слова: ОСиПЛ, В.А. Звегинцев, лингвистическое образование, педагогическая коммуникация

Для цитирования: Федорова Л.Л. Традиции ОСиПЛа МГУ в Институте лингвистики РГГУ: история и современность // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 197–209. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-197-209

Traditions of the Department of Structural and Applied Linguistics of the Moscow State University at the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities: history and present

Liudmila L. Fedorova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, lfvoix@yandex.ru

Abstract. This is an overview of the roundtable dedicated to the 60th anniversary of the Department of Structural and Applied Linguistics of the Moscow State University and the 110th anniversary of its founder Vladimir A. Zvegintsev. The presentations at the roundtable concerned Zvegintsev's scientific heritage, the cor-

---

© Федорова Л.Л., 2021

relation of linguistic data and theory, the initial stages of the formation of linguistic university centers at MSU and at RSUH, strategies of linguistic education. The participants of the meeting shared their memoirs about their teachers who laid the scientific and pedagogical traditions, about the development of these traditions at the Institute of Linguistics of RSUH, as well as presented their new research.

Keywords: Department of Structural and Applied Linguistics, Vladimir Zvegintsev, linguistic education, pedagogical communication

For citation: Fedorova, L.L. (2021), "Traditions of the Department of Structural and Applied Linguistics of the Moscow State University at the Institute of Linguistics of the Russian State University for the Humanities: history and present", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 2, pp. 197-209, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-197-209

Год 2020-й отмечен двумя юбилеями: 60 лет со времени создания Отделения структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛ) МГУ и 110 лет со дня рождения его создателя В.А. Звегинцева. Этому был посвящен круглый стол, организованный кафедрой Теоретической и прикладной лингвистики РГГУ и состоявшийся 3 октября 2020 г. в Институте лингвистики в смешанном формате. Половина докладчиков собрались в стенах РГГУ, другие выступали онлайн, более широкая аудитория принимала участие в дискуссии онлайн. Среди них – Ольга Владимировна Звегинцева, Сергей Александрович Крылов, Лейли Гасемовна Лахути, Кетеван Тамазовна Гадилия, Валентина Григорьевна Кульпина и др.

Заседание открыл В.М. Алпатов с докладом «Институт лингвистики РГГУ: второй ОСиПЛ?». Он отметил преемственность научных и педагогических традиций ОСиПЛа, осуществляемую Институтом лингвистики со времени его создания; подробно остановился на истории формирования ОСиПЛа. Называя причины создания ОСиПЛа, Алпатов указал на разрыв, который существовал в развитии отечественной и зарубежной лингвистики, притом что лингвистические задачи автоматического поиска информации и машинного перевода к 60-м годам уже были обозначены и требовали подготовки специалистов. Традиционные филологические программы не могли дать такую подготовку, а союз с математиками сулил подобную перспективу. В этой обстановке В.А. Звегинцеву по договору с мехматом МГУ удалось создать на филологическом факультете отделение с преподаванием математических курсов, которые читали В.А. Успенский и Ю.А. Шиханович. Другим важным направлением преподавания были иностранные языки, в том числе и японский в наборе 1963 г., куда входил и В.М. Алпатов. По лингвистическим курсам, и особенно прикладным, программы скла-

дывались методом проб и ошибок. В.М. Алпатов отметил важную роль курса «История языкознания», который читал В.А. Звегинцев и который сам В.М. Алпатов стал впоследствии преподавать в МГУ и в РГГУ. Сейчас в Москве существуют три признанных лингвистических центра, продолжающих традиции ОСиПЛа, заложенные Звегинцевым, – в самом МГУ, в РГГУ и в НИУ ВШЭ. И это хорошо, когда учебных и научных центров делается больше, заключил В.М. Алпатов.

А.Н. Барулин продолжил тему, рассказав об истории создания Института лингвистики в РГГУ. Импульсом к его созданию послужило закрытие кафедры СиПЛ в МГУ в 1982 г. Желание возродить преподавание лингвистики в традициях ОСиПЛа силами самих его выпускников привело к образованию в 1988 г. кафедры на базе Историко-архивного института, возглавляемого Ю.Н. Афанасьевым, а затем и факультета теоретической и прикладной лингвистики (ФТиПЛ) в составе РГГУ. Барулин поведал, что одним из решающих моментов для Афанасьева была поддержка идеи Вяч.Вс. Ивановым, рассказал о драматических перипетиях истории факультета, отметил выдающийся вклад в его становление В.К. Финна, Г.А. Ткаченко, Ю.С. Мартемьянова, В.А. Дыбо и других сподвижников и единомышленников. В первые же годы Барулину удалось привлечь многих преподавателей, выпускников ОСиПЛа, составивших костяк факультета: Т.В. Базжину, Е.П. Буторину, С.М. Евграфову, Г.Е. Крейдлина, М.А. Кронгауза, И.А. Муравьеву, Е.В. Муравенко, возобновить традицию лингвистических олимпиад среди школьников, привлечь молодежь на новый факультет, организовать лингвистические экспедиции. По сравнению с отделением в МГУ факультет в РГГУ имел ряд преимуществ: более значительный набор студентов, постоянное преподавание восточных языков (причем в дополнение к современным также и соответствующих языков традиции – классического арабского, старояпонского, вэньяня и др.), сам выбор изучаемых языков был разнообразен. Факультет приобрел заслуженно высокий статус.

Со слов благодарности В.А. Звегинцеву начал свое выступление С.И. Гиндин. В докладе «Лингвистические пристрастия В.А. Звегинцева и образовательная стратегия ОСиПЛа», возвращаясь к истории создания ОСиПЛа, Гиндин уточнил, что отделение подобного направления в 60-е годы было открыто несколько, но многие не выжили; первым было Отделение математической лингвистики в Ленинградском университете, сохранившееся и в Санкт-Петербургском университете. Отделение машинного перевода (потом прикладной лингвистики) в Инязе – МГПИИЯ им. М. Тореца, созданное на год раньше ОСиПЛа МГУ, в 70-е годы

распалось. Но ОсиПЛ выжил и после закрытия кафедры в 1982 г. – во многом благодаря лингвистической образовательной стратегии Звегинцева. Парадоксально прозвучало утверждение С.И. Гиндина, что В.А. Звегинцев, воспитанный на сравнительно-историческом языкознании и философии языка, не был ни структурным, ни прикладным лингвистом. С.И. Гиндин поделился воспоминаниями о критических высказываниях Звегинцева по поводу модели «Смысл-Текст» и напомнил, что такое отношение нашло отражение и в книге «Язык и лингвистическая теория» [Звегинцев 1973]. В прикладной лингвистике В.А. Звегинцев подчеркнуто отстранялся от тематики машинного перевода (из которой как раз и выросла модель Мельчука и Жолковского). Зато он активно сотрудничал с разработчиками систем искусственного интеллекта, в чьих исследованиях его особенно привлекала проблематика понимания речи и текста. В теоретической лингвистике Звегинцев исходил из первостепенности фактов языка по отношению к теориям; теории преходящи, в то время как описание языков, лингвистические факты остаются. В этом плане понятна оценка той роли, которую Звегинцев отводил преподаванию на отделении А.А. Зализняка, спецкурсам по конкретным языкам. Именно эта стратегия обеспечила наибольшие достижения выпускников ОсиПЛа в области компаративистики, полевой лингвистики, типологии.

С.И. Гиндин высоко оценил просветительскую роль Звегинцева в его изданиях по истории языкознания, в серии «Новое в (зарубежной) лингвистике»; отметил, что Звегинцев уделял большое внимание межпредметным связям лингвистики, в частности с психологией.

Выступление С.И. Гиндина вызвало бурную дискуссию об отношении В.А. Звегинцева к теории как таковой. По мнению С.А. Крылова, Звегинцев был чутким наблюдателем за изменениями лингвистического мейнстрима, за революциями в теории: Звегинцев одним из первых почувствовал последовавший за хомскианской «синтаксической» революцией поворот к семантике и далее к прагматике, что и отразил в книге «Предложение и его отношение к языку и речи» 1976 г. Звегинцев высоко ценил отечественных ученых, совершивших прорыв в области лингвистики текста, – С.И. Гиндина, Е.В. Падучеву, И.П. Севбо. Наблюдения над современными теориями и интерес к истории лингвистических учений свидетельствуют о стремлении Звегинцева создать метатеорию лингвистики. Нередко отмечают, что Звегинцев не занимался конкретно никаким языком. Предмет всех его книг – не столько язык, сколько лингвистика как сумма фактов, над которыми надо строить теорию, объясняющую эти факты.

Из сообщения О.В. Звегинцевой неожиданным для многих оказался факт, что В.А. Звегинцев владел арабским языком и защищал кандидатскую диссертацию по истории арабского языкознания.

В дискуссии отмечали широту и многосторонность лингвистического образования на ОСиПЛе. Слова благодарности от А.Н. Барулина прозвучали в адрес А.И. Кузнецовой, читавшей различные теоретические курсы, знакомившие с современными лингвистическими теориями. С.А. Крылов напомнил о лекциях А.Б. Долгопольского по ностратике на научном студенческом обществе. Теория языка и история языкознания были важными направлениями образовательной стратегии В.А. Звегинцева и темами его книг.

В презентации Л.Л. Федоровой «ОСиПЛ: наши Учители и наше наследие» живой интерес вызывали фотографии из архива О.В. Звегинцевой, любезно предоставленные для этого заседания (фото кафедры 70-х годов, Владимира Андреевича – военного переводчика в годы Великой Отечественной войны).

Кафедра ОСиПЛ в 70-е гг.

Слева направо: Н. Акимова, Б.Ю. Городецкий, А.А. Зализняк, В.А. Звегинцев, А.Е. Кибрик, О.Ф. Кривнова, А.И. Кузнецова, Э.Я. Урманцева, Л.В. Златоустова, Н.И. Лепская

В.А. Звегинцев, 1943 г.

Фотографии из личного архива О.В. Звегинцевой

Федорова поделилась воспоминаниями о студенческой атмосфере на ОСиПЛе в 1970-е гг. Необычный набор дисциплин – математика, языки «с нуля», лингвистические курсы, – подготовка олимпиад, экспедиции. Возможность прикоснуться к языку как к живой звучащей материи, будь то санскрит или современные малые языки Памира, Кавказа, Сибири – дунганский, ваханский, арчинский, селькупский... Или даже «языки» дельфинов, к ним тоже были экспедиции на Карадагскую биостанцию. Царил особый дух содружества и причастности к чему-то неизведанному, к самому процессу нахождения истины, без «навешивания ярлыков», но с осознанием «задачности», проблемности самой науки. И убеждение в том, что именно осипловцы – на самом передовом крае лингвистической науки. На заседания научного студенческого общества, которым руководил тогда старшекурсник А. Барулин, приглашали Ю.Д. Апресяна, слушать его приходили и первокурсники. Было у осипловцев и немножко снобистское противопоставление себя филологам: «Мы не филологи, мы лингвисты». До сих пор сохранилась вызывающая характеристика осипловских студентов: «любят не столько учиться, сколько делать открытия».

Это согласовывалось с позицией, определенной В.А. Звегинцевым в книге «Мысль и язык»: «Самые филологически настроенные ученые не отрицают, однако, права на автономность лингвистической науки» [Звегинцев 1996, с. 17].

Установка обучать так, что студент как будто сам делает открытие, – это то, что дали учителя: Андрей Анатольевич Зализняк, Владимир Андреевич Звегинцев, Ариадна Ивановна Кузнецова, Александр Евгеньевич Кибрик, Борис Юрьевич Городецкий, Любовь Владимировна Златоустова, Виктор Витальевич Раскин и другие. Открыть у студента способность увидеть проблему, особое красивое явление в языке, дать ощутить радость от неожиданного понимания его уникальности или нахождения параллелей в уже знакомом языке. Эта установка получила развитие в практике составления олимпиадных задач, в преподавании лингвистических курсов, в дальнейших исследованиях.

Но учили осипловцев, конечно, не только лингвисты; тепло вспоминаются преподаватели французского языка Т.С. Макеева, Л.О. Мошенская, математики А.Н. Копылова, А.В. Прохоров, Л.А. Скорняков. Курс психологии читал профессор Н.И. Жинкин.

Хотя лингвистика на кафедре получила статус «структурной» (одно время «теоретической») и прикладной, сам В.А. Звегинцев гораздо шире смотрел на ее научные перспективы, акцентируя внимание на факторе человека в науке о языке и, следовательно,

на функциональном подходе к исследованию языка и коммуникации. Это направление, как подчеркивал Звегинцев, восходит к идеям Гумбольдта и пониманию языка как деятельности, а не готового продукта (не «эргон», а «энергейя»); оно получило развитие, в частности, в современной американской социолингвистике. Социолингвистика, теория коммуникации, а также семиотика стали одними из важных направлений преподавания на ФТиПЛе под руководством А.Н. Барулина.

В настоящее время половина состава кафедры ТиПЛ – выпускники ОСиПЛа МГУ. В докладе были отмечены преподаватели Института лингвистики РГГУ, о которых коллеги сохраняют добрую память. Это ушедшие И.А. Муравьева, Ю.С. Мартемьянов, О.Л. Катречко. В Институте лингвистики стремятся поддерживать дух и традиции ОСиПЛа – в преподавании фундаментальных лингвистических дисциплин, чтении авторских курсов, в практике экспедиций. Появились и серийные издания сборников конференций по проблемам языка и коммуникации с разделом «Из лингвистического наследия»; в одном из них опубликована статья В.А. Звегинцева «О волшебстве поэтического слова» [Звегинцев 2015], впервые напечатанная в книге «Мысли о лингвистике» [Звегинцев 1996]; в другом – статья Ю.С. Мартемьянова и Ю.А. Шрейдера «Ритуалы и самоценное поведение» [Мартемьянов, Шрейдер 2013].

Поскольку выступавшие на круглом столе в основном были выпускниками ОСиПЛа разных лет, каждый из них делился своими воспоминаниями. В своем выступлении И.М. Кобозева, профессор МГУ, бывшая аспирантка Звегинцева, коснулась этапов своей лингвистической карьеры, рассказав об увлечении синтаксическими теориями, о научных дискуссиях по порождающей семантике, о формировании когнитивной семантики и прагматики, подчеркнула, что Владимир Андреевич интересовался прагматикой, тем, каким образом человек понимает высказывание; проблема пресуппозиций и фонового знания ставится им в книге «Предложение и его отношение к языку и речи» [Звегинцев 1976].

Обратившись к основной теме доклада «Наш первый образовательный стандарт», И.М. Кобозева говорила о начальных этапах стандартизации лингвистического образования, выделившегося из общепилологического, вспоминала о разработке стандарта на основе опыта трех вузов: МГУ, РГГУ и МГЛУ (бывшего Иняза), проблемах и спорах по поводу разных дисциплин, включаемых в учебные программы по теоретической лингвистике, о роли А.Н. Барулина в продвижении семиотики. Тогда важно было разделить два направления: отделить теоретическую лингвистику с математикой от направления по изучению иностранных языков.

Анализу идей В.А. Звегинцева, высказанных в его последней книге «Мысли о лингвистике», был посвящен доклад Е.П. Буториной «В.А. Звегинцев о человеческом факторе в языке». Е.П. Буторина – более поздняя выпускница ОСиПЛа, но ей довелось слышать лекции В.А. Звегинцева; впоследствии она была одним из первых организаторов ФТиПЛа в РГГУ. Отмечая полемический характер книги, Буторина подчеркнула, что исходным тезисом было утверждение Звегинцева о близости лингвистики к естественнонаучному кругу дисциплин. Он отмечал, что наука о языке должна быть наукой об уникальной человеческой способности, благодаря которой возможно человеческое общение и целенаправленная человеческая деятельность; однако при распространенном подходе к языку изучается корпус текстов, а деятельность человека, функционирование языка оказывается за его пределами. Объяснительная, «гуманистическая» лингвистика, исследующая язык как человеческую деятельность, по сути, является «антигуманитарной», т. е. приближающейся к естественным наукам. Она должна входить в состав когнитологии (когнитивистики), изучающей мыслительную деятельность человека, указывал Звегинцев. Полемические идеи Звегинцева, которые он в последние годы не имел возможности высказать устно, одержали победу, считает Буторина, и это подтверждается и самим фактом организации ФТиПЛа А.Н. Барулиным, и развитием Института лингвистики РГГУ в последнее время.

В своем выступлении «Традиции ОСиПЛ и дискурсивные реалии» Е.Г. Борисова, профессор МГПУ, отметила, что хотя традиции ОСиПЛа сохранялись еще в 80-е годы, однако в 90-х годах в некоторых научных сообществах наблюдался категорический отказ от тех принципов формального описания, удовлетворяющих требованиям Декарта – проверяемости, выводимости, опровержения, – которым учили на ОСиПЛе. Столкнувшись с проблемами семантики, не поддающимися строгому анализу, сторонники формального подхода старались найти способ сохранить формальные критерии и способы описания семантики единиц. Так, сама Е.Г. Борисова в кандидатской диссертации 1983 г. предложила определения значений русских частиц на основе более или менее формальных процедур разделения значений. Однако уже сильна была тенденция к отказу от строгой формальности, стремление описывать в семантике не столько точные и эксплицитные процедуры, обеспечивающие достоверность результата, сколько впечатления; «маятник качнулся в другую сторону». Борисова вспоминала о лекции С.С. Аверинцева аспирантам-лингвистам, где он говорил о тех преимуществах, которые дает гуманитарное знание, о его ценности как части мировой системы познания мира. Обращение к изучению дискурса для

многих стало возможностью использовать эту неформальную позицию, хотя, как показали работы Ю.С. Мартемьянова, одного из основоположников машинного перевода в нашей стране, формализация и на этом уровне вполне возможна и эффективна. Е.Г. Борисова призывала обратиться к идеям Мартемьянова, которые могут оказаться полезными на новом этапе исследований дискурса.

Выступление С.М. Евграфовой «Спецсеминары на ОСиПЛе как форма обучения профессиональной коммуникации» высветило те особенности преподавания, которые были характерны для построения учебных планов на ОСиПЛе. У студентов была огромная свобода выбора спецкурсов и спецсеминаров, на которые могли записываться все желающие, независимо от курса. На них преподавались редкие языки, могли читаться лингвистические и математические курсы «сверх программы», проводилась подготовка к экспедициям. Делали это преподаватели-энтузиасты не по обязанности, а из-за своей увлеченности предметом. Поощрялись дискуссии «на равных», студенты активно вовлекались в этот процесс. Эту свободу теперь трудно поддерживать в РГГУ, хотя возможность выбора специального курса для группы все же сохраняется. Доклад в целом был посвящен осмыслению опыта педагогической коммуникации, который был накоплен на ОСиПЛе. С.М. Евграфова поделилась воспоминаниями о семинарах В.И. Беликова, А.И. Полторацкого, о языковых курсах А.А. Зализняка, которые ей довелось посещать.

Тему воспоминаний о преподавателях ОСиПЛа развивала также Т.В. Базжина, выступившая с докладом «Новые области лингвистики: Об Учителе и Человеке Наталье Ильиничне Лепской». Татьяна Вадимовна вспоминала своего научного руководителя, заразившего ее любовью к изучению детской речи. Наталья Ильинична преподавала психолингвистику на ОСиПЛе, детская речь была одним из ее научных приоритетов. Язык ребенка – это та область, которая касается каждого и интересна всем, и в ней Наталья Ильинична была первопроходцем, заложив основы изучения онтогенеза речи; она подчеркивала, что важно изучать речь ребенка в диалоге со взрослым, поскольку именно в таком общении происходит становление речи. Написанная еще в 1996 г., ее книга «Язык ребенка: онтогенез речевой коммуникации» стала бестселлером. Ее дополненное переиздание в 2013 г. и затем в 2017 г. было осуществлено Т.В. Базжиной в издательстве РГГУ [Лепская 2013; Лепская 2017].

Воспоминаниями о своем научном пути поделилась В.И. Подлесская в своем выступлении «Японский язык в куррикулуме структурного лингвиста». Идея преподавать японский на ОСиПЛе принадлежала В.А. Звегинцеву, который рассчитывал подготовить

специалистов по машинному переводу с японского языка. Первый такой набор был осуществлен в 1963 г. и, хотя никто из выпускников не стал заниматься в дальнейшем машинным переводом, все связали свою жизнь с японским языком: В.М. Алпатов как теоретик, другие его сокурсники как преподаватели японского в вузах. Среди выпускников второго набора, кроме В.И. Подлесской, немногие продолжили работать с японским профессионально. Но в этом выпуске наиболее замечательной фигурой был С.А. Старостин. Традиция преподавания японского языка поддерживается и в РГГУ. Результатом сотрудничества лингвистов трех поколений – В.М. Алпатова, В.И. Подлесской и П.М. Аркадьева – является двухтомная теоретическая грамматика японского языка [Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008]. Из выпускников РГГУ японский продолжает здесь же преподавать А.В. Дегтярева, защитившая кандидатскую диссертацию под руководством В.И. Подлесской.

Среди докладов мемуарной тематики надо отметить также выступление с презентацией О.А. Казакевич «Традиции лингвистического поля ОСиПЛ/ОТиПЛ в Институте лингвистики РГГУ». В нем прослеживается история лингвистических экспедиций, начало которым было положено в 1967 г. экспедицией в Дагестан для изучения лакского языка. Далее был организован ряд экспедиций в северные районы под руководством Ариадны Ивановны Кузнецовой, в частности с 70-х годов к селькупам, куда студенткой в течение нескольких лет ездила и Казакевич. Вспоминались и более поздние экспедиции уже от РГГУ – к вепсам, крымским татарам, кетская экспедиция 1993 г., которой руководили А.Н. Барулин, Е.А. Хелимский и С.А. Старостин. К этим воспоминаниям подключился и А.Н. Барулин, назвав студентов, участвовавших в экспедициях. По результатам экспедиций издавались труды, сборники материалов, научные статьи, словари. Как отметила Казакевич, лингвистические экспедиции – это была идея Звегинцева как дань уважения американской этнолингвистике, изучавшей языки коренных народов Америки, наш ответ на вызовы времени. Перед лингвистами стояли задачи описания языков, находящихся под угрозой исчезновения. В РГГУ эта традиция продолжилась в хакасских и адыгейских экспедициях 2002–2016 гг. (и отчасти продолжается ныне в сотрудничестве с другими университетами, в первую очередь НИУ ВШЭ). Сейчас эту традицию поддерживают сибирские экспедиции самой О.А. Казакевич, а также диалектологические экспедиции И.И. Исаева, занимающиеся сбором и паспортизацией материалов по диалектной фонетике. Об этом подробно рассказал и сам И.И. Исаев с презентацией слайдов рабочих моментов экспедиций. К сожалению, современное состояние дел не позволяет

обеспечить достаточно продолжительные выезды «в поля», однако даже пара недель полевой работы дает студентам неоценимый опыт практического исследования, общения с информантами, обработки материалов на базе современных технологий. В результате этой практики пишутся курсовые и защищаются дипломные работы.

В выступлении Е.Ю. Щербаковой прозвучали воспоминания о Юрии Семеновиче Мартемьянове, но с неожиданной стороны – как о переводчике. Имя Юрия Семеновича как автора одной из оригинальнейших синтаксических теорий и теории связности текста не раз упоминалось на конференции, а о его работе переводчика не так известно. Между тем Юрий Семенович сотрудничал с рядом издательств (Иностранная литература, Художественная литература, Прогресс, Радуга, Ладомир и др.); он переводил со многих языков: венгерского, румынского, французского, итальянского (в том числе и детские истории Джанни Родари «Книжка разных почему»). В его переводах изданы более десятка книг, среди них сборник материалов о творчестве Боттичелли (1962), сборники «Французская новелла XX века: 1900–1939» (1973), а также ряд переводов в сборнике «Французская новелла XX века: 1970–1995» (1999), «Михаил Строгов» Жюль Верна (1976), «Улица Каталин» М. Сабо (1978), «Пятая печать» Ф. Шанты (1980) и др. Мартемьянов был членом Союза писателей СССР. И, конечно, он делал переводы научных статей, особенно по следам русско-французского лингвистического семинара в 1994–1996 гг.

В 1979–1980 гг. Ю.С. Мартемьянов учился на курсах японского языка, чтобы иметь возможность опробовать свою порождающую модель языка и на японском. Он не преподавал на ОСиПЛе МГУ, но работал в лаборатории машинного перевода в МГПИИЯ им. М. Тореза, где работали и выпускники ОСиПЛа; там же и преподавал. В 1993 г. Юрий Семенович перешел на ФТиПЛ РГГУ, заведовал кафедрой европейских языков, читал курсы, в том числе по лингвистическим проблемам перевода.

Были на заседании и доклады, представляющие собственно лингвистические исследования в русле традиций ОСиПЛа: это доклады Г.Е. Крейдлина, Е.Г. Соколовой, Т.В. Скулачевой.

Г.Е. Крейдлин в докладе «Об одном новом типе словаря: структура и методология» рассказал о проекте словаря, в котором могли бы быть совмещены не только толкования лексем поля соматических объектов, но и семиотическая информация о жестах, с ними связанных. В качестве иллюстрации возможностей такого описания Крейдлин рассмотрел проект статьи «Зуб», основанный на признаковом подходе и предполагающий включение разнообразной прагматической информации, касающейся предмета описания.

Доклад Е.Г. Соколовой с интригующим названием «Облако в штанах и глагольная многозначность» был посвящен грамматической семантике. Основная цель исследования – моделирование семантического единства слова, которая в глаголах определяется видовой парой. Образ «облака в штанах» появляется как графическое представление аморфной многозначности глагола и двух его видовых ипостасей. Е.Г. Соколова, также выпускница ОСиПЛа, много лет преподавала на кафедре ТиПЛ РГГУ, на отделении искусственного интеллекта, подготовила ряд дипломных работ. Статья по докладу опубликована в Вестнике РГГУ [Соколова 2019].

Заключительным был доклад Т.В. Скулачевой (соавтор А.Э. Костюк) «Зачем нужен стих: лингвистические различия стиха и прозы». Автор поделилась результатами серии многолетних экспериментов, посвященных исследованию природы восприятия стихотворного текста и его отличия от восприятия прозаического текста. Различие способов обработки информации в стихе и прозе, как считает автор, может быть подтверждено реакциями на намеренные логические ошибки в тексте, которые легче распознаются в прозаическом тексте, чем в поэтическом. Многие результаты подобных исследований на материале разных языков были доложены на Гапаровских чтениях и защищены в магистерских выпускных работах под руководством Т.В. Скулачевой; тема продолжает исследоваться.

* * *

Круглый стол был отмечен радостью встреч и общих воспоминаний. Многие докладчики-осипловцы пришли в РГГУ, но и те, кто выступал онлайн, имели возможность общаться в перерывах и дискуссиях. Это были не только воспоминания о прошлом, но и дань памяти нашим Учителям, и взгляд по прошествии нескольких десятилетий на то теоретическое и методическое наследие, которое оставил нам ОСиПЛ.

Литература

- Алпатов, Аркадьев, Подлесская 2008 – *Алпатов В.М., Аркадьев П.М., Подлесская В.И.* Теоретическая грамматика японского языка: В 2 кн. М.: Наталис, 2008.
- Звегинцев 1973 – *Звегинцев В.А.* Язык и лингвистическая теория. М.: Изд-во МГУ, 1973. 248 с.
- Звегинцев 1976 – *Звегинцев В.А.* Предложение и его отношение к языку и речи. М., Изд-во МГУ, 1976. 307 с.
- Звегинцев 1996 – *Звегинцев В.А.* Мысли о языке. М.: Изд-во МГУ, 1996. 333 с.
- Звегинцев 2015 – *Звегинцев В.А.* О волшебстве поэтического слова // Хвала и хула в языке и коммуникации. М.: РГГУ, 2015. С. 404–421.

- Лепская 2013 – *Лепская Н.И.* Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации / Сост. Т.В. Базжина. М.: РГГУ, 2013. 320 с.
- Лепская 2017 – *Лепская Н.И.* Язык ребенка: Онтогенез речевой коммуникации / Сост. Т.В. Базжина. 2-е изд. М.: РГГУ, 2017. 311 с.
- Мартемьянов, Шрейдер 2013 – *Мартемьянов Ю.С., Шрейдер Ю.А.* Ритуалы и самоценное поведение // Ритуал в языке и коммуникации. М.: Знак; РГГУ, 2013. С. 445–474.
- Соколова 2019 – *Соколова Е.Г.* Эшелонирование значений категории вида и их взаимодействие с лексическими значениями (на примере глагола *угодить–угодждать*) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 7. С. 101–159.

References

- Alpatov, V.M., Arkad'yev and P.M., Podlesskaya, V.I. (2008), *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese], vols. 1–2, Natalis, Moscow, Russia.
- Lepskaya, N.I. (2013), *Yazyk rebenka. Ontogenez rechevoy kommunikatsii* [Child's language. Ontogenesis of speech communication], RGGU, Moscow. Russia.
- Lepskaya, N.I. (2017), *Yazyk rebenka. Ontogenez rechevoy kommunikatsii* [Child language. Ontogenesis of speech communication], RGGU, Moscow. Russia.
- Martem'yanov, Yu.S. and Shreyder, Yu.A. (2013), "Ritual and the Behaviour that is valuable as it is" in *Ritual v yazyke i kommunikatsii* [Ritual in language and communication], Знак, RGGU, Moscow, Russia, pp. 445–474.
- Sokolova, E.G. (2019), "Two echelons in the semantics of the Russian verbal aspect and their interaction with lexical meanings (illustrated by the verb *ugodit' – ugozhdat'*)", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 7, pp. 101–159.
- Zvegintsev, V.A. (1973), *Yazyk i lingvisticheskaya teoriya* [Language and linguistic theory], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Zvegintsev, V.A. (1976), *Predlozheniye i ego otnosheniye k yazyku i rechi* [Sentence and its relation to language and speech], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Zvegintsev, V.A. (1996), *Mysli o yazyke* [Thoughts on language], Izdatel'stvo MGU, Moscow, Russia.
- Zvegintsev, V.A. (2015), "On the magic of poetic word" in *Khvala i khula v yazyke i kommunikatsii* [Praise and abuse in language and communication], RGGU, Moscow, Russia, pp. 404–421.

Информация об авторе

Людмила Л. Федорова, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; lfvoux@yandex.ru

Information about the author

Liudmila L. Fedorova, Cand. of Sci. (Philology), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; lfvoux@yandex.ru

О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ

Владимир М. Алпатов

Институт языкознания РАН, Москва, Россия, v-alpatov@ivran.ru

Аннотация. В Москве лингвистическое образование ведется в МГУ (с 1960), в РГГУ (с 1991) и в ВШЭ (с 2000-х гг.); в 1960-е гг. оно велось и в МГПИИЯ. Везде шла и идет подготовка специалистов по тому, что теперь называется компьютерной лингвистикой, но везде в той или иной степени выпускаются и лингвисты – научные работники и переводчики и преподаватели языков. В каждом из вузов сложились свои традиции, приоритеты бывают различными, но везде достаточно многие выпускники внесли вклад и в научную, и в научно-практическую и образовательную деятельность.

Ключевые слова: лингвистическое образование, МГУ, РГГУ, традиции ОСиПЛа в ИЛ РГГУ

Для цитирования: Алпатов В.М. О преподавании лингвистики в МГУ и РГГУ // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 210–220. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-210-220

On the linguistic education at MSU and RSUH

Vladimir M. Alpatov

*Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, v-alpatov@ivran.ru*

Abstract. In Moscow, linguistic education has been conducted at Moscow State University (since 1960), at the Russian State University for the Humanities (since 1991) and at the Higher School of Economics (since the 2000s); in the 1960s it was also conducted at the Moscow State Linguistic University. All of these universities have been training specialists in what is now called computational linguistics, but they also graduate linguists – scientists, translators and language teachers. Each of the universities has developed its own traditions, and though their priorities are different, quite a few of their graduates have made a contribution to scientific, practical and educational activities.

Keywords: linguistic education, MSU, RSUH, the traditions of the Department of Theoretical and Applied Linguistics at RSUH

For citation: Alpatov, V.M. (2021), “On the linguistic education at MSU and RSUH”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 210-220, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-210-220

В Москве лингвистическое образование, отличное от традиционного филологического, а во многом противопоставленное ему, велось в разное время в четырех вузах: МГУ (филологический факультет, с 1960 г. по настоящее время), МГПИИЯ им. М. Тореза (ныне МГЛУ, в 1960–1970-х гг.), в РГГУ (институт лингвистики, с 1991 г. по настоящее время) и в ВШЭ (с 2000-х гг.).

Я не буду говорить о ВШЭ и лишь кратко упомяну про МГПИИЯ: в этих вузах я не учился и не работал. Я учился на отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ в 1963–1968 гг., затем преподавал там же (эпизодически с 1973, постоянно с 1993) и в РГГУ (1994–2018). Здесь я могу обобщить свои впечатления и сравнить постановку дела в данных вузах.

Отделения в МГУ и МГПИИЯ были созданы на волне охватившей тогда наше (и не только наше) общество всеобщей автоматизации и формализации разных сфер жизни, включая науку (теперь это называют компьютеризацией, но тогда такого слова еще не было). В лингвистике это в СССР тогда происходило в форме структурализма, требовавшего создания точных методов исследования и отстаивавшего независимость своей науки от всех других, исключая математику. В США и некоторых других странах к тому времени структурализм начал вытесняться генеративизмом, но у нас тогда еще господствовал структурный подход, что отразилось и в названии отделения МГУ (первоначально оно называлось отделением теоретической и прикладной лингвистики, но в 1963 г. уже стояло слово *структурный*). Идеи Н. Хомского в СССР уже были известны, а «Синтаксические структуры» даже изданы по-русски, но и в 1965 г. А.И. Кузнецова рассказывала о них в рамках курса структурных методов.

Тогда были поставлены две задачи: подготовить специалистов по техническим проблемам, требующим анализа языка (автоматический поиск информации и очень волновавший тогда умы машинный перевод), и развивать новые теории и методы в лингвистической науке, связанные с формализацией и математизацией. Было очевидно, что, с одной стороны, машинные задачи нуждались в участии лингвистов, с другой стороны, эти лингвисты должны иметь нетрадиционную подготовку. Два организованных в то время отделения пошли разными путями. В МГПИИЯ в центре внимания были прикладные проблемы, в МГУ все было теоретично.

Подготовка специалистов в МГПИИЯ, вероятно, была более эффективной, так как была лучше продумана с точки зрения решения практических задач. Там студентов активно включали в развернувшуюся в этом институте прикладную деятельность. Работали

и умелые прикладники, и тогдашние лидеры «передовой лингвистики» вплоть до «самого» И.А. Мельчука, который не допускался на филологический факультет МГУ (хотя в Институте восточных языков при университете он иногда выступал). В МГУ подключение студентов к практической деятельности не было столь существенным. Вот пример, может быть, не совсем показательный. Заведующий кафедрой в МГУ В.А. Звегинцев считал необходимым освоить достижения Японии как передовой страны в области прикладной лингвистики. Поэтому в 1963 г. была организована японская группа, куда попал и я (первая на отделении группа с восточным языком; потом они периодически возобновлялись). Но реальность не совпала с замыслами: никто оттуда не пошел в прикладные области. А автоматическим переводом с японского языка в Институте востоковедения АН СССР / РАН в 1977–2020 гг. весьма успешно занималась З.М. Шаляпина, выпускница МГПИИЯ (при том, что она выучила японский язык на курсах уже после окончания вуза). К сожалению, отделение в МГПИИЯ было довольно скоро закрыто.

А в «главном» столичном вузе в первые годы существования отделения ведущую роль играли математики: В.А. Успенский, главный создатель программ, и Ю.А. Шиханович, читавший большинство математических курсов. Программа, составлявшаяся без оглядки на западные образцы, которые до нас и не доходили, была разносторонней: помимо математики были лингвистические курсы и курсы, связанные с разного рода машинной наукой. Не было курсов по литературе, занимавших ведущее место на других отделениях филологического факультета, зато было много очень сложных математических курсов, занимавших большую часть учебного времени. Кроме того, сохранялась традиционно сильная сторона филфака: большой объем преподавания иностранных языков. В результате выпускники отделения имели разнообразные профессиональные возможности: от программирования до преподавания языков. Наша группа вместо прикладников дала видных преподавателей японского языка.

Как читать математику, было хорошо понятно, поскольку здесь компетенция Успенского была несомненной. Логика преподавалась в объеме, превосходившем объем курсов мехмата, не ориентированных на соответствующую специализацию. Успенский пишет: на отделении «преподавание математики..., уступая, разумеется, механико-математическому факультету в объеме, не уступало, а иногда и превосходило обязательные курсы мехмата по логической глубине» [Успенский 2002, т. 2, с. 1018]. Обратной стороной этой глубины был расход сил и времени. Многим не удавалось сдать ма-

тематику вообще, и был гигантский отсев. В нашей группе из первоначальных 16 человек в итоге окончили университет семь.

Насколько это было оправдано? Целей было три. Самая очевидная цель: математика – рабочий инструмент для решения прикладных задач; пусть ими потом будут заниматься не все выпускники, но будущая специализация обычно выявляется не сразу. Другая цель: использование математики в теоретических дисциплинах. Однако имелось в виду и еще одно. Уже в 1990 г. Успенский напишет: «Главная цель обучения лингвистов математике – психологическая. Эта цель состоит не столько в обучении методу, сколько в изменении психологии обучающегося (кто знает, может быть, это и плохо), в привитии ему строгой дисциплины мышления... Роль математики в подготовке лингвистов можно сравнить с ролью строевой подготовки в обучении воина» [Успенский 2002, т. 2, с. 1016–1017]. Реально при малой роли прикладных курсов в обучении на ОСиПЛ именно строевой математической подготовкой занимались в первую очередь.

Реакция студентов была различной. Одни (я, например) воспринимали это как должное, не зная ничего другого. И строевые навыки как-то оставались даже у тех, кто потом не занимался алгоритмами. Опять скажу о себе. Много лет спустя, в 1995 г. мне уже в качестве замдиректора Института востоковедения пришлось участвовать в обсуждении спорной докторской диссертации не по лингвистике, диссертант пришел вместе с женой, по профессии психиатром. После положительного вердикта она начала давать психологические характеристики присутствующим, которых не знала, обо мне сказала: «У Вас не вполне гуманитарное образование». Я в душе обрадовался. Меня, например, раздражало неумение многих (в том числе в Институте востоковедения) отвечать одним словом на вопросы, которые требуют ответа «Да» или «Нет»; они вместо этого начинали отвечать длинными фразами, повторять одно и то же и сбиваться.

Однако всегда бывали строго мыслящие ученые и среди тех, кто учился во вполне гуманитарных вузах. Для меня эталоном среди лингвистов всегда был недавно скончавшийся на 92-м году жизни ленинградский китаист и теоретик Сергей Евгеньевич Яхонтов. Помню, как после доклада на конференции молодого перспективного лингвиста (выпускника ОСиПЛа) он попросил его на каждый задаваемый вопрос отвечать «Да» или «Нет». Каждый его вопрос с железной логикой вытекал из ответа его собеседника на предыдущий; наконец, на пятый или шестой вопрос Яхонтова весь красный докладчик был вынужден сказать: «Да», что означало признание точки зрения, опровергнутой в докладе. Но если можно этому

научиться и без строевой подготовки, то нужно ли было ради нее доводить студенток до крапивницы и спазма сердечных сосудов?

И, может быть, главное: большие курсы математики сами по себе были бы и хороши, но математическим дисциплинам не было противовеса (а если был, то скорее гуманитарный, как в японской группе). С преподаванием лингвистических и особенно прикладных дисциплин было немало затруднений. Еще не было ясно, что читать по «структурной и прикладной лингвистике». Здесь приходилось использовать метод проб и ошибок. Шли опыты на людях, объективно нередко жестокие, хотя на отделении действовали из самых лучших побуждений. Для многих необходимых курсов было неясно, кому их читать. Очень долго не было налажено преподавание прикладных курсов (вычислительные машины, обработка речи, программирование и др.), преподаватели были случайными, чаще из работавших в кафедральной лаборатории инженеров, не имевших педагогического опыта. И за исключением фонетических предметов, налаженных впоследствии после прихода на кафедру Л.В. Златоустовой, эта часть всегда оставалась на отделении слабым звеном. И в математике при ведущей роли логических курсов меньше внимания уделялось подготовке по статистическим методам. Видимо, сказывалось, что тогда у нас статистика казалась многим менее значимой для математической лингвистики. Любопытно, что в те годы противники структурализма (В.И. Абаев) не возражали против статистических методов, но не принимали логические модели.

Лингвистические курсы или курсы по смежным дисциплинам (психология) читали либо расположенные к отделению профессора факультета (П.С. Кузнецов и Т.П. Ломтев), либо ученые, с которыми мог договориться В.А. Звегинцев, такие как С.К. Шаумян и Н.И. Жинкин. Из них Ломтев, как ни старался, но не вписывался в общий дух отделения, а Шаумян в нескольких курсах читал одну и ту же свою очень абстрактную «аппликативную модель». Еще знакомила студентов с современной западной наукой А.И. Кузнецова. Наконец, уже на старших курсах преподавал сам Звегинцев. Из его курсов отмечу «Историю языкознания»; этот курс через тридцать лет перешел ко мне, и я всегда в большой степени учитывал то, что было у Владимира Андреевича. Однако многого в области лингвистики, как я сейчас понимаю, не хватало, начиная от сравнительно-исторического языкознания (была лишь история русского языка) и кончая полевыми методами.

В 1967 г. начался конфликт двух Владимиров Андреевичей: Звегинцева и Успенского. В результате мехмат МГУ расторг договор с филфаком, и Успенский перестал здесь преподавать. Все

обстоятельства он подробно излагает в мемуарах, но хотелось бы выслушать и другую сторону, а Звегинцев воспоминаний не оставил.

Суть конфликта была в том, что Звегинцев счел нужным сократить количество часов на математику и расширить лингвистические курсы. Успенский пишет, что он был за расширение лингвистических курсов, но только не за счет математики (но тогда за счет чего?). Как часто бывает, своя правда была у обеих сторон, но судить надо прежде всего по результатам. Среди событий на отделении на одну чашу весов можно положить расторжение договора и увольнение Шихановича год спустя. А на другой чаше? *Первое.* Начал вести основные курсы А.А. Зализняк, читавший до того лишь факультативы. *Второе.* Начал их читать и будущий заведующий кафедрой А.Е. Кибрик (до того он читал лишь латынь, затем спецкурс по хоздоговорной теме). *Третье.* Начали преподавать первые выпускники отделения, из которых педагогическими талантами стала сразу выделяться А.К. Поливанова. *Четвертое.* С 1967 г. регулярно начали проводиться лингвистические экспедиции. И первые после всех изменений выпуски 1971 и 1972 гг. сразу дали большое число известных лингвистов, в большинстве успешно работающих до сих пор.

Об экспедициях надо сказать особо. Традиционно среди исследователей конкретных языков преобладал книжный способ получения информации. Главным источником была расписка текстов на карточки. А на ОСиПЛе с конца 1960-х гг. благодаря деятельности Александра Евгеньевича Кибрика и Ариадны Ивановны Кузнецовой началась продолжающаяся до настоящего времени профессиональная подготовка студентов-лингвистов через участие в экспедициях по изучению языков народов СССР, большинство из которых традиционно считались восточными. Экспедиции, по сей день продолжающиеся, стали замечательной школой для многих наших языковедов. Они давали возможность студентам сразу вести самостоятельную полевую работу и в то же время сплачивали научный коллектив и формировали студенческое братство.

Не буду пересказывать всю историю ОСиПЛа, где внутренние проблемы были с того времени в основном решены, но внешние обстоятельства не раз оказывали возмущающее действие. Достаточно вспомнить ликвидацию кафедры в 1982–1988 гг. и отстранение В.А. Звегинцева от руководства. Все же нельзя забывать, что подготовка кадров на отделении никогда не прекращалась и в эти тяжелые годы, и даже тогда отделение смогло подготовить немало известных специалистов. Потом времена изменились, и постепенно под руководством А.Е. Кибрика, возглавлявшего кафедру

в 1992–2012 гг., удалось достичь многого; традиции продолжает нынешний состав кафедры.

Остановлюсь лишь еще на одном периоде истории кафедры и отделения – конце 1980 – начале 1990-х гг., когда параллельно появилось новое лингвистическое учебное заведение – Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ).

Если создание ОСиПЛа имело прежде всего научные и практические причины, то появление РГГУ со всеми его подразделениями отразило перемены в стране в конце 1980-х – начале 1990-х гг., в том числе окончание «холодной войны» и декоммунизацию. В 1920-е гг. многим казалось, что «закон, данный Адамом и Евой», надо отвергнуть и вместо него создавать все по-новому, включая и науку (в языкознании это отразилось прежде всего у Н.Я. Марра). Теперь столь же решительно отвергали, но не всё вообще, а только историю страны после 25 октября 1917 г. Впрочем, в области науки и культуры традиции советского времени, к которым привыкли и которые давали безусловные результаты, во многом сохранялись. Это относилось и к традициям ОСиПЛа, которые на отделении большей частью сохранились.

В РГГУ в большей степени первоначально присутствовала идея создавать новый университет на основе мировых стандартов, которые, впрочем, не слишком хорошо знали. Знали прежде всего одно: в передовых странах нет научно-исследовательских институтов, а наука сосредоточена в университетах. Новый вуз был привлекателен. Переходили многие, иногда целыми коллективами. Например, С.А. Старостин в январе 1992 г. блестяще защитил докторскую диссертацию и почти сразу после этого вместе со всей образовавшейся к тому времени вокруг него в Институте востоковедения группой сравнительно-исторического языкознания перешел в РГГУ. Впрочем, больше всего теряли сотрудники академические институты (может быть, кому-то, кроме всего прочего, нравилась и возможность преподавать), а ОСиПЛ изменил состав меньше. В организации нового университета бывали административные сложности, особенно поначалу. Но, по крайней мере, со стороны казалось, что главная проблема – не внешние препятствия, которые в итоге оказались не столь значительными: время тогда работало на создателей нового вуза. Программы в той обстановке можно было составить совсем самостоятельно, а способные лингвисты, в основном из младшего и среднего поколения, охотно шли сами.

В 1991 г. РГГУ получил целый квартал на Миусской площади после закрытия Высшей партийной школы (ВПШ). Я, возможно, из всех, кто после этого получил доступ на эту территорию, был старейшим по стажу: в раннем детстве, когда мои родители пре-

подавали исторические курсы в ВПШ, они иногда брали меня с собой, и я запомнил четыре одинаковых корпуса мрачного вида; в один из них теперь вселился Институт лингвистики. Было это не позже 1948 г., когда мне было три года (как раз в этом году родители перешли на другую работу). Но потом больше сорока лет я не попадал туда, а теперь здания РГГУ надо было обживать.

В создании нового центра подготовки специалистов гигантскую роль сыграл Александр Николаевич Барулин, которого мы недавно потеряли. Без него лингвистика в РГГУ могла бы и не состояться. Он много сделал хорошего для организации дела, пусть с какими-то его идеями хотелось спорить, как с фразой из его выступления того времени по радио: «Мы готовим элиту». По крайней мере, студенты не должны так думать, иначе начнут задира́ть нос. Туда звали «передовых» ученых, первоначально там и платили лучше, чем в Академии. Приезжавший в Москву из эмиграции в 1994 г. А.К. Жолковский говорил, что все-таки странно, когда чуть ли не все лингвисты сосредотачиваются в одном месте. Но тогда РГГУ в лингвистике (как и в ряде других наук) воспринимался как некий знак качества. Впрочем, звали не всех. Мне, например, не предлагали там постоянно работать, но как-то получалось, что я с осени 1991 г. постоянно бывал в этом квартале. Больше всего, почти каждую неделю, приезжал на задачу́ю комиссию возобновившихся перед этим лингвистических олимпиад для школьников, часто проходили и конференции по разной тематике. А в начале 1994 г. меня пригласили читать курс истории языкознания, который я за год до этого начал вести и на ОСиПЛе.

А ОСиПЛ в это время еще находился в кризисе, но ситуация там уже начала улучшаться. Еще в 1988 г. была восстановлена кафедра, но особенно очевидным возрождение стало, когда в 1992 г. ее возглавил А.Е. Кибрик, безусловно, лучший кандидат на эту роль. Все же время многое скорректировало. Идея Института лингвистики РГГУ как альтернативы ОСиПЛу если и приходила кому-то в голову, то реализована не была. Вскоре стало ясно, что два центра лингвистического (а не филологического) образования должны не бороться, а сосуществовать.

Разумеется, когда я почти в одно время стал читать аналогичные курсы в двух вузах, я должен был думать об их сходствах и различиях. Однако не скажу, что это много меня занимало. Часов в РГГУ было немного меньше, но ни о каких принципиальных различиях речи быть не могло. И скоро стало очевидно, что хотя в программах ОСиПЛа (затем снова ОТиПЛа) и Института лингвистики были некоторые отличия, но если читался один и тот же предмет, то примерно одинаково и лишь с индивидуальными особенностями.

Постепенно идея «элитного» университета западного типа стала уходить в песок, а среди преподавателей-лингвистов преобладали выпускники ОСиПЛа, в результате Институт лингвистики стал развиваться по его образцу и подобию; сказалось и то, что Барулина через несколько лет несправедливо «ушли». Стал преодолеваться и совершенно ненужный антагонизм между вузами и Академией наук. Часть перешедших в РГГУ лингвистов, не оставляя этот университет, стали работать и в академическом Институте языкознания, а для некоторых, как для А.В. Дыбо, он стал основным местом работы. Работал там в последние годы жизни и С.А. Старостин.

Но все же, чем подготовка специалистов в РГГУ стала наиболее существенно отличаться от ОСиПЛа? Тут я, вероятно, не все хорошо знаю. Не говорю о специфике, связанной с привходящими обстоятельствами, вроде несинхронного перехода на бакалавров и магистров. Но, конечно, учитывался и опыт ОСиПЛа, как положительный (многое на самом деле копировалось), так и отрицательный. Например, с самого начала (тут, конечно, было значимым и присутствие Старостина и его людей) большое место заняла компаративистика. Когда я учился в МГУ, у нас не было курсов такого рода, и если бы тогда не преподавал П.С. Кузнецов, которого очень уважал Звегинцев, то мы бы выходили из университета без каких-либо знаний в этой области (кстати, в программе была латынь, но не было старославянского). Причин я достоверно не знаю, но, возможно, играла роль нелюбовь Звегинцева к историко-компаративному уклону на остальном филфаке. И тем не менее ведущие в Москве компаративисты соответствующего поколения вышли именно из ОСиПЛа. Семинар А.Б. Долгопольского и В.А. Дыбо дал им профессиональную подготовку, а база создавалась на отделении в МГУ. Позже к ним подключились и выпускники РГГУ, но пока их в целом заметно меньше.

Другое заметное отличие с самого начала было связано с восточными языками. На ОСиПЛе за многие годы бывали лишь японские группы, с 80-х годов также китайские, потом всего этого не стало. В РГГУ не ставилась специальная задача готовить специалистов по японскому или китайскому машинному переводу (хотя у З.М. Шаляпиной стали работать как раз японисты отсюда). Но Барулин и привлеченный им Г.А. Ткаченко (затем после его смерти М.Б. Рукодельникова) старались по целому ряду восточных языков получить специалистов, которые одновременно знали бы эти языки и владели методами современной лингвистики. Замечу, что все трое некоторое время работали в академическом Институте востоковедения и хорошо представляли, что требовалось для развития восточного языкознания. Одновременно стояла и тради-

ционно не считавшаяся главной на ОСиПЛе проблема знакомства студентов с культурой и реалиями соответствующих стран. Уже в 90-е годы А.Е. Кибрик, приняв там заведование кафедрой, устроил беседу с преподавателями иностранных языков на отделении. И преподавательница испанского языка сказала: у Вас очень интересные студенты, они находят в нашем языке то, что мне и в голову не приходило, но вот беда: не знают, кто такой Гарсия Маркес. А для востоковедов подобные знания еще важнее.

Иначе были поставлены и преподавание математики и прикладных предметов. Снова был привлечен Ю.А. Шиханович, но того значения, как на ОСиПЛе в первые годы, его курсы уже не имели. В РГГУ, несмотря на большое уважение к нему, появилась точка зрения, с которой я глубоко не согласен: большой объем математики был важен лишь в период борьбы с «тоталитаризмом», а теперь необходимости в этом нет. О необходимости «строевой подготовки» можно спорить, но профессиональная подготовка в компьютерной лингвистике, безусловно, нужна. А тут некоторые проблемы остаются десятилетиями. Даже в наше время на кафедре в МГУ слышны жалобы о том, что его выпускники не умеют программировать и применять статистические методы; не знаю, так ли в РГГУ. Но здесь разделили подготовку лингвистов и прикладников. И курсы у них во многом другие, чего никогда не было в МГУ. Я за много лет почти не имел дела со студентами-прикладниками, поскольку у них нет в программе истории языкознания. Разделение, возможно, оправдано интересами дела, но здесь есть опасность деления на «элиту» и «чернь». Однако в лаборатории, созданной З.М. Шаляпиной, прикладники из РГГУ работают успешно.

Годы идут, и многое меняется и в науке, и в интересах людей, включая студентов. Что-то ушло, в том числе увлечение лингвистов математикой и надежды на то, что качества лингвистической модели будут проверяться ее реализацией на компьютере. С другой стороны, стало ясно, что структурный и генеративный подходы к языку объясняют далеко не все и помимо фонетики и грамматики есть еще и культурный аспект языка. В почете семантика и когнитивистика с менее строгими закономерностями, чем в фонологии, что не означает отказа от формальных методов. Ранее единая лингвистика стала распадаться на формальную и функциональную, что теперь отразилось в структуре билетов на госэкзаменах в РГГУ.

Бывают трудности и взаимное непонимание, но это все нормально. Хуже другое, когда для некоторых СМИ олицетворением выпускников и аспирантов Института лингвистики стал Максим Галкин, который, говорят, в одном интервью утверждал, что учился в МГУ: теперь это вновь престижнее. Наблюдается, особенно в

РГГУ, и снижение уровня студентов. Но все-таки подготовка лингвистов в СССР, а затем в России, имеет уже более чем шестидесятилетнюю историю, и достаточно многие выпускники нескольких вузов внесли вклад и в научную, и в научно-практическую и образовательную деятельность. Теперь в Москве уже три учебных лингвистических центра: появился третий в Высшей школе экономики. И чем больше хороших и разных центров, тем лучше.

Литература

Успенский 2002 – *Успенский В.А.* Труды по нематематике. С приложением семиотических посланий А.Н. Колмогорова к автору и его друзьям: В 2 т. М.: ОГИ, 2002. Т. 1. 584 с.; Т. 2. 824 с.

References

Uspenskiy, V.A. (2002), *Trudy po nematematike. S prilozheniem semioticheskikh poslanij A.N. Kolmogorova k avtoru i ego družiam* [Works on non-mathematics. With the appendix of the semiotic epistles of A.N. Kolmogorov to the author and his friends], vol. 1, 2, OGI, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Владимир М. Алпатов, доктор филологических наук, академик РАН, Институт языкознания РАН, Москва, Россия; 125009, Москва, Большой Кисловский пер., д. 1, стр. 1; v-alpatov@ivran.ru

Information about the author

Vladimir M. Alpatov, Dr. of Sci. (Phylology), Full member of the Russian Academy of Sciences, Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bldg. 1, bld. 1, Bolshoy Kislovsky Lane, Moscow, Russia, 125009; v-alpatov@ivran.ru

Обучение профессиональной коммуникации на ОСиПЛе в контексте проблем современного образования

Светлана М. Евграфова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, evgraffs@yandex.ru*

Аннотация. В статье мемуарный текст соединяется с размышлениями о возможностях правильно организованной профессиональной коммуникации повлиять на эффективность обучения и адаптивность выпускников. Речь идет о спецсеминарах и их роли в обучении профессионального лингвиста на Отделении структурной и прикладной лингвистики МГУ в 1976–1982 гг. Эта модель, по убеждению автора, была лучшей версией проектной деятельности и может быть воссоздана в современной системе высшего образования, хотя сама система сильно изменилась.

Ключевые слова: организация обучения, эффективность обучения, Отделение структурной и прикладной лингвистики, педагогическая коммуникация, профессиональная коммуникация, спецсеминар

Для цитирования: Евграфова С.М. Обучение профессиональной коммуникации на ОСиПЛе в контексте проблем современного образования // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 221–231. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-221-231

The professional communication training at the Department of Structural and Applied Linguistics in the context of modern education

Svetlana M. Evgrafova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, evgraffs@yandex.ru

Abstract. This publication combines memoirs with reflections on the possibilities of properly organized professional communication to influence the effectiveness of training and the adaptability of graduate students of linguistics. Particular emphasis is made on special seminars and their role in the process of professional training of linguists at the Department of Structural and Applied Linguistics (MSU – Lomonosov University, 1976–1982). It is argued that this

model has been the best version of project activities and that it is possible to recreate it in the modern line of higher education although the system has become quite different.

Keywords: organization of the education, effectiveness of training, Department of Structural and Applied Linguistics, pedagogical communication, professional communication, special seminar

For citation: Evgrafova, S.M. (2021), "The professional communication training at the Department of Structural and Applied Linguistics in the context of modern education", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 2, pp. 221-231, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-221-231

Сторонники модернизации образования твердят, что человека надо учить учиться, но как этому научить – не говорят. Зато об этом хорошо знают выпускники ОСиПЛА, которых успешно учили учиться, причем в ходе приобретения глубоких профессиональных знаний. Как показала жизнь, при правильно организованном высшем образовании переучивание выпускнику не нужно, а адаптация к новой реальности и приобретение новых знаний для него естественны.

Эффективность осипловского лингвистического образования бесспорна; об этом говорят следующие объективные данные и субъективные оценки:

- профессиональная состоятельность тех выпускников, которые остаются в лингвистике, занимаясь наукой и преподаванием (неполный, но яркий перечень приведен в очерках истории ОСиПЛ, написанных А.Е. Кибриком и И.М. Кобозевой¹);
- высокая публикационная активность выпускников, многие из которых стали авторами серьезных научных работ, а некоторые к тому же – авторами известных учебников (среди них [Кобозева 2021], [Плунгян 2016], [Тестелец 2001], [Федорова 2015] и многие другие);
- высокая активность научной коммуникации (выпускники с различными научными интересами постоянно участвуют в конференциях в России и за рубежом);

---

¹ Кобозева И.М. Новейшая история кафедры и отделения теоретической и прикладной лингвистики (ОТиПЛ): 2000–2013 [Электронный ресурс]. URL: <http://tipl.philol.msu.ru/index.php/department/history-1960-2000/history-2000-2013> (дата обращения 01.10.2021).

- высокая адаптивность выпускников (оставаясь лингвистами, они занимаются преподаванием русского и иностранных языков, всех разделов лингвистики, востоковедением, африканистикой, психолингвистикой, машинной обработкой текстов, историей языка, диалектологией, библеистикой и проч.);
- блестящая способность к адаптации при смене специальности (некоторые выпускники по различным причинам меняют вид деятельности и становятся отличными программистами, редакторами, школьными учителями, юристами и др.);
- стремление воспроизвести образовательную модель, испытанную на себе (это общая черта тех выпускников, которые занимаются преподаванием).

Важнейшие принципы осипловского обучения, которые существенно влияли на его эффективность, были, на мой взгляд, таковы.

1. Учиться должно быть трудно, но интересно.

2. Преподаватель должен ставить проблемы и рекомендовать научную литературу, в которой предлагаются различные способы решения этих проблем, но не должен навязывать собственные оценки чужих теорий. Студент должен уметь самостоятельно находить подтверждающие / опровергающие примеры для любого теоретического утверждения и оценивать убедительность теории.

3. Общение с преподавателями должно вдохновлять, а не подавлять (педагогическая коммуникация является вынужденной [Евграфова 2017, с. 204]², и потому даже незначительный психологический дискомфорт в коммуникации снижает ее эффективность).

Трудность учения обеспечивали два фактора – пять лет изучения серьезной математики и постоянное чтение и обсуждение неадаптированной научной литературы вместо учебников. Внимание к фактам обеспечивала практика, особенно полевая, и специфика постановки исследовательских задач при написании курсовых и дипломных работ (иллюстративный языковой материал добывали сами – из древних или из художественных текстов, из собственных записей устной речи). А педагогическая коммуникация заслуживает особого обсуждения; с ней и связана мемуарная часть статьи.

---

² См. также: *Евграфова С.М.* Проблема недиагностируемых коммуникативных неудач в учебно-научном дискурсе [Электронный ресурс]. URL: <http://uni-persona.srcc.msu.ru/site/conf/marginalii-2015/thesis.htm> (2015) (дата обращения 01.10.2021).

* * *

Немного о себе. Я окончила школу в 1976 г., поступала на романо-германское отделение филологического факультета МГУ, недобрала баллов, но в сентябре меня взяли на работу в лабораторию машинной обработки текста В.М. Андриященко, тесно связанную с лабораторией А.Е. Кибрика, и в какой-то момент, по счастливой прихоти судьбы, Александр Евгеньевич мобилизовал меня помогать в оформлении отчетов по хоздоговорам. Тогда и началась моя оцифровочная жизнь. Я вдруг оказалась среди лингвистов: печатала, рисовала схемы, обмирая от страха, возила в НИИ документы на подпись – и слушала умные разговоры. Работала, наверное, хорошо, потому что после Нового года меня не уволили, а оставили в лаборатории – помогать замечательной Ирине Петровне Оловянниковой в подготовке к изданию рукописи трехтомного «Опыта структурного описания арчинского языка» [Кибрик и др. 1977].

В лаборатории, кроме А.Е. Кибрика, С.В. Кодзасова и И.П. Оловянниковой, тогда работали (по крайней мере – регулярно присутствовали) Миша Алексеев, Володя Беликов, Оля Богуславская, математик Валера Варданян, Леша Головастик, Наташа Кашицина, Лена Муравенко, Ира Муравьева, Сережа Николаев, Лена Саввина, Наташа Селезнева, Лена Устинова. Молодые, ужасно умные, увлеченные, любители поспорить! Они вели спецсеминары и руководили курсовыми и дипломами, студенты их уважали и любили.

Главным преимуществом работы в университете стала для меня возможность ходить на занятия. Древнерусский в исполнении Андрея Анатольевича Зализняка³ я впервые прослушала именно в том году. Ходила на спецсеминар по полинезийским языкам к Владимиру Ивановичу Беликову и даже рискнула выступить с докладом по языку самоа (получила четверку за незнание чего-то из учебника Реформатского). Слушала введение в языковедение и санскрит у О.С. Широкова, введение в славянскую филологию у Н.И. Толстого и древнегреческий у В.В. Борисенко. ОСиПЛ оказался вне конкуренции. А еще была традиционная олимпиада по лингвистике и математике, и вся лаборатория бурно переживала за гениального мальчика с Алтая, который появился на втором туре и всех победил (это был Олег Мудрак). В общем, в 1977 г. я поступала уже на ОСиПЛ.

---

³ В журнале «Русский язык» (№ 1–2, 2018) были опубликованы воспоминания об А.А. Зализняке (<https://rus.1sept.ru/index.php?year=2018&num=01>), написанные Е.В. Муравенко и мной. Мою часть можно прочесть также здесь: https://vk.com/@il_rsu-h-svetlana-maratovna-ob-andree-anatoleviche-zaliznyake

Позже, повзрослев и перестав все идеализировать и всем восторгаться, я много размышляла над магической силой ОСиПЛа – и оценила его «системное совершенство». Я до сих пор убеждена, что лучшего места для формирования личности не было, нет и быть не может.

Мне было с чем сравнивать: в аспирантуре я училась, когда наше отделение разогнали – отправили на пенсию Владимира Андреевича Звегинцева, уволили «ненужного» совместителя А.А. Зализняка, а нас «оптимизировали», объединив с кафедрой общего языкознания под руководством Ю.В. Рождественского. Мне повезло – меня взяла под крыло Ариадна Ивановна Кузнецова, рядом оставались любимые преподаватели и сотрудники лабораторий. Но за три года я успела почувствовать, как изменилась сама атмосфера, к которой я привыкла на родном отделении при В.А. Звегинцеве. Изменился стиль общения, и не в лучшую сторону.

На ОСиПЛе не было так называемых «школ», где царствует гуру, а стайки последователей цитируют его труды и развивают несколько его перспективных мыслей. Нас учили Мастера, которые позволяли заглядывать себе через плечо и перенимать секреты ремесла. Они были готовы принять любую инициативу и аргументированно раскритиковать бредовую идею; растерявшемуся могли показать материал, в котором стоит покопаться... Все наши преподаватели занимались научной работой не ради отчетных публикаций, а просто потому что им это было интересно. Нами не руководили – с нами разговаривали как с будущими коллегами.

«Не так уж важно, чем вы будете заниматься: человеку свойственно заинтересовываться. Просто работайте...»;

«Завтра любая теория может оказаться смешной и никому не нужной, а за исчерпывающее и качественное описание материала вам всегда скажут спасибо...».

Это говорил Зализняк – просто между делом. А запомнилось на всю жизнь.

Базовые курсы (четырёхсеместровое «Введение в специальность» с типологическим уклоном и четырёхсеместровый курс русского языка) читали знатоки фонетики, морфологии, синтаксиса и семантики. На других базовых курсах преподаватели с лёгкостью заменяли друг друга, тасуя нагрузку, как удобнее. Скажем, древнерусский и старославянский могли читать и А.А. Зализняк, и А.И. Кузнецова, и Н.И. Лепская, и А.К. Поливанова. Но главное – у каждого преподавателя были спецкурсы и спецсеминары, где они могли продемонстрировать свою личность исследователя.

Эти занятия назначались в послеобеденное время, и ходить к «своему» преподавателю могли студенты всех курсов – всем все зачитывали. Именно на спецсеминарах зрели курсовые и дипломы, шла подготовка к экспедициям, обсуждались доклады и готовились сообщения для заседаний НСО (научного студенческого общества). Спецсеминары были лучшей формой подготовки самостоятельного специалиста, потому что там постоянно шло живое общение Ученого и его учеников – как старшекурсников, так и начинающих приобщаться к ремеслу. Огромную роль играло общение начинающих со студентами-старшекурсниками, которые ходили на те же спецсеминары. Старшие не боялись задавать вопросы и спорить, становились для начинающих образцом для подражания. Старшие получали самые сложные задания, молчали, давая начинающим право первого ответа, чтобы новички попробовали свои силы. Доклады, решенные задачи всегда обсуждали и разбирали. Ошибки объясняли без насмешек, замечания делали в деликатной форме, похвалы были редки и только за интересное решение или иные содержательные достижения, а не за то, что ты что-то прочел и пересказал.

Всегда обсуждались реальные научные проблемы, будь то проблемы научного описания незнакомого языка (например, у В.И. Беликова на курсе «Полинезийские языки»), проблемы индоевропейского родства, ареальных контактов, оптимизации форм представления грамматики (у А.А. Зализняка на литовском, готском, древнеисландском, арабском, венгерском, древнерусском и проч.), проблемы полевого описания языков (у А.Е. Кибрика, Б.Ю. Городецкого и А.И. Кузнецовой на экспедиционных семинарах), проблемы художественного перевода (у А.И. Полторацкого) – всех не перечислить.

Какие-то проблемы всплывали на спецсеминарах как бы между прочим – так, А.А. Зализняк никогда не говорил о своей прекрасной методике изучения и преподавания языков. Он знакомил нас с правилами чтения и переходил к грамматике (для венгерской ему хватило трех пар, для арабской понадобилось шестнадцать). Удобные, компактные таблицы, по которым было легко определить, глядя на словоформу в тексте, форму исходную, словарную. Морфология открывала путь к лексике, а потом нам вручали неадаптированный текст, и мы начинали читать. Выписывали текст, под ним шли морфологические комментарии, еще ниже – подстрочник, под ним – литературный перевод. Синтаксис впитывался из текста, хотя на занятиях Зализняк, конечно, все комментировал: грамматику, лексику, индоевропейские черты в противовес неиндоевропейским, заимствования, культуру, историю... Вскоре запомнились служебные слова и частотная лексика, чтение шло все

быстрее. Страница неогласованного арабского текста на экзамене уже не казалась волшебством, а покорение незнакомого языка извлекло от страха перед неизведанным... Чем не секрет адаптации?

На спецсеминарах активный диалог на профессиональные темы помогал освоить терминологию, а также коммуникативные стратегии профессионального общения. Вдумаемся: чтение научной литературы (а это был нормальный ежедневный труд с первого по пятый курс) дает возможность овладеть профессиональной речью пассивно; обычные семинары, хотя и способствуют активизации профессиональных знаний, допускают при подготовке стандартных заданий элементы заучивания; и только спецсеминары – это свободный поиск, индивидуальная работа над интересным проектом, и диалог там становится толчком к активному овладению научной речью. А за ней всегда стоит самостоятельное видение научной проблемы.

Спецсеминары на ОСиПЛе были прообразом настоящей (а не показушной) проектной деятельности и позволяли студенту выбирать индивидуальную образовательную траекторию. Как кажется, их можно вписать в современные модели учебных планов, если допустить некоторые небольшие, но существенные поправки. Это стоит того: очень важно создать точки соприкосновения личности Ученого и личности юного человека, который учится видеть мир и ищет в нем свое место.

Сейчас по объективным причинам особенности подготовки специалиста на ОСиПЛе воспроизвести трудно. Ниже – обоснование моего пессимистического взгляда на возможность полноценного возрождения осипловского образования.

* * *

Анализ факторов, которые сделали осипловскую модель обучения столь эффективной, показывает, что часть из них не может быть воспроизведена по объективным причинам. Невоспроизводимы в настоящее время:

- качество подготовки выпускников школы;
- требования к поступающим в вузы;
- соотношение между числом преподавателей и студентов, позволяющее выстраивать индивидуальную траекторию подготовки;
- количество аудиторных занятий по профессионально значимым дисциплинам.

К сожалению, погоня вузов за экономической выгодой не позволяет надеяться на то, что в обозримом будущем ситуация в этом отношении изменится. И все же создание правильно организованной среды профессионального общения в процессе обучения пред-

ставляется возможным. Это помогло бы повысить уровень мотивированности студентов, пробудило бы научное честолюбие и создало бы атмосферу соучастия в чем-то увлекательном и важном.

Педагогическую коммуникацию следует рассматривать не просто как общение преподавателей и студентов, но как сложное коммуникативное взаимодействие, совместной целью которого является передача/приобретение знаний и традиций – коммуникативных и образовательных (индивидуальные цели преподавателей и студентов варьируют, среди них нередко стремление к самореализации, желание обрести достойное положение в обществе и проч.).

В педагогической коммуникации участвуют как важнейшие составляющие:

- преподаватели,
- студенты,
- учебники, учебные пособия, дополнительная научная литература (являются хранилищем значимой информации, задают темы обсуждения, предлагают образцы построения научных текстов и языковой материал для рефлексии),
- внешние условия (отношение администрации к преподавателям, студентам, их совместной деятельности, аудиторный фонд, удобство расписания, доступность библиотек, богатство библиотечных фондов и проч.),
- формы организации совместной деятельности (лекции, семинары, спецсеминары, экспедиции, неформальное общение).

Сопоставим по данным признакам педагогическую коммуникацию времен старого ОСиПЛА и нынешнюю, характерную для современного преподавания – по крайней мере, в РГГУ.

Составляющие ПК	Старый ОСиПЛ	РГГУ сегодня
Преподаватели	Высокий социальный статус, стабильное материальное положение, нагрузка позволяет подрабатывать по хозяйственным, иногда – заниматься репетиторством	Средний социальный статус, среднее материальное положение, перегрузки на основной работе затрудняют участие в грантах и иные формы подработки
Студенты	Высокий уровень школьной подготовки, целенаправленное преодоление высокого конкурса (иногда не с первого года), только бюджетное обучение, подработки – редкость, и только вне учебного времени	Уровень школьной подготовки средний и ниже среднего, часто студенты выбирают места и программы обучения наугад, преобладает платное обучение – студенты подрабатывают, часто в учебное время

Составляющие ПК	Старый ОСиПЛ	РГГУ сегодня
Учебники и дополнительная литература	Учебников нет, опора на научную литературу на русском и иностранных языках (работа в библиотеке и изучение материалов лекций и семинаров обязательны); достать книги трудно, копировать дорого	Много учебников, источники доступны, в интернете – избыток информации по изучаемым темам (возникает иллюзия ненужности регулярной работы в библиотеке и иллюзия необязательности вдумчивого отношения к лекциям и семинарам)
Внешние условия	Абитуриент знает, что в учебнике есть идеологически выверенные ответы на вопросы, но все же получает в школе базовые навыки самостоятельной работы с источниками, поэтому способен адаптироваться к обучению; финансирование университета экономное, аудиторный фонд достаточный, аудитории всегда открыты, расписание удобное и регулярное (9–15 основные предметы, 17–19 спецкурсы и спецсеминары, в промежутке обед и лингафон, после спецсеминаров работа в библиотеке), требования к литературе определяет преподаватель; преподаватели со степенью получают достойную зарплату, без степени – скромную, но не нищенскую, и эта зарплата определяется государством и не зависит от прихотей начальства; хорошо успевающий студент получает скромную, но не постыдную стипендию (примерно 25% зарплаты опытного старшего преподавателя, или 15–20% зарплаты доцента, или 10% зарплаты профессора)	Абитуриент приучен искать «правильный» ответ и скачивать нужную информацию в готовом виде, и эта привычка почти непреодолима – распространен плагиат; финансирование университета недостаточное, аудиторный фонд недостаточен, расписание неудобное и хаотичное, не оставляет времени и сил для полноценной самостоятельной работы в библиотеке; требования министерства к учебной литературе не позволяют заставлять студентов активно работать в библиотеке с первоисточниками; преподаватели получают очень скромную зарплату, их не уважают: администрация контролирует их в униженной форме, предоставляет им невыгодные условия контрактов, увеличивает их нагрузку и стремится платить еще меньше; студенты – источник дохода, увольнять их за неуспеваемость нельзя, стипендия бюджетника примерно 8–12% зарплаты ассистента, или 7% зарплаты доцента, или 4–5% зарплаты профессора

Составляющие ПК	Старый ОСиПЛ	РГГУ сегодня
<p>Формы организации совместной деятельности</p>	<p>Объем аудиторной работы достаточный; лекции освещают проблемы в той или иной области науки и подходы к их решению (материал можно получить только на лекции); после каждой лекции обязательен семинар по соответствующей теме; подготовка к семинару предполагает чтение и конспектирование научных статей, отрывков из монографий; обсуждаются различия в дефинициях и методах у различных авторов; отрабатываются приемы аргументации и контраргументации; спецкурсы ориентированы на углубление и детализацию одного из базовых лингвистических курсов; спецсеминары ориентированы на фигуру преподавателя и предполагают участие студентов с разных курсов, которые под руководством этого преподавателя совместно участвуют в некотором проекте – интеллектуальном или практическом; старшекурсники демонстрируют перспективу развития профессиональной коммуникации</p>	<p>Объем аудиторной работы недостаточен, расчет на самостоятельную работу студентов неразумен: у студентов не хватает базовых знаний и нет навыка аналитического чтения и извлечения из текста неструктурированной информации; лекций мало, поэтому они часто носят не проблемный, а обзорный или субъективно-фрагментарный характер; семинары в расписании подгоняются не под темы лекций, а под возможности распределения аудиторного фонда, из-за чего на семинарах нередко приходится повторять материал лекций, уже забытый студентами, курсы по выбору не связаны напрямую с содержанием базовых лингвистических курсов, различие между спецкурсами и спецсеминарами утрачено (форма отчетности зависит от учебного плана); преподаватели не имеют возможности вести на спецсеминаре проектную деятельность (исключение – экспедиционные семинары, которые приходится ставить вне сетки расписания)</p>
<p>Выводы</p>	<p>Обучение проблемное (опора на первоисточники, а не на интерпретации, в условиях дефицита источников информации); интерактивное, трудное для студентов; центральная фигура – научный руководитель, создающий условия для освоения приемов совместной работы над проектом и для передачи традиций научной коммуникации</p>	<p>Обучение обзорное, предполагает работу над первоисточниками, но студенты не видят проблемы и запоминают информацию хаотично; студенту легко «отчитаться», но трудно приобрести полноценные навыки работы над проектами; выбор научного руководителя обусловлен человеческими симпатиями, а не интересом к спектру научных проблем</p>

При общем пессимистическом взгляде на перспективы современного стандартизованного образования я сохраняю надежду на то, что при правильном уходе даже чахнущее растение может ожить. Для правильного ухода нужен всего-навсего коллектив людей, которым интересна наука, выбранная по прихоти интеллектуальных склонностей (в Институте лингвистики РГГУ он есть). А еще – готовность руководства терпеть чудаков, не укладывающихся в удобные для отчетов стандарты. Но вдруг?..

Литература

- Евграфова 2017 – *Евграфова С.М.* К проблеме когнитивной адекватности преподавания родного языка // #ТОТСБОРНИК: Сборник научных трудов по материалам Тотального диктанта. Вып. 2. Новосибирск: НГУ, 2017. С. 191–212.
- Кибрик и др. 1977 – *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П. Самедов Д.С.* Опыт структурного описания арчинского языка: В 3 т. М.: МГУ, 1977.
- Кобозева 2019 – *Кобозева И.М.* Лингвистическая семантика. Изд. 7-е, исправленное и дополненное. М.: УРСС, 2021. 360 с.
- Плунгян 2016 – *Плунгян В.А.* Общая морфология: Введение в проблематику. Изд. 5-е, стереотипное. М.: Ленанд, 2016. 384 с.
- Тестелец 2001 – *Тестелец Я.Г.* Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001. 800 с.
- Федорова 2015 – *Федорова Л.Л.* История и теория письма. М.: Флинта – Наука, 2015. 560 с.

References

- Evgrafova, S.M. (2017), “On the problem of cognitive adequacy of the first language teaching”, in Koshkareva, N.B. (ed.), #TOTSBOBNIK: *Sbornik nauchnykh trudov po materialam Total'nogo diktanta*, вып. 2 [Collection of scientific papers based on the materials of the Total Dictation], Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia, pp. 191–212.
- Kibrik, A.E., Kodzasov, S.V., Olovyannikova, I.P. and Samedov, D.S. (1977). *Opyt strukturnogo opisaniya archinskogo yazyka* [Structural description of the Archi language], vol. 1–3, MGU, Moscow, Russia.
- Kobozeva, I.M. (2021), *Lingvisticheskaya semantika* [Linguistic semantics], 7th ed., Editorial URSS, Moscow, Russia.
- Plungyan, V.A. (2016), *Obshchaya morfologiya. Vvedeniye v problematiku* [General morphology. An introduction], 5th ed., Lenand, Moscow, Russia.
- Testelets, Ya.G. (2001), *Vvedeniye v obshchiy sintaksis* [Introduction in general syntax], RSUH, Moscow, Russia.
- Fedorova, L.L. (2015), *Istoriya i teoriya pis'ma* [History and theory of writing], Flinta, Nauka, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Светлана М. Евграфова, кандидат филологических наук, Российский государственный университет, Москва, Россия; 125047, Москва, Миусская пл., д. 6; evgraffs@yandex.ru

Information about the author

Svetlana M. Evgrafova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; evgraffs@yandex.ru

Жесты и речь в Новом лингво-семиотическом словаре

Григорий Е. Крейдлин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, gekr@iitp.ru*

Аннотация. В устном общении людей активное участие принимают не только вербальные единицы, но и единицы языка тела. Основной лексический фонд этого языка составляют жесты разных семиотических классов, которые в акте устной коммуникации вступают во взаимодействие друг с другом и с речевыми единицами. Актуальной проблемой современных лингвистики и семиотики является формулировка общих законов и конкретных правил такого взаимодействия. Эта проблема получила название проблемы мультимодальности. В статье представлены идеология, структура и содержание Нового лингво-семиотического словаря, нацеленного на решение проблемы мультимодальности на русском лексическом материале. Показано, что данный словарь нельзя отнести к традиционным толковым одноязычным или переводным словарям. Основным понятием, лежащим в центре словаря, является понятие *наивной семиотической концептуализации тела*. В первой части статьи раскрываются основные составляющие этой концептуализации, описывается знаковый подход, применяемый к лексикону словаря. Охарактеризованы инструментарий и метаязык описания. Во второй части на примере вокабул ЗУБЫ и НОГТИ показана структура и содержание словарных статей словаря.

Ключевые слова: лингво-семиотический словарь, назначение, структура и содержание, слово, жест, проблема мультимодальности, семиотическая концептуализация тела

Для цитирования: Крейдлин Г.Е. Жесты и речь в Новом лингво-семиотическом словаре // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 232–254. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-232-254

Gestures and speech in the New linguo-semiotic dictionary

Grigory E. Kreidlin

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, gekr@iitp.ru

Abstract. In oral communication, an active role belongs not only to verbal units but to nonverbal units as well. These units constitute the lexical part of the so called body language and are known by name of gestures (of different semiotic classes). The paper presents the New linguo-semiotic dictionary aimed to solve some lexical aspects of the problem of multimodality the kernel of which is the description of general patterns and formulation of specific rules of speech-gesture interaction. It is shown that this dictionary takes a separate taxon in a classification of dictionaries

The paper reveals the ideology, structure and content of the linguo-semiotic dictionary. Its basis is the notion of semiotic conceptualization of human body. In the first part of the paper the main constituents of the conceptualization, tools and method of lexicographic analysis and metalanguage of the dictionary are described. The second part contains two examples of dictionary entries (ЗУБЫ ‘teeth’ and НОГТИ ‘nails’) and it also demonstrates the links between several types of information within the vocable.

Keywords: linguo-semiotic dictionary, purpose, structure and content, word, gesture, problem of multimodality, semiotic conceptualization of the human body

For citation: Kreidlin, G.E. (2021), “Gestures and speech in the New linguo-semiotic dictionary”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 232-254, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-232-254

Введение.

Невербальные знаки и язык их описания

Еще во время обучения в 1964–1969 гг. на Отделении структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ при прохождении практики я в течение нескольких лет под руководством проф. А.Е. Кибрика занимался составлением словаря для специального подъязыка русского языка – языка донесений с воинских учений. С тех пор прошло много лет, но любовь к лексикографии и составлению словарей сохранилась и по сей день. Эта любовь выразилась в создании нескольких словарей, из которых выделю Словарь языка русских жестов [СЯРЖ 2001]. Настоящая статья тоже посвящена одному специальному словарю.

Сегодня непосредственно на наших глазах происходит постепенное смягчение и ликвидация многих жестких догм и оппозиций, принятых и узаконенных семиотикой и лингвистикой прошлого. Появились новые исследовательские принципы, подходы и установки, к которым можно отнести признание того факта, что ряд задач, которые семиотика и лингвистика прежде отказывались обсуждать и решать как ненаучные, становятся актуальными и признаются заслуживающими всяческого внимания. Еще одна новая установка – это ориентация на сближение, а то и на полную интеграцию интеллектуальных усилий, традиций и задач разных дисциплин, связанных с наукой о языке.

Возникшие исследовательские установки во многом связаны с изменившимся взглядом на устную коммуникацию людей, которая стала рассматриваться как **мультимодальная коммуникация**, то есть как область взаимодействия вербального и различных невербальных знаковых, или семиотических, кодов.

В устном общении, когда человек говорит, это должно быть не только слышно, но и видно. В разговор включаются жесты руки и жесты рук, такие как **показать рукой** или **всплеснуть руками**, движения ноги и движения ног (**топнуть ногой, закинуть ногу на ногу**), знаковые позы и знаковые телодвижения (**встать навытяжку; сидеть, в задумчивости подперев голову; отшатнуться, прильнуть**), знаковые взгляды (**установиться, посмотреть искоса, подмигивать**), знаковые касания (**погладить по голове, рукопожатие**) и др. Все эти невербальные знаки функционируют и как единицы отдельных каналов коммуникации, и как часть интегрированного целого.

Известная специалистка в области невербальной коммуникации и теории диалога Дж. Баверлас писала, что устный дискурс только тогда можно считать состоявшимся (real), когда у него есть невербальная часть [Baverlas 1990, pp. 4–9]. Коммуникация людей может быть бытовой или деловой, дружеской или конфликтной, непосредственной или опосредованной расстоянием, временем, социальной иерархией или интеллектуальными устройствами, такими как компьютер и интернет. И в каждом случае коммуникация имеет свои особенности.

Несмотря на разнообразие видов устной коммуникации, у всех у них есть нечто общее. Это, как я уже отметил, использование сразу нескольких знаковых невербальных кодов, которые иногда также называют – впрочем, не вполне правомерно – языками. Общаясь, люди пользуются такими кодами, как язык флажков, язык веера, язык цветов, свиста, или прибегают к таким знаковым системам, как языки живописи, музыки, кино и театра. В распоряжении людей имеются также предметные знаковые коды, например

системы одежды и аксессуаров к ней, язык моды, язык причесок, язык пищи, или, иначе, кулинарный код, язык действий, или акциональный код, язык пространственных знаков и еще очень много других кодов.

Некоторые из кодов специализированы; это означает, что они используются в строго очерченных ситуациях или видах коммуникации, по большей части небытовых. А другие коды, напротив, широко применяются, и прежде всего в бытовой сфере общения. Среди них ведущее место занимает *телесный знаковый код*, иначе называемый *язык тела (body language)*.

Основные лексические единицы языка тела – это *жесты*, или *кинемы*, понимаемые достаточно широко. К ним относятся собственно жесты – знаковые движения рук, ног, плеч и головы, знаковые выражения лица, или мимика, знаковые взгляды, позы, телодвижения, знаки-касания и вербально-невербальные способы поведения – манеры (см. об этих семиотических типах жестов подробно в работах [Крейдлин 2004; Крейдлин и др. 2014]). К вербально-невербальным знакам и знаковым моделям поведения относятся манеры поведения человека в обществе, в частности манеры поведения за столом; это также способы ношения одежды, манеры ведения беседы, спора или диспута, манеры поведения в ритуальных, ситуациях – на свадьбах, презентациях, фуршетах, похоронах, собраниях, совещаниях и др.

Жесты устроены достаточно сложным образом, то есть имеют нетривиальную морфологию. Описание морфологии жеста предполагает анализ не только формы, но и смысла минимальных значащих частей жеста, получивших, по аналогии с морфемами, название *кинеморфемы*. Кроме того, требуется описание разных явлений на стыках кинеморфем и определение правил их соединения в жесте, или *кинеме*.

Морфологии жестов разных культур посвящено много работ. В частности, формальное устройство французских жестов анализируется в известной книге [Calbris 1990], строение итальянских жестов – в статье [Kendon 1992, pp. 72–93], в книге [Poggi, Magno-Caldognetto 1997] и [СЯРЖ 2001], а строение жестов англосаксонской и некоторых других культур – в книгах [McNeill 1992; Taylor 1974, pp. 65–72]. Между тем во всех этих работах, за исключением разрозненных или сказанных вскользь замечаний, ничего не говорится о значениях жестовых морфем, то есть о значении отдельных компонентов в составе целостной жестовой формы.

Описанию жестовых форм и их значений как одной из составляющих мультимодального дискурса в последнее время были посвящены многие отечественные и зарубежные работы. Из наиболее

значительных публикаций относительно времени назову монографию Е.А. Гришиной [Гришина 2017], обзорную статью О.В. Федоровой [Федорова 2018], а также совместную публикацию О.К. Иришхановой и А. Ченки [Иришханова, Ченки 2018].

В нашем «Словаре языка русских жестов» [СЯРЖ 2001] формальное строение жеста описывалось в отдельной части, или зоне, словаря, носящей название «*физическая реализация жеста*». Однако и в этом словаре нет описания значений отдельных кинем. Нет в нем также и правил композициональности, то есть правил, которые бы показывали, складывается ли смысл данной кинемы из смысла составляющих его кинеморфем, и если складывается, то каким образом. Соображения по поводу того, как можно использовать принцип композициональности при создании словаря жестов, были высказаны мной в работе [Крейдлин 2011]. Морфология жестов, основанная на этом принципе, раскрывается и в словаре нового типа, который будет представлен чуть позже.

Каждый язык жестов имеет также свой синтаксис. Его составляют описания комбинаторики, или, иначе, сочетания жестов и описание их упорядочивания в пределах более крупных синтаксических последовательностей. Синтаксис языка жестов складывается, однако, не только из формулировок общих закономерностей в организации невербальных и смешанных, вербально-невербальных, высказываний. В синтаксис языка жестов включены также правила двух типов. Это правила *внутреннего синтаксиса*, то есть соединения и упорядочивания жестов разных типов, и правила *внешнего синтаксиса*, то есть правила комбинирования жестов с речевыми единицами и единицами других знаковых кодов.

Особенно сложную задачу составляет описание значений жестовых лексем и более крупных жестовых сообщений. В невербальной семиотике – науке о языке тела и о различных явлениях телесности – выделяют три класса жестов по их соотношению с речью.

Первый класс образуют *эмблематические жесты*, или, кратко, *эмблемы*. Это телесные знаки, которые замещают языковые элементы в устном коммуникативном акте без изменения смысла исходного высказывания. Многие эмблемы объединяются в смысловые классы, причем у разных культур есть свои «любимые», наиболее популярные, классы эмблем. Так, у русской культуры любимым является класс жестов, имеющих общий смысл ‘прерывание контакта человека с миром’. К этому классу относятся жесты **закрывать лицо руками, закрыть глаза рукой, заткнуть уши, прикрыть рот рукой, отвернуться** и некоторые другие. Кроме того, в русском языке тела широко представлены жесты класса ‘приглашение к выпивке’. Это, например, такие единицы, как **штопор, стаканчик**,

пощелкать по горлу (в английской терминологии **cork gesture**). Для японской культуры чрезвычайно многочисленным является класс жестов-поклонов, демонстрирующих разные степени уважения к человеку или почтительного отношения к какому-то сакральному объекту. Этот класс жестов в Японии настолько социально важен, что ему специально обучают в школах и других учреждениях; например, ему обучают продавцов крупных магазинов, работников банков, актеров театра и сотрудников ряда других организаций.

Во вторую группу телесных знаков входят **иллюстративные жесты**, или **иллюстраторы**. Они всегда сопровождают речь и при этом семантически и функционально с ней связаны.

Иллюстраторы делятся на два больших подкласса – **собственно иллюстраторы** и **аккомпаниаторы**. Такое деление основано на различии в назначении и роли иллюстративных жестов в коммуникативном акте. Поскольку эти классы иллюстраторов еще не изучались и не были даже упомянуты в моей монографии по невербальной семиотике [Крейдлин 2004], я остановлюсь на них чуть более подробно – ведь многие такие жесты входят в лексикон лингво-семиотического словаря.

Собственно иллюстраторы отображают некоторые свойства предмета или человека, например форму, размер, кривизну, ориентацию и др. Они раскрывают аспекты физического действия или демонстрируют само действие, например, действие, называемое глаголом *резать* или глаголами *рубить*, *пилить*, *колоть*, *сжимать*. Они могут отображать также какие-то стороны ментальной или психической жизни человека, некоторые особенности ее протекания. Таковы, например, жесты, выражающие смыслы ‘задумчивость’ и ‘напряженное внимание’.

К собственно иллюстраторам относятся разнообразные по форме и смыслу жестовые манифестации эмоций страха, ужаса, стыда, радости, удовольствия, наслаждения и т. д. К ним принадлежат также жесты, имитирующие движение, например, движение колес паровоза или поезда. Это также жесты, обозначающие размер предмета или рост человека, ср. речевые выражения *Вот такой ширины*, *вот такой ужины*; *Она вот какого роста*, сопровождаемые соответствующими жестами, а также мимические выражения боли (см. жесты **скривиться от боли**, **сморщиться от боли**).

Аккомпаниаторы, в полном соответствии со своим названием, сопровождают речь, подчеркивая ее физические или структурные аспекты. Они отражают длительность речи, выделяют в ней некоторые важные фрагменты или обозначают отход в сторону от основной линии повествования.

Выделяются несколько групп аккомпаниаторов. Одни помогают в интонационной организации речи, объединяют отдельные фрагменты речевого потока в целостные синтагмы; или, наоборот, членят высказывание. Например, жест **плавное движение рукой** соединяет предшествующий сегмент речи с последующим.

Другая группа аккомпаниаторов способствует делению речи на смысловые фрагменты, а третья помогает выявлению отдельных семантических или прагматических аспектов высказывания. Это, например, жесты, акцентирующие слова *Ну сколько раз тебе можно говорить!*

Отдельные аккомпаниаторы из третьей группы выделяют какие-то метонимические или метафорические компоненты высказывания. Примером такого аккомпаниатора является русский мануальный жест, сопровождающий текст: *До сих пор мы говорили о французской литературе XVIII века. Теперь уйдем далеко-далеко в сторону.* Устное произведение этого текста, записанного во время лекции, сопровождалось жестом, при котором рука говорящего поднималась вверх и отводилась далеко назад и чуть вбок в полном соответствии с содержанием высказывания.

Еще две группы аккомпаниаторов образуют разные по форме жестовые ударения, ритмизирующие речь. Таково, например, рубленое движение ребра ладони сверху вниз при счете – одна из разновидностей жестового ударения. Кроме того, есть указательные, или дейктические, аккомпаниаторы. Ими нередко пользуются, например, лекторы и учителя, когда объясняют новый материал. При помощи таких жестов преподаватели совершают прямое указание на какой-то объект, изображенный на доске, или опосредованное указание, например, на некоторый представляемый объект, возникший в ходе лекторской или учительской речи, либо, наконец, метафорическое указание, близкое по смыслу к предыдущему. Примером метафорического указания служит употребление параллельного жеста двух рук, который встретился нам у лектора-литератора. Им он указывал на параллельные линии повествования в разбираемом художественном произведении.

Последний, третий, класс жестов образуют **регулятивные жесты**, или **регуляторы**. Это единицы, которые могут употребляться как в речевом контексте, так и без него. Регуляторы противопоставлены эмблемам и иллюстраторам по функции: все они структурируют общение и имеют ярко выраженную диалогическую направленность. Одни регуляторы служат показателями начала общения, другие – конца общения, а третьи показывают, что общение продолжается.

Примером регуляторов служит так называемый **«академический» кивок головы**, демонстрирующий, что адресат воспринял от говорящего сообщаемую ему информацию, пусть даже ложную. Регулятором является также жест **«Стоп!»**, при котором ладонь жестикулирующего направляется в сторону стоящего или движущегося к нему лицом адресата с целью предотвратить его возможное будущее высказывание или движение (либо остановить уже начавшееся).

Многолетние исследования устной коммуникации у самых разных народов и культур убедительно показывают, что эмблемами, иллюстраторами и регуляторами могут быть жесты всех семиотических типов жестов. Приведу примеры телесных знаков разных типов, одни из которых выступают в функции эмблем, другие – в функции иллюстраторов, а третьи – в функции регуляторов.

Утвердительный кивок головы – **Да**, – широко используемый в очень многих вопросно-ответных диалогах, является невербальным заместителем словесной реплики *Да*. Данный жест головы – эмблематический. Действительно, в ответ на вопрос *Ты пойдешь в кино?* этот кивок головы означает ‘пойду’. Мы можем, однако, при ответе на тот же вопрос не просто кивнуть головой, а кивнуть, одновременно сказав *Да*. Здесь кивок не только передает смысл ‘пойду’, но и подчеркивает, экспрессивно усиливает выражение данного смысла, означая что-то вроде ‘конечно, безусловно, пойду’.

Теперь приведу пример контекста, когда кивок головы, по форме сходный с утвердительным кивком, передает уже другой смысл, а именно желание показать говорящему, что его слушают и воспринимают информацию, которую тот сообщает. В ситуации устного экзамена, когда экзаменатор беседует один на один со студентом, желая поддержать студента и показать ему, что внимательно его слушает и поощряет продолжить ответ, он кивает головой. В этой ситуации жест **кивок головы** является регулятивным.

Остановлюсь кратко на таких телесных знаках, как представленные в строящемся словаре позы. У русских позовых знаков есть стандартное имя *поза*, которому в английском языке соответствует слово *posture*, обозначающее знаковое положение тела, а не слово *pose*, которое обозначает физиологически вынужденное антропоморфное положение тела, не являющееся знаковым.

Примером русской эмблемы служит поза, передающая смыслы ‘не хочу больше тебя слушать’ или ‘я обиделся’. Это поза **отвернуться** от собеседника и стоять некоторое время к нему спиной.

Контекстом, в котором встречается поза-иллюстратор, служит, например, поведенческий комплекс «рапорт солдата командиру о

выполненном задании», принятый русской воинской доктриной. Произносящий слова рапорта солдат стоит, вытянувшись в позе **смирно**, которую, согласно воинскому уставу, он должен всегда принимать при встрече со старшим по званию. Считается, что такая поза выражает уважение к командиру.

А вот пример позы-регулятора. Во время интервью или какой-то иной ситуации общения, в которой один собеседник (доминирующий) задает другому (субординативному) разного рода вопросы, а тот на них отвечает, сидячая поза спрашивающего означает, что коммуникация продолжается, а смена им позы означает конец интервью. Человек, который приходит на интервью, должен знать, что если интервьюер встает или даже просто показывает, что собирается встать, то диалог считается законченным, а потому пытаться продолжать говорить что-то о себе или вести беседу на какие-то другие темы бессмысленно.

Идеология и структура лингво-семиотического словаря

Теперь, после этих необходимых вводных замечаний, касающихся используемых нами концептуального и инструментального аппаратов, я перейду к основной теме статьи.

Современное представление о человеческом теле и телесности включает в себя осознание того факта, что тело представляется по-разному не только в естественных языках, но и в соответствующих им невербальных знаковых кодах. Речь далее пойдет о лексических единицах русского языка и русского языка тела, причем, как правило, в одной их функциональной разновидности, а именно бытовой. Впрочем, в целях сопоставления, переключек и построения важных мостиков будут привлекаться также научная, фольклорная и другие функциональные разновидности русского языка и русского языка тела.

Задуманный мной **лингво-семиотический** словарь относится к совершенно новому типу лексикографических книг. Он нацелен на описание особенностей взаимодействия в устных и письменных коммуникативных актах лексики, обслуживающей разного рода явления телесности.

Среди адресатов лингво-семиотических словарей я вижу не только лингвистов, но и переводчиков, деятелей культуры, преподавателей, работников СМИ, да и вообще всех тех, кто хочет улучшить свои языковую и культурную компетенции в общении с другими людьми. Представленные в работе идеология, принципы,

методологические и концептуальные установки, а также инструментарий вполне пригодны для разных языков и культур.

Сразу же подчеркну, что, хотя в лингво-семиотическом словаре содержатся данные по меньшей мере двух языков – вербального и невербального, – его нельзя отнести к традиционным толковым одноязычным или переводным словарям. Наш словарь включает в себя лексические единицы двух кодов и описывает их взаимодействие. Поэтому он должен занять отдельную клетку в существующей классификации словарей.

Основным понятием, лежащим в центре словаря, является понятие **наивной, или повседневной, бытовой, семиотической концептуализации тела**, которая противопоставляется научной, художественной, фольклорной и другим концептуализациям.

Наивная семиотическая концептуализация тела – это модель того, как тело и другие телесные, или, иначе, соматические, объекты отражены в повседневном естественном языке и в соответствующем ему языке тела. Что крайне важно, такая модель отражает взгляды, мировосприятие и мироощущение неискушенного человека – не специалиста-ученого, а человека самого обычного.

Семиотическая концептуализация фрагмента мира, будь то объект, свойство, действие, ситуация, представляет собой естественное расширение хорошо известного в лингвистике понятия языковой концептуализации. Основной «строительный материал» для наивной семиотической концептуализации телесной сферы человека – это знаки естественного языка и языка тела, а также единицы некоторых других знаковых кодов, таких, как, например, акциональный («язык знаковых действий») и ольфакторный коды («язык запахов»). Описать то, как тело человека представлено в лексике русского языка в ее взаимодействии с лексикой языка русских жестов, фактически означает реконструировать или, как часто говорят, построить представленную в словах и жестах семиотическую концептуализацию тела.

Основным методом лексикографического анализа, принятым в лингво-семиотическом словаре, является разработанный мной совместно с некоторыми моими более молодыми коллегами и учениками **признаковый подход**. Строя лексический фрагмент семиотической концептуализации тела, мы попутно сравниваем выразительные возможности и объяснительную силу словесного и телесного знаковых кодов.

Ориентация на несколько разнородных задач делает признаковый подход теоретически более адекватным и практически более удобным способом описания, чем традиционный лексикографический подход. Ведь последний имеет дело только с одним знаковым

кодом и потому не приспособлен для сопоставления кодов. Хотя теория и методология признакового подхода нацелены, прежде всего, на изучение и описание лексического аспекта проблемы мультимодальности, его применение позволяет ответить и на многие другие исследовательские вопросы, например, как соотносятся вербальные и различные невербальные системы, связанные с телом и телесностью. Мы можем сравнивать, как представлены в вербальных и невербальных знаках различные действия, осуществляемые соматическими объектами, изучать функции, дисфункции и аномалии, связанные с частями тела, телесными органами и другими соматическими объектами, и отвечать, среди прочих, на вопросы следующих типов: Что означают высказывания *Ноги не ходят*, *Голова раскалывается* или *Язык немеет*?; Что означает, что данный телесный объект сейчас или вообще плохо функционирует?; Как мы об этом говорим или как это показываем?

Наконец, открывается возможность изучить разные механизмы и способы образования переносных значений у многозначных слов, обозначающих тело, части тела и другие телесные объекты, выявить и объяснить особенности образования фразеологизмов, построенных на базе жестов. Это так называемые **жестовые фразеологизмы** *махнуть рукой на все*, *потирать руки*, *положа руку на сердце*, *хлопнуть дверью* и др.

На вход словарной статьи лингво-семиотического словаря подается имя соматического объекта определенного типа. Это слово *тело*; имена частей тела (*голова*, *руки*, *живот*, *спина*) и имена частей таких частей (*пальцы*, *ладонь*, *ноздря*); имена телесных органов – органов пищеварения, дыхания, половых органов; имена телесных покровов (*кожа*, *волосы* и *ногти*), жидкостей (*кровь*, *желчь*, *слезы*); названия особых мест на человеческом теле или внутри него (*подмышки*, *пупок*, *глазница*); имена различных костей и соединений костей – *ребро*, *ключица*, *позвонок*, *позвоночник*, *сустав*, *кадык*, *скула*, *челюсть*); разнообразие линии на человеческом теле (*морщины*, *черты лица*, *линия губ*, *линии рук*, *талиа*); имена сосудов (*вены*, *артерии*) и др.

Соматическими являются и «чужеродные» объекты, в частности так называемые наросты на или в теле человека – *прыщи*, *фурункулы*, *ячмень*, *шишка*, «лишние» объекты – рудименты и еще много других.

Телесные объекты, имена которых содержатся в большинстве языковых словарей, относятся к прагматически освоенным объектам <в данном языке>, а телесные объекты, имен которых в языке нет или почти нет, – к прагматически неосвоенным.

В разговорах о прагматически неосвоенных соматических объектах люди нередко пользуются описательными выражениями, де-

скрипциями, включая недоопределенные дескрипции (такие, как в примере *У меня что-то болит в районе плеча*, или словосочетание *такая штука* как в *Смотри, какая штука вскочила у меня на лице*). Люди пользуются также разного рода неидиоматичными выражениями, такими как *тыльная сторона ладони*, *ребро ладони со стороны большого пальца* и т. д. Эти и подобные выражения играют важную роль в описании физической реализации некоторых введенных в лингво-семиотический словарь жестов.

На вход словаря подаются пока что только русские имена прагматически освоенных объектов. То, какая номинация у прагматически освоенного телесного объекта считается нормальной или стандартной, зависит от того, к какому возрастному, гендерному, профессиональному, социальному классу и др. принадлежит обладатель этого объекта. Например, и у взрослого, и у совсем маленького ребенка есть голова, но стандартные имена у каждого из этих объектов, вообще говоря, свои: голова взрослого человека обычно так и называется – *голова*, а голова маленького ребенка в норме называется также *головка*. Аналогичное отношение можно усмотреть и между словами *волосы* и *волосики*. Несколько другое отношение между словами *ноги* и *ножки*: *ноги* – это стандартное имя мужских и женских соматических объектов, а *ножки* – женских и детских.

Среди сотен русских литературных и диалектных имен соматических объектов следует выделить центр и периферию. Именно центр используется нами как основной материал для лексикографического описания наивной картины телесной сферы. В центр русских имен соматических объектов попадают прежде всего общеупотребительные имена, то есть наиболее часто встречающиеся в неспециализированных контекстах (ср., например, имена соматических объектов, входящие в атрибутивные сочетания *красивый X*, *большой X*, *больной X*, *круглый X* и в ряд других, в разговорные вопросно-ответные диалоги типа *Что это с тобой?* – *Да у меня сломан палец*).

В круг имен телесных объектов, образующих центр, включены и те имена, у которых имеется много широко употребляемых словообразовательных производных (дериватов), то есть таких слов, как *рукастый*, *безголовый*, *сглазить*, *желудочный*, *пощечина*. Кроме того, сюда включены также имена, которые входят в состав фразеологических единиц, в том числе жестовых (*столкнуться лоб в лоб*, *проглотить язык*, *на тебе лица нет*, *зуб даю*). Наконец, отмечу, что имена соматических объектов, входящие в центр, известны наиболее неискушенным носителям языка – детям, подросткам.

Прежде чем перейти к характеристике признаков телесных объектов и имен признаков, составляющих инструментальную

базу представляемого мной словаря, скажу несколько слов об отношении разных телесных объектов друг с другом.

Во-первых, некоторые из них более тесно, чем другие, связываются в пределах тела. Речь идет об антропологической общности объектов. В частности, объекты могут располагаться в теле относительно близко друг к другу (как, например, спина и плечи, грудь и живот, живот и пупок), соединяться друг с другом при помощи крупных кровеносных и лимфатических сосудов (как, например, голова и шея). Более тесно связаны и объекты, расположенные на теле или в теле симметрично относительно какой-то пространственной оси. Это, например, правое ухо и левое ухо, верхняя и нижняя губа, спина и живот.

Во-вторых, некоторые соматические объекты обладают функциональной общностью. Так, общей функцией обладают шея и плечи: эта функция – связующая. Шея соединяет голову с туловищем, а плечи – руки с корпусом. Плечи и спина тоже связаны общей функцией, а именно, эти объекты являются разделителями пространства и разделителями времени, ср. референциально тождественные пространственные и временные сочетания *рюкзак за плечами* и *рюкзак за спиной*; *у него за плечами* vs. *за спиной война*.

В-третьих, отдельные соматические объекты имеют сходное строение. Про них мы говорим, что они обладают морфологической, или структурной, общностью. Например, морфологически подобными являются пальцы рук и ног, ступни ног и кисти рук. Существуют языковые единицы, в смысловой структуре которых отражаются те или иные виды связей между соматическими объектами. Так, слово *глаза* объединяет левый и правый глаз; под именем *пальцы* могут объединяться пальцы рук и пальцы ног. Некоторые объединения имеют языковые обозначения, отличные от обозначений отдельных объектов – составляющих. И этот факт также учитывается при создании словаря. Например, мускулатура включает в себя мускулы, или мышцы, всего тела. Есть *конечности* (*руки* и *ноги*) и есть *скелет* – слово, обозначающее совокупность костей телесного остова, рассматриваемых как некая структурная и функциональная общность. Объединение соматических объектов может выражаться особыми синтаксическими конструкциями, такими как, например, русские биномы *руки-ноги*, *глаза* и *уши*, *кожа да кости*. Биномы имеют фиксированный порядок элементов и фиксированный языковой маркер их соединения.

Фундаментальное свойство объектов, образующих центр телесной системы, – это то, что они играют важную роль в жестовом и акциональном знаковых кодах, участвуя в разнообразных действиях вместе с естественным языком. Если в позах и знаковых телодви-

жениях ведущая роль отведена телу, то в жестах она принадлежит разным частям тела и частям таких частей. Так, в русских жестах из класса касаний ведущая роль закреплена за руками и некоторыми частями рук, в жестах из класса «выражение согласия или несогласия» – голове, а в молчаливых вопросах и ответах на них – глазам.

Все признаки телесных объектов делятся на четыре большие группы: **структурные, физические, функциональные** и **классификационные признаки**.

Среди структурных признаков выделяю следующие разновидности: 1) возможность вхождения данного соматического объекта в состав другого соматического объекта, 2) местоположение и ориентация данного телесного объекта относительно других объектов в пределах тела, 3) симметрия телесных объектов относительно какой-то оси и 4) пространственная смежность объектов.

Физические признаки телесных объектов – это те, которые можно количественно измерить, а их значения обладают свойством градуируемости и подлежат оценке. Форма и размер объекта, температура, цвет, текстура, степень подвижности, каритивность и др., – все это физические признаки, которые характеризуют сам телесный объект, вне связи его с какими-то другими объектами. Такие признаки являются предметом изучения многих естественных наук – физики, химии, биологии и т. д., а их значения человек, как правило, постигает опытным путем, причем не только с помощью каких-то приборов, но и с помощью органов чувств.

В восприятии физических признаков участвуют зрение (глазами постигаются, например, значения признака «цвет соматического объекта»), слух (со слуховым каналом восприятия связаны признаки «звучание телесного объекта», ср. выражение *кости трещат*, и «звучание, возникающее внутри соматического объекта», ср. *в животе урчит*), осязание (тактильно познается текстура объекта), обоняние (оно участвует в восприятии и распознавании запахов, ср. *запах изо рта*), вкус (вкусовое восприятие, ср. сочетание *соленые слезы*).

Кроме того, существуют явные случаи телесной синестезии. (Под синестезией в лингвистике обычно понимается «использование слов, связанных с каким-нибудь органом чувств, для обозначения понятий, относящихся к сфере другого чувства» [Гак 1977, с. 191]), ср. сочетание *сладкий запах*, в котором прилагательное *сладкий* обозначает вкусовые ощущения, а запах характеризует сферу обоняния). Например, прилагательное *жесткий* в своем прямом значении обозначает свойство, воспринимаемое тактильно, но, говоря *жесткое лицо*, где слово *жесткий* имеет другое значение, человек имеет в виду, что такое лицо воспринимается зрительно и

имеет резко выделяющиеся черты, что это лицо напряженное, без улыбок и других, так сказать, «смягчающих», свойств.

Функциональные признаки телесного объекта делятся на собственно функции и <его> дисфункции, т. е. разного рода нарушения нормального функционирования объекта. К основным функциям легких относится дыхание и его поддержание, а горло служит для того, чтобы проводить внутрь организма пищу и воду, а также участвовать в процессе дыхания и производства звуков. Описывая дисфункцию носа, мы можем сказать *нос плохо дышит* или *нос заложен*, а в случае миалгии, то есть боли в мышцах, может плохо функционировать шея, и мы встречаем фразы типа *шея совсем не поворачивается*.

Важными делениями признаков телесных объектов, как формальных, так и функциональных, является их деление по тому, как они воспринимаются органами чувств, и деление по их роли в жестах разных классов. Так, одни органы чувств лучше реагируют на формальные свойства, а другие – на функциональные. Ухо и слух в большей степени ориентированы на функциональные свойства: мы слышим звук шагов, треск суставов, хлопанье в ладоши или хлопок по плечу, слышим звук, возникающий при потирании рук. Зрением же воспринимаются характеристики обоих типов. Так, глазами можно увидеть не только форму или размер любой видимой части тела, но и ее движение. Похожим на зрение образом ведет себя осязание. С одной стороны, оно реагирует на формальные характеристики объекта, такие как его текстура, размер или форма, а с другой стороны, тактильные ощущения возникают у человека, когда по отношению к нему применяются определенные телесные действия и жесты, например разного рода шлепки, поцелуи, похлопывания, удары.

Образец словарной статьи лингво-семиотического словаря

Теперь в заключение работы я на примере двух словарных статей покажу, какова структура словарной статьи и как представлена информация в пределах вокабулы лингво-семиотического словаря.

Сначала я обращусь к семиотическому классу костей и на примере одного элемента этого класса – «зубы» – раскрою строение и содержание словарной статьи.

На вход подается вокабула *зубы*. Затем приводится толкование этого слова применительно к человеку, а именно, *зубы* – это ‘два ряда косточек во рту, которые прикреплены одним концом к верх-

ним и нижним деснам и которые служат для схватывания, раскусывания, измельчения и пережевывания пищи’.

Здесь первая часть толкования – анатомическая, а вторая – функциональная. Если соматический объект имеет несколько важных функций, то они тоже указываются в словарной статье. У зубов есть по меньшей мере две таких функции, помимо указанных в тексте толкования. Это – **защитная** функция (человек в целом ряде жизненных ситуаций может воспользоваться зубами как орудием для нападения и защиты) и **артикуляционная** функция (зубы участвуют в образовании речевых и параречевых звуков).

В случае многозначных слов признаки, индивидуализирующие отдельные лексемы, как это принято в большинстве современных толковых словарей русского языка, указываются при соответствующей лексеме в качестве элементов их семиотической концептуализации. В случае слова *зубы* описанию подлежат структурные и физические признаки зубов, а также значения этих признаков – наряду с указанием их основных языковых и жестовых реализаций.

Я сейчас перечислю их, из экономии места никак не упорядочивая. Зубы – это телесные объекты, в норме невидимые, белого, желтого или черного, почерневшего цветов. Зубы, появляющиеся у ребенка, белого цвета, а желтый и черный цвета являются приобретенными. В ряде случаев их рассматривают как симптом, возможно, не очень опасной, но все же патологии, вследствие чего врачи (*зубные врачи, дантисты, стоматологи*) предлагают некоторым пациентам с такими зубами пройти специальную процедуру, называемую *отбеливание*.

Зуб имеет ряд составных частей. Это поверхностные части, называемые *эмаль, край* <зуба>, *режущая часть* <зуба>, и внутренние части – *нерв, канал (каналы), пульпа, корень*. Знание этих слов, а также таких «бытовых» единиц, как *дырка, дырочка* и др., человек обретает с взрослением и приобретением «печального» опыта.

Будучи косточками, зубы (не в патологии) – это твердые, ровные, не выступающие вперед и не выходящие из соответствующего ряда объекты. В лингво-семиотический словарь включены, с необходимыми пояснениями, такие слова и словосочетания, как *верхние зубы, нижние зубы, свои зубы, искусственные зубы, импланты, передние зубы, задние зубы, передняя и задняя поверхности зубов, зуб мудрости, молочные зубы, кривые, искривленные, прямые, коренные зубы* (все это виды зубов, выделенные по разным признакам). Отмечаются языковые выражения особо важных изменений формы зубов (например, *искривление*), цвета (*пожелтение*) или размера зубов, появление *налета* на эмали зуба, *зубного камня* и др.

Отдельное место в нашем словаре отводится описанию наиболее частых зубных патологий, в том числе тех, что были упомянуты мной раньше. Зубы *портятся, болят, шатаются, крошатся, ломаются, выпадают, гноятся*. За зубами надо *ухаживать*, их надо *чистить, полоскать*, а иначе их можно *лишиться*, их можно *потерять*. Больные зубы стоматологи *лечат*, их *пломбируют*, каналы тоже пломбируют, а нерв у больного зуба перед пломбированием обычно *удаляют*.

Читателю может показаться, что предложенное здесь для лингво-семиотического словаря лексикографическое описание имен телесных объектов, в частности, такого, как зуб, основанное на признаковом подходе, аналогично описанию, которое предлагает словарь [Иорданская, Паперно 1996]. Однако наши лексикографические и информационные ресурсы значительно шире. Во-первых, в лингво-семиотическом словаре имеется большая по объему **жестовая зона**, содержащая информацию о невербальных знаках, в которых зубы участвуют как активные или как пассивные объекты [СЯРЖ 2001; Крейдлин 2004]. Во-вторых, в нашем словаре предполагается введение зоны этнокультурного комментария, подобной той, которая имеется в различных словарях Люблинской школы этнолингвистики (Польша) Е. Бартминьского (см. об этой школе и ее словарях в статье [Бартминьский 2018]).

Приведу примеры русских жестов, осуществляемых зубами или над зубами, и краткую информацию о них.

Жест **зуб даю** является жестом клятвы (о нем подробно говорится в книге [Крейдлин 2004]). Жест **оскалиться**, или **показать зубы**, – это агрессивный жест, демонстрирующий недовольство кем-либо или чем-либо. В лингво-семиотическом словаре, конечно, будет дано его описание в формате, принятом в [СЯРЖ 2001].

Жест **зуб на зуб не попадает** в своем основном значении является симптоматическим жестом (о симптоматических жестах см. [Крейдлин 2004]), свидетельствующим о том, что человеку холодно или страшно. Описываются также жесты **скрежетать зубами**, **стиснуть зубы**, **вырывать зубами** ‘с большими усилиями в борьбе взять, достать или получить что-либо’. Кроме того, отмечается, что на основе нежестового, т. е. чисто физиологического, движения *дать в зубы*, образуется жест со значением ‘дать кулаком в лицо, например, в наказание за что-то’.

Дериват слова *зуб*, такой как *зубоскалить* (не путать с жестом **скалить зубы!**), может обозначать вербальный или смешанный, вербально-невербальный, акт насмешки.

Агрессивные жесты с зубами, такие как **сжать зубы** (от злости), **стиснуть зубы** (от каких-то испытываемых сильных эмоций по от-

ношению к другому человеку, например от ненависти), **разговаривать сквозь зубы** и т. п., обычно сопровождают в тексте слова, семантически согласованные с данным жестом, ср. *Он стиснул зубы, и так, сквозь зубы, что-то запел с остервенением, какой-то марш* (А. Житинский. Лестница).

Жест **стиснуть зубы от боли** связан с этикетом, согласно которому мужчины должны скрывать языковые или параязыковые проявления боли, ср. *Он стиснул зубы от боли и на миг прикрыл тяжелые веки* (Вл. Маканин. Голоса).

Обильно в лингво-семиотическом словаре представлена и фразеология со словами *зубы*, *зуб* и *зубок*, производные от некоторых из этих слов и фразеологизмы с такими производными. Ср. сочетания *заговаривать зубы*, которое означает 'посторонними разговорами отвлечь внимание адресата от чего-либо важного и этим вводить адресата в заблуждение', *смотреть в зубы* (с вариантом *глядеть в зубы*), *пробовать на зуб*, *иметь зуб на* или *против кого-либо*, *на один зуб*, *ни в зуб <ногой>*, *око за око*, *зуб за зуб*, *цедить сквозь зубы*, *попасться на зуб*, *в зубах навязло*, *выучить на зубок*, *точить зубы на кого-либо*, *оттачивать зубы*, *на одних зубах* 'на пределе', *не по зубам*, *класть зубы на полку*.

Сообщается культурно значимая информация и про фразеологический оборот *зубовный скрежет*. Например, говорится, что этот оборот может использоваться как иносказательное выражение страха, сильной злобы или негодования, ср. пример *К чему вся эта комедия устремлений, порывов, зубовных скрежетов и слез? Ужели затем только, чтобы при посредстве горячих излияний зажечь пламень в сердцах этих дам?* (М. Салтыков-Щедрин. В среде умеренности и аккуратности, гл. 8, с. 12). Отмечено и другое значение того же выражения, когда оно обозначает страдание, терзание, муку, как в примере *Вот уж тема, скучная до зубовного скрежета* (П. Илюхин. Давай поговорим [газета «Семейный доктор», 2002]).

В этнокультурной зоне сообщается, что зубы являются древнейшим орудием нападения и защиты, телесным воплощением активного начала. Поэтому потерю зубов связывали со страхом перед серьезными телесными недугами или с полной неудачей в жизни. Антропологи утверждают, что первобытные люди украшали себя зубами и костями побежденных ими людей или животных. Выпадение или поломка зуба ассоциировалась с потерей силы. О маленьком ребенке говорят, что у него *лезут зубы*, *прорезаются зубы*. Описывается своеобразный ритуал, характерный для русской культуры телесности и связанный с появлением у малышей первых зубов, когда родители «покупают» их у ребенка или обменивают у него на что-то «очень ценное». Отмечаются в словаре лингвистиче-

ские свойства не только слова *зуб*, но и сочетаний с ним, например такое явление, как энантиосемия, в частности в пределах семантической структуры глагола *лезть*, а именно, когда *лезут зубы*, это означает их рождение, появление на свет, а когда *лезут волосы*, это означает их потерю.

О выражении *плач и скрежет зубов* говорится, что оно содержится в Новом Завете (Евангелие от Матфея, гл. 22, ст. 13; русский перевод с церковнославянского): *Тогда сказал царь слугам: связав ему руки и ноги, возьмите его и бросьте во тьму внешнюю: там будет плач и скрежет зубов*. Отмечено и такое библейское выражение, как *вой и скрежет зубовой*.

О сочетании *скрежетать зубами во сне* сообщается, что оно может быть знаковым проявлением состояния, при котором у человека систематически непроизвольно сокращаются жевательные мышцы, и что этот патологический случай считается болезнью, которая получила в медицине название *бруксизм*. Еще одним характерным признаком бруксизма является сильное сжатие челюстей, которое тоже происходит помимо воли человека, как правило, во время сна. Во многих случаях бруксизм провоцирует стирание, деформацию зубной ткани и ее разрушение, а также *гиперестезию*, или повышенную чувствительность зубов. Бруксизм часто является причиной головной боли и общего плохого самочувствия, а потому таким людям близкие советуют обратиться к врачу.

Отдельно в нашем словаре отмечаются стандартные действия с зубами (те, что известный французский социолог и этолог М. Мосс относил к обычным техникам тела), входящие в мероприятия по *гигиене полости рта*, в частности указываются инструменты и средства, применяемые при уходе за зубами. См. такие единицы, как *чистить зубы* (вспомню известную шутку пожилых людей *Раньше зубы чистили, теперь под крапом моем*), *полоскать зубы*, *зубной порошок*, *зубная паста*, *зубная нить*, *зубочистка* и др.

А вот очень краткий фрагмент словарной статьи слова *ногти*.

Ноготь – это ‘небольшая относительно твердая и тонкая пластинка на конце пальца руки или ноги’.

Суп_{науч.} *ногтевая пластина*.

Части ногтя: *корень*, *лунка*, *кончик*, *край*

Форма: *овальная* (края ногтя в норме совпадают с краем пальца или чуть выступают за границы пальца)

Размер: *длинные / короткие, узкие / широкие ногти*

Изменение размера: *отращивать ногти, стричь ногти*

Цвет (естественный): *розовый, красный* (за ногтем находятся кровеносные сосуды)

Текстура: *ноготь гладкий, но ломкий (ноготь может ломаться)*

Функции ногтя: защитная (защитать палец от повреждений (= защищать мягкие ткани и кровеносные сосуды в верхней части пальца), служить орудием агрессивных действий – *царапать, скрести, ковырять* и т. д. – и эстетическая: ногти *стригут, подравнивают* (по форме округлого пальца), *чищают, красят, подкрашивают, покрывают лаком, делают маникюр и педикюр*.

Есть науки, или области знания, прямо соотносящиеся с ногтями. Это *онихология* – наука, изучающая строение ногтей; *онихомикоз* – грибок ногтей и область медицины, основным предмет которой такого рода патология; *онихокриптоз* – вросший ноготь и связанные с ним проблемы.

Кроме того, патологией считается появление белых пятен на ногтях: они говорят о недостатке железа в организме человека, нарушении обмена веществ или болезни щитовидной железы. Хрупкие или ломкие ногти тоже являются симптомом нарушения обмена веществ. По исчезновению лунок диагностируют болезнь печени или почек. В медицине есть термин *ногти Гиппократа*. Это чрезмерно выпуклые ногти, которые опытные врачи связывают с заболеваниями сердца, легких или кишечника.

Фразеологические обороты: *до кончиков ногтей* (до конца ногтей) ‘во всех отношениях, полностью’, *кусать ногти* ‘нервничать, волноваться’, *быть под ногтем у кого-то, на кончике ногтя, мужичок-с-ноготок*.

Жесты: **кусать ногти, грызть ногти, прижать к ногтю** (жест угрозы). Некоторые люди **кусают ногти** для снятия нервного напряжения.

* * *

Описание особенностей устной и письменной мультимодальной коммуникации неизбежно влечет за собой создание особых лингво-семиотических словарей. Такие словари призваны в максимальном объеме сообщать людям информацию о лексических и фразеологических единицах естественных языков и соответствующих им языков тела. И отдельно, и комбинируясь по определенным семантическим и синтаксическим правилам, они позволяют вскрыть те лексические характеристики мультимодальной коммуникации, которые не могут отразить по отдельности языковые словари и словари жестов.

Литература

- Baverlas 1990 – *Baverlas J.B.* Nonverbal and social aspects of discourse in face-to-face communication Text. Vol. 10. No. 1–2. 1990. P. 5–8.
- Calbris 1990 – *Calbris J.* The semiotics of French gestures. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1990. 236 p.
- Kendon 1992 – *Kendon A.* Some recent works from Italy on quotable gestures (“emblems”) // Journal of Linguistic anthropology. 1992. Vol. 2. No. 1. P. 72–93.
- McNeill 1992 – *McNeill D.* Hand and mind: What gestures reveal about thought. Chicago: Chicago Univ. Press, 1992. 423 p.
- Poggi, Magno-Caldognetto 1997 – *Poggi I., Magno-Caldognetto E.* Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione. Padova: Unipress, 1997.
- Taylor 1974 – *Taylor H.M.* Japanese kinesics // Journal of the Association of teachers of Japanese. 1974. Vol. 9. No. 1. P. 65–72.
- Бартми́нский 2018 – *Bartmiński J.* In the circle of inspiration of Anna Wierzbicka: the cognitive definition – 30 years later [В кругу вдохновения Анны Вежбицкой: когнитивное определение 30 лет спустя] // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Лингвистика: 2018. Т. 22. № 4: Культурная семантика и прагматика: к юбилею Анны Вежбицкой. P. 749–769.
- Гак 1977 – *Гак В.Г.* Сопоставительная лексикология. М.: Международные отношения, 1977. 264 с.
- Гришина 2017 – *Гришина Е.А.* Русская жестикуляция с лингвистической точки зрения. Корпусные исследования. М.: Языки славянской культуры, 2017. 743 с.
- Иорданская, Паперно 1996 – *Iordanskaya L., Paperno S.* A Russian – English collocational dictionary of the human body. Slavica Publishers, Inc. 1996.
- Ирисханова, Ченки 2018 – *Iriskhanova O.K., Cienki A.* The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges // Issues of cognitive linguistics. 2018. № 4 (57). С. 25–36.
- Крейдлин 2004 – *Крейдлин Г.Е.* Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 581 с.
- Крейдлин 2011 – *Крейдлин Г.Е.* Некоторые механизмы и способы взаимодействия вербальных и невербальных знаковых кодов в устной коммуникации людей // The 6th Meeting of the Slavic Linguistics Society (SLS). Aix-en-Provence. 2011. September 1–3. С. 184–192.
- Крейдлин 2014 – *Крейдлин Г.Е.* Семиотическая концептуализация тела и проблема мультимодальности // Экология языка и коммуникативная практика. 2014. № 2. С. 100–120.
- Крейдлин и др. 2014 – Язык и семиотика тела: В 2 т. / Г.Е. Крейдлин (отв. рук.), П.М. Аркадьев, А.Б. Летучий, С.И. Переверзева, Л.А. Хесед. М.: Новое литературное обозрение, 2014.
- СЯРЖ 2001 – *Григорьева С.А., Григорьев Н.В., Крейдлин Г.Е.* Словарь языка русских жестов. М.; Вена: Языки русской культуры; Венский славистический альманах. 2001. 256 с.
- Федорова 2018 – *Федорова О.В.* О русской жестикуляции с лингвистической точки зрения: к выходу монографии Е.А. Гришиной // Вопросы языкознания. 2018. № 5. С. 114–123.

References

- Baverlas, J.B. (1990), "Nonverbal and social aspects of discourse in face-to-face communication", *Text*, vol. 10, no. 1–2, pp. 5–8.
- Calbris, J. (1990), *The semiotics of French gestures*, Indiana Univ. Press, Bloomington, USA.
- Gak, V.G. (1977), *Sopostavitel'naya leksikologiya* [Comparative lexicology], Mezhdunarodnye otnosheniya, Moscow, Russia.
- Kendon, A. (1992), "Some recent works from Italy on quotable gestures ('emblems')", *Journal of Linguistic anthropology*, vol. 2, no. 1, pp. 72–93.
- McNeill, D. (1992), *Hand and mind: What gestures reveal about thought*, Chicago Univ. Press, Chicago, USA.
- Poggi, I., Magno-Caldognetto E. (1997), *Mani che parlano. Gesti e psicologia della comunicazione*, Unipress, Padova, Italy.
- Taylor, H.M. (1974), "Japanese kinesics", *Journal of the Association of teachers of Japanese*, vol. 9, no. 1, pp. 65–72.
- Bartmiński J. (2018), "In the circle of Anna Wierzbicka's inspiration: cognitive definition 30 years later", *Vestnik Rossiiskogo Universiteta Druzhby Narodov*, vol. 22, no. 4: Cultural semantics and pragmatics: for the anniversary of Anna Wierzbicka, pp. 749–769.
- Grishina, E.A. (2017), *Russkaja zhestikul'atsia s lingvističeskoj točki zrenija. Korpysnyje issledovanija* [Russian gestures from a linguistic point of view. Corpus research], *Jazyki slavyanskoj kul'tury*, Moscow, Russia.
- Iordanskaya, L. and Paperno S. (1996), *A Russian – English collocational dictionary of the human body*, Indiana University Bloomington: Slavica, USA.
- Irishkanova, O.K. and Cienki A. (2018), "The semiotics of gestures in cognitive linguistics: contribution and challenges", *Issues of cognitive linguistics*, vol. 57, no. 4, pp. 25–36.
- Kreidlin, G.E. (2004), *Neverbal'naja semiotika. Jazyk tela i estestvennyj jazyk* [Non-verbal semiotics. Body language and natural language], *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, Russia.
- Kreidlin, G.E. (2011), "Some mechanisms and ways of interaction of verbal and non-verbal sign codes in oral communication of people", in *The 6th Meeting of the Slavic Linguistics Society (SLS)*, Univ. de Provence, Aix-en-Provence, France, September 1–3, pp. 184–192.
- Kreidlin, G.E. (ed.), Arkadiev, P.M., Letuchii, A.B., Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. (2014), *Telo i telesnost' v estestvennom jazyke i jazyke zhestov* [Body and corporeality in natural language and sign language], 2 vol, *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, Russia.
- Grigoryeva, S.A., Grigoryev, N.V., and Kreidlin, G.E. (2001), *Slovar' jazyka russkikh zhestov* [Dictionary of Russian Sign Language], *Jazyki russkoj kul'tury; Venskij slavističeskij almanach*, Moscow-Vienna.
- Kreidlin, G.E. (ed.), Arkadiev, P.M., Letuchij, A.B., Pereverzeva, S.I. and Khesed, L.A. (2014), *Telo i telesnost' v estestvennom jazyke i jazyke zhestov* [Body and corporeality in natural language and sign language], 2 vol., *Novoe Literaturnoe Obozrenie*, Moscow, Russia.

- Grigoryeva, S.A., Grigoryev, N.V., and Kreidlin, G.E. (2001), *Slovar' jazyka russkih zhestov* [Dictionary of Russian Sign Language], *Jazyki russkoj kul'tury; Venskii slavisticheskii almanach*, Moscow, Russia, Vienna, Austria.
- Fyodorova, O.V. (2018), "On Russian gestures from a linguistic point of view: to the publication of the monograph by E.A. Grishina", *Voprosy yazykoznanija*, no. 5, pp. 114–123.

Информация об авторе

Григорий Е. Крейдлин, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; gekr@iitp.ru

Information about the author

Grigory E. Kreidlin, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; gekr@iitp.ru

Обзор межвузовской научной конференции
«Язык и методы его описания»,
РГГУ, 28 января 2021 г.,
кафедра теоретической и прикладной лингвистики

Валентина Г. Кульпина

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
Москва, Россия, vgrkulpina@mail.ru*

Аннотация. В конференции «Язык и методы его описания», состоявшейся в Российском государственном гуманитарном университете 28 января 2021 г. на кафедре теоретической и прикладной лингвистики, обсуждались методы лингвистических исследований, связанные с теоретическими проблемами языкознания и вузовским преподаванием. Участниками конференции затрагивались вопросы лингвистической прагматики, языковых категорий в дидактических аспектах, механизмов порождения ошибок. Особое внимание было уделено специалистам по прикладной лингвистике, профстандартам этой специальности.

Ключевые слова: лингвистические конференции, лингвистические методы, лингводидактика, русский язык

Для цитирования: Кульпина В.Г. Обзор межвузовской научной конференции «Язык и методы его описания», РГГУ, 28 января 2021 г., кафедра теоретической и прикладной лингвистики // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 255–263. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-255-263

The review of the conference
“Language and methods of its description”,
Russian State University for the Humanities,
28 January 2021,
chair of theoretical and applied linguistics

Valentina G. Kulpina

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia, vgrkulpina@mail.ru

Abstract. The review of the conference held at the Russian State University for the Humanities on January 28, 2021 discusses methods of linguistic studies connected with theoretical problems of linguistics and its university teaching. The participants of the conference touched upon the questions of lin-

guistic pragmatics, language categories in didactic aspects, mechanisms giving rise to mistakes. Particular attention was paid to the education of specialists on applied linguistics and the development of professional standards for this specialization.

Keywords: linguistic conference, linguistic methods, linguodidactics, Russian language

For citation: Kulpina, V.G. (2021), "The review of the conference 'Language and methods of its description', Russian State University for the Humanities, 28 January 2021, chair of theoretical and applied linguistics", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part. 2, pp. 255-263, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-255-263

Конференция «Язык и методы его описания», состоявшаяся в Российском государственном гуманитарном университете (РГУ) 28 января 2021 г., была организована кафедрой теоретической и прикладной лингвистики.

Хотя о тематике конференции не скажешь, что она «единственная в своем роде» (тематически похожие проводятся регулярно), однако ее тема всегда волнует лингвистов, ее отличительное свойство – она всегда нова, и всегда есть что обсудить. Однако данной конференции особый нюанс придает то, что это университетская конференция, межвузовская, к тому же организованная кафедрой, для которой эта тематика животрепещущая, – т. е. кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, – с приглашением широкого круга специалистов из других университетских центров.

Первым на конференции прозвучал доклад Елены Георгиевны Борисовой (МГПУ). «Тезис, антитезис, синтез: о прагматическом возвращении к алгоритмизуемости в описании языка». В докладе освещался широкий спектр теоретических проблем языкознания, вопросов педагогической деятельности и прагматики преподавательского труда. Елена Георгиевна Борисова обратила внимание на то, что смена научных парадигм привела к размыванию критериев достоверности научного знания, которые были достаточно надежны, когда опора была на применение математических методов и других, связанных с точными науками. Она полагает, что в наши дни также есть возможность остаться в кругу критериев эксплицитности и алгоритмизации. Так, в частности, логично было бы обратиться к прагматическим приемам моделирования поведения говорящего и слушающего, в целом к принципам взаимодействия участников речевой коммуникации, на основе понятия континуальности (соответствующего самой природе языка) для получения

на выходе дискретных и соизмеримых языковых единиц. Участники конференции узнали о выходе монографии докладчицы [Борисова 2021].

Далее научное сообщество конференции перешло к докладу Валентины Юрьевны Апресян (НИУ ВШЭ) «Лингвистические категории в аспекте преподавания: разные проекты – разная аудитория – разные подходы». Эмпирической базой доклада послужил Корпус газетных заголовков (КГЗ). Благодаря докладу можно было усвоить ту истину, что в заголовках во главу угла ставится их суггестивность, а уже вторым вопросом идет, насколько они соответствуют содержанию статей. Иными словами, заголовки не совсем соответствуют их содержанию (имеют место ложные пресуппозиции и импликатуры, недоговаривания, искажения модальности). Докладчица ставила своей целью вскрыть языковые механизмы создания таких структур. На том же материале КГЗ обсуждались вопросы референции в разных преломлениях (слова-эгоцентрики, цитатная референция, автонимные употребления, особые случаи референции с помощью неопределенных местоимений). Доклад можно было отнести к педагогической лингвистике, так как в нем затрагивался ряд ошибок (весьма специфичных). На основе экспериментальных исследований предлагалось обращать внимание на моменты тонкой полисемии, чтобы путем тонкого семантического анализа выявлять ошибочность суждений. Тематика валентности освещалась в увязке с семантическими ролями.

Немалое оживление в нашем виртуальном зале вызвал доклад Ксении Михайловны Шилихиной (Воронежский госуниверситет) «Разработка профстандарта “Прикладной лингвист”: основные проблемы», в котором докладчица затронула вопросы, волнующие все лингвистическое сообщество, но ряд вопросов касался лишь «прикладников». В целом же речь шла о документах, определяющих нашу с вами квалификацию. В профстандарты заложен определенный уровень образования, необходимый для ведения определенных типов педагогической работы – общепедагогической, воспитательной, развивающей. Затрагивалась проблематика компетенций, которая особенно для нас важна по многим причинам, в том числе в связи с необходимостью писать программы и составлять учебные планы. Трудовая деятельность должна быть «подключена» к дисциплинам – таким, например, как общая семантика или общая лексикография. Докладчица подчеркивала, что специальность лингвиста-прикладника должна ориентироваться на рынок труда. Она указала на проблемные моменты в определении профстандартов для данной категории специа-

листов, в частности, на трудности их привязки к традиционным лингвистическим дисциплинам. Сфера действия обсуждаемых профстандартов – это интеллектуальная деятельность в соотносительности с потребностями общества. Профстандарты очевидным образом связаны с возможностями трудовой деятельности. Так, бакалавр, согласно этим стандартам, не может вести педагогическую деятельность, таковая возможна лишь начиная с уровня магистра. Интерес вызвала должность *технического писателя* как разработчика документов в соответствии с действующими нормативами. В докладе акцентировалась роль АПИФИПЛ – «Ассоциации преподавателей и исследователей в области фундаментальной и прикладной лингвистики» как важного общественного форума для обсуждения проблематики профстандартов в нашей отрасли.

Ирина Всеволодовна Высоцкая (Новосибирский госуниверситет [НГУ]) в докладе «Текст с заданными условиями: из опыта преподавания курса “Стилистика современного русского языка”» анализировала механизм порождения ошибок, обращаясь к интересному иллюстративному материалу современных литературных текстов.

Юлия Михайловна Кувшинская (НИУ ВШЭ) в докладе «Работа над ошибками: ошибки в учебных текстах как инструмент обучения и предмет студенческих исследований», делясь своим опытом преподавания, обращает внимание в первую очередь на неслучайные, «стандартные» языковые ошибки, которые в случае их массовости могут стать предвестником новых тенденций в языке. Докладчица поделилась с участниками конференции библиографией своих работ и работ коллег по теме доклада – Н.С. Григорьевой, Н.А. Зевахиной, М.В. Русаковой. Проблемы нормы и отклонений от нее анализировались по уровням с точки зрения регулярности ошибок, в том числе ошибок на управление, лексическую сочетаемость, на избыточное употребление причастий, на сравнительную степень. Речь шла также о разметке по типам ошибок, о редактировании и саморедактировании.

Павел Борисович Паршин (МГИМО, МГЛУ) выступил с докладом «Термин “общее языкознание” как предмет семиотического описания». П.Б. Паршин рассмотрел «Введение в языкознание» как учебную дисциплину, а «Общее языкознание» как учебную дисциплину и как науку. Он рассказал также о книге «Введение в науку о языке» [Кибрик и др. 2019], учебном издании в области фундаментальной, прикладной и компьютерной лингвистики, задуманном профессором А.Е. Кибриком и завершённом коллективом специалистов – сотрудников и выпускников МГУ имени М.В. Ломоносова:

А.Е. Кибриком, долгое время трудившимся над этим изданием, А.А. Кибриком, С.Г. Татевосовым, О.В. Федоровой, Е.А. Лютиковой, О.Ф. Кривновой, А.В. Архиповым, С.Ю. Толдовой, С.А. Бурлак, М.А. Даниэлем, М.Б. Бергельсон, И.М. Кобозевой, А.А. Бонч-Осмоловской, Ю.В. Николаевой, О.И. Беляевым, В.М. Алпатовым и др. Подчеркивался широкий круг освещаемой в книге проблематики и широта научных воззрений ее авторов. Не все из нашей онлайн-аудитории знали о выходе этой книги и охотно взяли ее на заметку и на вооружение.

Оксана Анатольевна Волошина (МГУ имени М.В. Ломоносова) в своем обширном докладе «Опыт преподавания курсов “Основы языкознания” и “Общее языкознание” студентам бакалавриата и магистратуры» ставила проблемы наполнения указанных в заглавии курсов, которые видятся ей как конгломерат таких предметов, как семиотика, лингвогеография, социолингвистика, этнолингвистика, лингвокультурология, история языка. Оксана Анатольевна остановилась на вопросах понятийной и терминологической базы курсов, на темах, формирующих его структуру. Она указывала на то, что опорой курса всегда должна быть хрестоматия, настаивала на детальности рассмотрения учебного материала и формировании навыков его практического анализа. Идеи, прозвучавшие в докладе, получили свое освещение и развитие в книге докладчицы [Волошина 2021].

Ольга Анатольевна Казакевич (РГГУ, ИЯз РАН) представила доклад «О необходимых студентам-лингвистам знаниях по морфологии и о том, как им эти знания передать», рассказав о проблемах с усвоением знаний по морфологии, о восприятии студентами предмета. Ставились актуальные проблемы обучения глоссированию, морфологической разметке.

В докладе Татьяны Юрьевны Кобзаревой (РГГУ) «Некоторые проблемы преподавания теоретического синтаксиса и возможные подходы к их решению» обсуждались проблемы сегментации текста, визуализации сегментов сложных предложений в дидактических целях.

Доклад Николая Алексеевича Коротаева (РГГУ) «“Наивное аннотирование” как инструмент преподавания лингвистических дисциплин» был посвящен новым оригинальным методам курсанализа, применяемым к материалу устной речи студентов и служащим подспорьем в усвоении студентами лингвистических предметов.

В докладе Татьяны Вадимовны Базжиной (РГГУ) «Языковое саморазвитие взрослого» речь шла об «умении индивида выражать желаемое, нужное, важное доступными ему средствами без ущерба

для собственной репутации». Докладчица с изрядной долей юмора давала «простые, но важные рекомендации, которым не все следуют в силу того, что о них не знают», а именно: 1) проверять свой текст, 2) обращаться при этом к словарям, 3) быть редакторами самим себе, 4) уметь прогнозировать, «как слово наше отзовется». Она подчеркнула, что неграмотность чревата потерей рабочего места. Докладчица касалась проблем экологии использования языка, проблем этикета в межкультурном аспекте, указывала на востребованность специалистов по межкультурной коммуникации.

Светлана Маратовна Евграфова (РГУ) выступила с докладом «О текстах, тестах и контролирующей функции языка», в котором рассматривались проблемы функциональной стилистики, лингводидактики, прагматики понимания текста, его интерпретации и редактирования.

В докладе Кетеван Тамазовны Гадилия (РГГУ) «Теория перевода: ожидания студентов и проблемы преподавания» обсуждались проблемные узлы ведения курса теории перевода, освещались проблемы эквивалентности и переводческих решений.

Елена Петровна Буторина (РГГУ) в докладе «Сложность официального текста и подходы к его исследованию» подчеркнула, что официальный текст функционирует в официальном поле, а это предполагает его правовое регулирование и соблюдение норм. Такой текст являет собой сложную многоаспектную языковую реальность, а его функция заключается в регулировании поведения людей и, соответственно, в регулирующем воздействии на соблюдение ими правил поведения. Среди характеристик официального текста указывалось, что реальный субъект в нем часто не называется (например, текст «Плата не взимается» означает, что платить не надо). Рассказывая о проблемах подготовки текстов законопроектов, она высказала свое убеждение, что «у создателей официальных текстов должен быть солидный лингвистический бэкграунд». В качестве полезного источника упоминался словарь «Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник» (отв. ред. Л.Ю. Иванов. Москва: Флинта; Наука, 2007).

Нина Тимофеевна Валеева (РГГУ) в докладе «Почему *coronavirus* не носят *las ffr2*, или Пандемия глазами носителей испанских диалектов» представила языковые новации на тему пандемии коронавируса и творческих процессов их порождения, расцветшие в испаноязычном мире за последнее время. В панлатиноамериканских масштабах создаются словники ключевых концептов пандемии. При этом медицинские термины *коронавирус*, *коллективный иммунитет* и др. специфическим образом преломляются в разных испаноязычных странах и в самой Испании. В бытовом общении

наблюдается особое по своей стилистике функционирование новых моделей неологизмов, на все лады варьирующих все ту же тему.

Софья Юльевна Семенова (РГГУ, ИНИОН РАН) в докладе «О метаязыке словаря РУСЛАН: выразительные средства и некоторые лакуны» рассказала о близком к завершению, очень нужном и актуальном «Автоматическом словаре». Разработчиками словаря в разные годы были Н.Н. Леонтьева (автор концепции словаря, разработчик его структуры и метаязыка), Б.В. Добров, А.В. Сокирко, Е.В. Горелик, М.В. Ермаков, Е.Р. Иоанесян, А.С. Панина, Е.М. Сморгунова. Координаторы проекта: М.С. Шаталова, в настоящее время – С.Ю. Семенова. Она же в настоящее время является руководителем проекта. С.Ю. Семенова представила обновленную концепцию словаря, словарные ресурсы, рассказала о проблемах структурирования словарной информации.

Людмила Львовна Федорова (РГГУ) в докладе «“Слова и словечки”: что может дать корпус для исследования языка писателя» показала широкие возможности и полезность корпусного поиска для изучения языка писателя. Так, ей удалось расширить представления о функциях цвета в художественном тексте. Обратившись к проблематике цвета в языке Достоевского и Тургенева, Л.Л. Федорова обнаружила, что хотя оба писателя в своих произведениях отводят цветообозначениям значительное место, особенно в портретах своих героев, цветовая палитра Тургенева богаче, в том числе по выполняемым цветообозначениями функциям. Так, цветовые диминутивы способны играть в его произведениях особую, уничижительную роль. Из примеров («У Вереницына дочь, **зелененькая**, знает, такая, **глазки бледненькие**, **носик красненький**, **зубки желтенькие**, ну, словом, очень любезная девица») становится понятно, что термины цвета в диминутивном согласовании послужили у Тургенева передаче иронического отношения к героине. Еще на основании доклада Л.Л. Федоровой можно было сделать вывод, что цветоупотребления у Тургенева далеко не случайны и что его интерес к цвету в языке весьма глубок. Так, в своих произведениях он оживляет древнерусские способы выражения оттеночности – ср., напр., *избура-красный*, *изжелта-карий*, *исчерна-серый* (ср. сохранившийся в русском языке реликт *иссиня-черный*). Из обещанных докладчицей словечек чрезвычайно свежо прозвучало *нѣщечко* – ‘маленькая вещица, которой любятся’ (диминутив от *нечто*).

Тема ошибок, педагогической (дидактической) лингвистики как таковой была на нынешней конференции постоянно на повестке дня, впрочем, в университетской среде в этом нет ничего удивительного. Тематику ошибок в исключительно развернутом виде предста-

вила Татьяна Владимировна Скулачева (ИРЯ им. В.В. Виноградова РАН, РГГУ) в докладе «Детекция ошибок в стихе и прозе» от имени целого ряда коллег: Н.А. Слюсарь (НИУ ВШЭ и СПбГУ), А.Э. Костюк (МГУ им. М. В. Ломоносова), А.А. Липиной (РГГУ), Э.И. Латыпова (РГГУ) и В.М. Королевой (РГГУ). Идея доклада была связана с различным восприятием человеком поэзии и прозы. Доказательством таких различий послужила серия экспериментов, демонстрирующих более быструю реакцию человека на логическую ошибку при чтении прозаического текста по сравнению со стихотворным.

Собравшиеся в виртуальном зале участники еще долго не расходились «по домам». Модераторам конференции – Л.Л. Федоровой и Т.В. Скулачевой – высказали пожелание в будущем строже следить за регламентом конференции. Впрочем, если конференция и вышла за обозначенные временные рамки (разве что совсем чуть-чуть), зато участники могли беспрепятственно выразить свои суждения о предмете своих докладов. Несмотря на некоторую камерность, конференция выполнила свою миссию, серьезный разговор состоялся, участники обогатились свежими знаниями, идеями и библиографией, получили ответы на многие актуальные вопросы сегодняшнего дня в лингвистике и лингводидактике.

Литература

- Борисова 2021 – *Борисова Е.Г.* Интерактивный подход к описанию лексики и грамматики. Москва: Флинта, 2021. 196 с.
- Волошина 2021 – *Волошина О.А.* Языкознание в калейдоскопе идей. Очерки по истории лингвистических учений. Москва: Водолей, 2021. 460 с.
- Кибрик А.Е., Кибрик А.А., Татевосов и др. 2019 – *Кибрик А.Е., Кибрик А.А., Татевосов С.Г., Федорова О.В., Лютикова Е.А., Кривнова О.Ф., Архипов А.В., Толдова С.Ю., Бурлак С.А., Даниэль М.А., Бергельсон М.Б., Кобозева И.М., Бонч-Осмоловская А.А., Николаева Ю.В., Беляев О.И., Алтатов В.М. и др.* Введение в науку о языке. Москва: Буки Веди, 2019. 672 с.

References

- Borisova, E.G., (2021), *Interaktivnyi podkhod k opisaniyu leksiki i grammatiki* [Interactive approach to description of lexis and grammar], Moscow, Flinta, Russia.
- Kibrik, A.E., Kibrik, A.A., Tatevosov, S.G., Fedorova, O.V., Lyutikova, E.A., Krivcova, O.F., Archipov, A.V., Toldova, S.Ju., Burlak, S.A., Daniel, M.A., Bergelson, M.B.,

- Kobozeva I.M., Bonch-Osmolovskaya, A.A., Nikolaeva, Ju.V., Belaev, O.I., Alpatov, V.M., and others (2019), *Vvedenie v nauku o yazyke* [Introduction to the science of language], Buki Vedi, Moscow, Russia.
- Voloshina, O.A. (2021), *Yazykoznanie v kaleidoskope idei. Ocherki po istorii lingvistichekikh uchenii* [Linguistics: kaleidoscope of ideas. Essays on history of linguistic studies], Vodoley, Moscow, Russia.

Информация об авторе

Валентина Г. Кульпина, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13; vgrkulpina@mail.ru

Information about the author

Valentina G. Kulpina, Dr. of Sci. (Philology), assistant professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 13, bld. 1, Leninskiye gory, Moscow, Russia, 119991; vgrkulpina@mail.ru

In memoriam

УДК 81-112

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-264-273

Сергей Всеволодович Кулланда
(23.08.1954 – 30.11.2020)

Павел В. Башарин

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, pbasharin@yandex.ru*

Антон О. Захаров

*Институт востоковедения РАН, Москва, Россия
Zakharov_anton@mail.ru*

Аннотация. В статье рассматриваются основные вехи научной деятельности С.В. Кулланда и обобщается его научное наследие. Его можно поделить на два периода. Первый посвящен исследованиям по истории, этнографии и языкам Австронезии: история древней Явы и праавстронезийских обществ, австронезийское языкознание. Во второй период ученый обратился к изучению индоевропейских и иранских сюжетов: реконструкция системы индоевропейских половозрастных групп на основе терминов родства, проблема мужских союзов в индоевропейском обществе, скифское языкознание, правосточнокавказские заимствования в праиндоиранский. Магистральной проблемой, занимавшей С.В. Кулланда на протяжении всей научной деятельности, стала разработка глубокой семантической реконструкции праязыковых терминов родства, в ходе работы над которой исследователь привлекал данные языка, истории, этнографии. Побочными темами стали происхождение индийских варн, реконструкция первичного образа ведийского бога Индры, отдельные этимологии для австронезийских, индоиранских и кавказских языков.

Ключевые слова: С.В. Кулланда, древняя Ява, австронезийское языкознание, термины родства, мужские союзы, скифский язык, правосточнокавказские заимствования в праиндоиранский

Для цитирования: Башарин П.В., Захаров А.О. Сергей Всеволодович Кулланда (23.08.1954 – 30.11.2020) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 264–273. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-264-273

© Башарин П.В., Захаров А.О., 2021

Sergei Vsevolodovich Kullanda
(23.08.1954 – 30.11.2020)

Pavel V. Basharin

*Russian State University for the Humanities
Moscow, Russia, pbasharin@yandex.ru*

Anton O. Zakharov

*Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia, Zakharov_anton@mail.ru*

Abstract. The paper examines the major milestones of Sergei V. Kullanda's scientific activity and summarizes his heritage. During the first half of his career, Sergei Kullanda focused on Austronesian studies: the history of ancient Java and pre-Austronesian societies as well as Austronesian linguistics. Later Kullanda turned to Indo-European and Iranian studies: reconstruction of the Indo-European system of age and gender groups based on kinship terms, the problem of male unions in the Indo-European society, Scythian linguistics, and Proto-East-Caucasian loanwords in Proto-Indo-Iranian. The development of deep semantic reconstruction of the Proto-Indo-European kinship terms was the central topic for Sergei Kullanda. In his Austronesian and Indo-European studies he combined data of language, history and ethnography. Kullanda's minor works covered such topics as the origin of Indian *varṇas*, reconstruction of the original character of the Vedic god Indra, and etymologies for Austronesian, Indo-Iranian and Caucasian languages.

Keywords: Sergei V. Kullanda, ancient Java, Austronesian linguistics, kinship terms, male unions, Scythian language, Proto-East-Caucasian loanwords in Proto-Indo-Iranian

For citation: Basharin, P.V. and Zakharov, A.O. (2021), "Sergei Vsevolodovich Kullanda (23.08.1954 – 30.11.2020)", *RSUH/RGGU Bulletin, "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 2, part 2, pp. 264-273, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-264-273

Фото В.А. Погадаева (2010)

30 ноября 2020 г. ушел Сергей Всеволодович Кулланда. Мягкий, невероятно доброжелательный, интеллигентный человек. Уникальный филолог и историк, специалист одновременно и по индоевропеистике, и по скифо-сарматскому миру, и по яванско-малайско-полинезийским обществам и языкам.

С.В. Кулланда родился в семье археолога Марии Николаевны Погребовой и Всеволода Романовича Кулланды 23 августа 1954 г. Родители Сергея Всеволодовича окончили исторический факультет Московского университета, и он отчасти пошел по их стопам – окончил в 1976 г. Институт стран Азии и Африки МГУ. В 1976 г.

С.В. Кулланда стал сотрудником Института востоковедения АН СССР (позже РАН) и проработал в нем всю жизнь.

Сергея Всеволодовича отличала невероятная требовательность к себе. Лишь в 1988 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук «К проблеме возникновения древнеяванского государства» (утверждена ВАК 27.01.1989). Переработанный текст диссертации лег в основу первой монографии С.В. Кулланды «История древней Явы» [Кулланда 1992]¹.

Ранние статьи Сергея Всеволодовича, написанные под влиянием его научного руководителя и популяризатора количественных исследований в востоковедении Деги Витальевича Деопика, посвящены реконструкции древнеяванского общества при помощи количественного анализа эпиграфических данных. Но уже в начале 1980-х гг. Сергей Всеволодович перешел к семантическому анализу древнеяванских памятников и их терминологии. Две статьи в главном журнале советских востоковедов «Народы Азии и Африки» содержали виртуозную историко-филологическую реконструкцию праавстронезийских обществ на основе данных множества австронезийских языков, включая древнеяванский, древнемалайский, минангкабау и другие [Кулланда 1982; Кулланда 1983]. С.В. Кул-

¹ Список работ С.В. Кулланды до 2013 г. опубликован на странице сайта ИВ РАН: <https://ivran.ru/persons/SergeyKullanda>

ланда сделал вывод о высокоразвитой цивилизации малайско-полинезийских народов до усвоения ими индийской письменности, или индианизации. Тем самым отвергалась широко распространенная концепция цивилизаторской функции древних индийцев в Юго-Восточной Азии.

Первая монография С.В. Кулланды «История древней Явы» необычна по всем параметрам. Во-первых, в ней почти отсутствует событийная политическая история. Нет и рассуждений о формационной природе яванского общества конца I тыс. н. э. Уже заглавие монографии свидетельствует о достаточно условном восприятии термина «древний»: Ява I тысячелетия была одновременно и древней, и средневековой. Сергей Всеволодович не видел смысла в спорах о том, когда на Малайском (Индонезийском) архипелаге древность сменилась средневековьем. Во-вторых, в монографии преобладает история социальных институтов. В-третьих, в исследовании используются методы сравнительно-исторического языкознания. По меньшей мере две главы касаются не столько Явы и древнеяванских царств, сколько праавстронезийских и, уже, западноавстронезийских обществ. Первая характеризует высокий уровень развития земледелия и мореплавания у праавстронезийцев V–IV тыс. до н. э. (если в их навыках мореплавателей никто не сомневался, то земледелие в форме рисоводства за ними признавали отнюдь не все). Западноавстронезийцы отличались уже ведением поливного рисоводства и наличием ремесел и торговли. У западноавстронезийских народов, из которых в дальнейшем выделились древнеяванский и древнемалайский этносы, военное дело стало профессиональным. У этих народов на рубеже эр существовали большая семья или агнатическая группа и система половозрастной стратификации. С возрастным классом юношей-воинов С.В. Кулланда связывает широкую миграцию австронезийских народов. Возрастной класс «отцов» охватывал взрослых мужчин, а его название стало обозначать старейшин (праавстронез. *Dama, яван. *rāma*). Название класса молодых мужчин *Daka (яван. *raka*) '(старший) брат' стало одновременно обозначением царей и вождей. В западноавстронезийском обществе наблюдаются межобщинные объединения-вождества, зависимые слои и знать, культ предков и священных предметов, петушиные бои. По мысли Сергея Всеволодовича, прочные государственные образования у австронезийских народов возникали лишь там, где имелись возможности для успешного ведения поливного рисоводства.

Анализируя эпиграфику, С.В. Кулланда показал, что раннеяванское государство было конгломератом традиционных княжеств, слабо связанных с центральным правительством. Основой

социальной структуры была большесемейная земледельческая община *wanua*. Среди общин существовала иерархия. Все полноправные члены общества, от правителей до крестьян, считались членами какой-либо общины (*anak wanua* 'дети общины').

В дальнейшем Сергей Всеволодович перешел к изучению древнеиранских и скифских сюжетов. К истории малайского мира он обращался время от времени, выполнив перевод на русский язык надписи Шривиджайи из Кота Капур с острова Банка 686 г. [Кулланда 2001] и обсудив вопрос о происхождении топонима *Ява* на страницах журнала *Indonesia and the Malay World* [Kullanda 2006]. Он неоднократно рецензировал работы зарубежных и российских специалистов по индонезийской истории и языкознанию (Ф. ван Нурсена и Р. Де Йонга, Н.С. Сеттен ван дер Меер, Жильбера Амоника, Виллема ван дер Молена, Дени Ломбара, Роберта Бласта, Роджера Бленча, И.И. Пейроса, А.О. Захарова), занимая всегда позицию внимательного, но вместе с тем добродушного критика. По объему знаний о древней Яве и австронезийскому языкознанию Сергей Всеволодович, несомненно, опережал всех своих современников, и, пожалуй, равного ему не будет еще очень долго.

Одной из тем, занимавших Сергея Всеволодовича на протяжении всей научной жизни, стала разработка глубинной семантической реконструкции праязыковых терминов родства. Уже занимаясь древним яванским обществом, ученый выдвинул гипотезу половозрастной основы социальных институтов, отраженных в терминологии родства. Позже он пришел к мысли, что половозрастная стратификация засвидетельствована в древних письменных памятниках и этнографических описаниях разных традиций земного шара. Изучение текста Ригvedы и сопоставление данных ведийской культуры с данными как иранских, так и прочих индоевропейских народов привело ученого к построению гипотезы о наличии в праиндоевропейском обществе половозрастных групп. С.В. Кулланда отметил, что реконструируемую систему праиндоевропейских терминов родства часто подразделяют на термины кровного родства и термины для свойственников. Анализируя терминологию родства и свойства, исследователь предположил наличие половозрастной стратификации в основе индоевропейской системы родства, которая на праиндоевропейском уровне эволюционировала в сторону классификационного родства. Следуя Э. Бенвенисту, он выделил пять социальных терминов, оформленных праиндоевропейским суффиксом **-ter-*, показателем лексического класса терминов родства: **ph₂tér-* 'отец', **méh₂ter-* 'мать', **b^hréh₂ter-* 'брат', **d^hugh₂tér-* 'дочь', **h₂iénh₂ter-* 'жена брата мужа'. Данные термины, как полагал Сергей Всеволодович, исходя из семантики их рефлекс-

сов, обозначали преимущественно не индивидуумов, а группы лиц. Например, в праиндоевропейском обществе можно реконструировать бинарное деление всех половозрелых мужчин на две группы: старших **ph₂tér-* и младших ***b^hréh₂ter-*.

На основании этой гипотезы в своей последней монографии о происхождении индийских варн С.В. Кулланда предлагает искать корни варнового устройства в праиндоевропейской древности [Кулланда 2018]. Исследователь отмечает параллели этой системы в других архаичных индоевропейских обществах, например в делении на четыре сословия у греков-ионийцев (жрецы, стражи, ремесленники и земледельцы). Объясняя происхождение системы варн из половозрастной стратификации, исследователь предположил, что старшая возрастная группа эволюционировала в сословие жрецов, средняя – производителей материальных благ, младшая – воинов.

К этой же области относятся исследования Сергея Всеволодовича о статусе ведийского бога Индры. По предположению учебного, знаменитый миф об убийстве Вритры имеет позднее происхождение и не может, следовательно, характеризовать первичный образ этого божества. К числу первичных характеристик следует отнести образ нестареющего юноши среди юных Марутов. Этих не отличающихся между собой ведийских божеств ветра, дождя и грома, постоянно сопровождающих Индру, можно с полным правом назвать возрастной группой юношей-воинов. Еще С. Викандер заметил, что Маруты являются идеальным примером мужского союза. Таким образом, первоначально Индра олицетворял вождя союза юношей-воинов. В дальнейшем он стал царем. В одном из гимнов Ригведы Маруты вступают в конфликт с Индрой. Они заявляют, что без их помощи он не смог бы одержать победы над врагами. Подобные мужские союзы засвидетельствованы у иранцев, а также в других индоевропейских традициях. Итальянские союзы юношей, гезаты у галлов, скандинавские берсерки понимаются С.В. Кулландой как половозрастные социальные институты [Кулланда 1995; Кулланда 2018].

Основной проблемой, занимавшей С.В. Кулланду на протяжении второго периода научной деятельности, были язык и этногенез скифов, которыми он заинтересовался, занимаясь иранскими языками под руководством В.И. Абаева. Итог серии статей, посвященных этим проблемам, подвела монография «Скифы: язык и этногенез» [Кулланда 2016]. Рассуждения Сергея Всеволодовича строились на гипотезе К.Т. Витчака, который впервые предложил фонетические критерии разделения скифского и сарматского языков. Самым важным дифференцирующим признаком он считал развитие в двух языках праиранского **d*, отразившегося как *l* в

скифском и как *d* в сарматском. В российской науке до сих пор господствует мнение о чисто гипотетическом разделении скифского и сарматского языков. Данная установка была сформирована работами В.А. Абаева, называвшего скифским языком совокупность всех скифо-сарматских диалектов, существовавших на территории Причерноморья до IV–V вв. н. э.

С.В. Кулланда исходил из существования единого скифского языка, чьи фонетические особенности в одинаковой степени нашли отражение в иноязычных передачах. Следуя К.Т. Витчаку, С.В. Кулланда трактовал все случаи появления скифского *l* как отражение восточноиранского $\delta < *d$ (как в греческой передаче скифского этнонима Σκόλοτοι). Второй характерной особенностью скифской фонетики, согласно С.В. Кулланде, является переход начального *xš- в сибилант, что передавалось *sigмой* в греческой графике. В отличие от этого, в сарматском *xš- сохранялся и передавался греческой *ksi*. На основании этого С.В. Кулланда отказался от находящей поддержку ряда современных ученых гипотезы о сарматской атрибуции племени саев и, следуя Б.Н. Гракову, видел в них скифов. Праиранское *ś дало скифское *θ*, вопреки общему для всех прочих восточных иранских *s* (так, массагетскому имени собственному у Геродота Σπαργαπίσης соответствует скифское Σπαργαπειθής).

Занимаясь проблемой потенциальных скифизмов в древних иранских языках, Сергей Всеволодович уделял особое внимание этимологии древнеиранского *farnah*-/*x^oarnah*- (эманация божественного света, символизирующего верховную власть). Уже более века эта проблема является предметом незатихающих споров. Согласно мнению П. Лекока и А.М. Лубоцкого, лексема относится к скифскому словарю. С.В. Кулланда полагал такое отнесение безосновательным: переход $p > f$ перед гласным встречается в сарматском и осетинском, но не свойствен скифскому [Кулланда 2016, с. 126–129].

Скифская проблема, привлекавшая широкие слои историков, археологов и лингвистов, искусствоведов, антропологов, фольклористов уже с XIX века, в силу специфики материала до сих пор остается полем ожесточенных споров. Вызывая симпатии у археологов и искусствоведов, скифские гипотезы Сергея Всеволодовича наталкивались и на критику (например, со стороны А.И. Иванчика).

Еще мать Сергея Всеволодовича Мария Николаевна Погребова занималась контактами индоиранцев с населением Кавказа. Изучая идеи Э.А. Грантовского, два основных труда которого С.В. Кулланда переиздал [Грантовский 1998; Грантовский 2007], он стал сторонником гипотезы о движении древних иранских племен через Кавказ. В последнее десятилетие Сергей Всеволодович особенно часто обращался к контактам индоиранских племен с древними

кавказцами. Заимствованиям из северокавказских языков он посвятил несколько статей [Кулланда 2012; Kullanda 2014]. Опираясь на нерегулярные передачи ряда рефлексов в индоарийских и иранских языках, он полагал, что говорить о единовременном заимствовании северокавказской лексики не представляется возможным. Как и ряд исследователей-лингвистов, занимающихся этой проблемой, он пришел к мнению об интенсивных контактах индоиранцев с носителями северокавказских языков (возможно, прапахского). Особо существенным открытием представляется возведение греческой передачи иранского *ἄκινάκης* ‘персидский меч’ к прапахскому **hānki-* ‘железо’, **nekV* ‘нож’. Привлекало С.В. Кулланду и возведение др.-инд. *gandharvá* и авест. *gandarəβa-* к потенциальному прапахскому композиту **kanat* ‘мальчик, юноша; молодец, удалец’ + **vāri* ‘шайка, банда’. В этой гипотезе просматривается уже упомянутый интерес исследователя к институту мужских союзов.

Потрясающая разносторонность и глубокая эрудиция Сергея Всеволодовича в совершенно различных областях сочеталась с удивительной скромностью и порядочностью. Он был бесконечно принципиален и вместе с тем совершенно лишен карьеризма. О своих наблюдениях и открытиях он никогда не говорил громко, как бы стесняясь собеседника. Сергей Всеволодович никогда ни о чем не просил, но всегда первым предлагал свою помощь. Например, свободно владея французским языком, постоянно помогал коллегам – от директоров до молодых сотрудников учреждений, где он работал, и студентов. Периодически копировал распечатки новых публикаций для коллег, иногда даже целых книг (речь идет о периоде до моды на тотальное сканирование). К сожалению, открытые люди, подобные Сергею Всеволодовичу, часто сталкиваются с неблагодарностью и грубостью. Но на подобные негативные проявления он всегда пожимал плечами: мол, что поделаешь.

Память о Сергее Всеволодовиче Кулланде, добром, отзывчивом и удивительно мягком человеке, навсегда останется в сердцах всех знавших его людей.

Литература

- Грантовский 1998 – Грантовский Э.А. Иран и иранцы до Ахеменидов: Основные проблемы: Вопросы хронологии / Отв. ред. С.В. Кулланда. М.: Восточная литература, 1998. 343 с.
- Грантовский 2007 – Грантовский Э.А. Ранняя история иранских племен Передней Азии / 2-е изд., испр. и доп. М.: Восточная литература, 2007. 510 с.

- Кулланда 1982 – *Кулланда С.В.* Некоторые проблемы социального строя ранне-яванских государств: по данным эпиграфики VII – начала X в. // Народы Азии и Африки. 1982. № 5. С. 41–50.
- Кулланда 1983 – *Кулланда С.В.* Материальная культура и экономика народов Западной Индонезии в дописьменный период: по лингвистическим материалам // Народы Азии и Африки. 1983. № 5. С. 73–81.
- Кулланда 1992 – *Кулланда С.В.* История древней Явы. М.: Восточная литература, 1992. 221 с.
- Кулланда 1995 – *Кулланда С.В.* Царь богов Индра: юноша – воин – вождь // Ранние формы политической организации: от первобытности к государственности / Под ред. В.А. Попова. М.: Восточная литература, 1995. С. 104–125.
- Кулланда 2001 – *Кулланда С.В.* Надпись Кота Капур: 608 г. эры шака – 686 г. н. э. // Дорофеева Т.В. История письменного малайского языка: VII – начала XX в. М.: Гуманитарий, 2001. С. 250–256.
- Кулланда 2012 – *Кулланда С.В.* К проблеме лексических контактов северокавказских, индоиранских и классических языков // Индоевропейское языкознание и классическая филология–XVI: Материалы чтений, посвященных памяти профессора И.М. Тронского / Отв. ред. Н.Н. Казанский. СПб.: Наука, 2012. С. 406–415.
- Кулланда 2016 – *Кулланда С.В.* Скифы: язык и этногенез. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2016. 215 с.
- Кулланда 2018 – *Кулланда С.В.* Происхождение варн. М.: ИВ РАН, 2018. 152 с.
- Kullanda 2006 – *Kullanda S.V.* Nushāntara or Java: the acquisition of the name // *Indonesia and the Malay World*. 2006. Vol. 34. P. 91–97.
- Kullanda 2014 – *Kullanda S.V.* North Caucasian Loanwords in Indo-Iranian and Iranian // *Scripta Antiqua: Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры: альманах. Т. 3: К юбилею Э.В. Ртвеладзе* / Отв. ред. М.Д. Бухарин. М.: Собрание, 2014. С. 717–725.

References

- Grantovskii, E.A. (1998), *Iran i irantsy do Akhemenidov. Osnovnyje problemy. Voprosy khronologii* [Iran and the Iranians before the Achaemenids. Main Problems. Issues of chronology], Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura", Moscow, Russia.
- Grantovskii, E.A. (2007), *Rann'aja istoria iranskikh plemen Perednei Azii* [The early history of the Iranian tribes of Western Asia], 2nd ed., revised and enlarged, Izdatel'skaia firma "Vostochnaia literatura", Moscow, Russia.
- Kullanda, S.V. (1982), "Some problems of the social structure of Early Javanese states. Based on epigraphy of the 7th and early 10th centuries", *Narody Azii i Afriki*, no. 5, pp. 41–50.
- Kullanda, S.V. (1983), "The material culture and economy of the peoples of Western Indonesia in the Pre-Colonial period. Based on linguistic materials, *Narody Azii i Afriki*, no. 5, pp. 73–81.
- Kullanda, S.V. (1992), *Istoria drevnei Javy* [History of Ancient Java], Vostochnaia literatura, Moscow, Russia.
- Kullanda, S.V. (1995), "Indra, the king of the Gods: young man – warrior – leader", in Popov, V.A. (ed.), *Rannie formy politicheskoi organizatsii: ot pervobytnosti k gosu-*

- darstvennosti* [Early forms of political organization: from primitive to statehood], Vostochnaia literatura, Moscow, Russia, pp. 104–125.
- Kullanda, S.V. (2001), “The Kota Kapur inscription of Śaka year 608, or 686 CE”, in Dorofeeva, T.V. *Istoria pismennogo malaiskogo jazyka (VII – nachala XX v.)* [History of the written Malay language. 7th – early 20th centuries], Gumanitarij, Moscow, Russia, pp. 250–256.
- Kullanda, S.V. (2006), “Nushāntara or Java: the acquisition of the name”, *Indonesia and the Malay World*, vol. 34, pp. 91–97.
- Kullanda, S.V. (2012), “On the problem of lexical contacts between North-Caucasian, Indo-Iranian and classical languages” in Kazanskii, N.N. (ed.), *Indoevropejskoje jazykoznanie i klassicheskaja filologija–XVI. Materialy chtenij, posviashennykh pamiati professora I.M. Tronskogo* [Indo-European linguistics and classical philology–XVI. Proceedings of readings in memory of professor I.M. Tronsk]), Nauka, Saint Petersburg, Russia, pp. 406–415.
- Kullanda, S.V. (2014), North Caucasian Loanwords in, Indo-Iranian and Iranian, in Bukharin, M.D. (ed), *Scripta Antiqua. Voprosy drevnej istorii, filologii, iskusstva i material'noj kul'tury: al'manakh. Vol. 3: K jubileju Edvarda Vasil'jeviticha Rtveldze* [Scripta Antiqua. Philology, arts and material culture. The almanac. Vol. 3: Edward Rtveldze felicitation volume], Sobranie, Moscow, Russia, pp. 717–725.
- Kullanda, S.V. (2016), *Skify: jazyk i etnogenez* [The Skyths: language and ethnogenesis], Universitet Dmitria Pozharskogo, Moscow, Russia.
- Kullanda, S.V. (2018), *Proiskhozhdenie varn* [Origin of Varnas], Institut vostokovedenia RAN, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Павел В. Башарин, кандидат философских наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; pbasharin@yandex.ru

Антон О. Захаров, доктор исторических наук, Институт востоковедения РАН, Москва, Россия; 107031, Россия, Москва, ул. Рождественка, д. 12; Zakharov_anton@mail.ru

Information about the authors

Pavel V. Basharin, Cand. of Sci. (Philosophy), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; pbasharin@yandex.ru

Anton O. Zakharov, Dr. of Sci. (History), Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; bld. 12, Rozhdestvenka St., Moscow, Russia, 107031; Zakharov_anton@mail.ru

УДК 378.096:81

DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-274-282

Александр Николаевич Барулин
(17.11.1944 – 24.07.2021)

Светлана М. Евграфова

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, evgraffs@yandex.ru*

Яков Г. Тестелец

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, yakov_ts@mail.ru*

Аннотация. В некрологе излагается биография и путь в науке основателя и первого руководителя факультета (ныне института) лингвистики РГГУ А.Н. Барулина. Описан вклад А.Н. Барулина в семиотику, теорию языка, морфологическую теорию, разработку гипотез глоттогенеза, рассказывается о возникновении факультета лингвистики.

Ключевые слова: семиотика, теория языка, морфология, лингвистическое образование, происхождение языка

Для цитирования: Евграфова С.М., Тестелец Я.Г. Александр Николаевич Барулин (17.11.1944 – 24.07.2021) // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2021. № 2, ч. 2. С. 274–282. DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-274-282

Aleksandr Nikolaevich Barulin
(17.11.1944 – 24.07.2021)

Svetlana M. Evgrafova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, evgraffs@yandex.ru

Yakov G. Testelelets

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, yakov_ts@mail.ru

Abstract. The obituary addresses the career and scholarly contributions of the founder and the first head of the Faculty (now Institute) of linguistics of Russian State University for the Humanities Alexander N. Barulin (1944–2021). We give an account of the results obtained by Barulin in the fields of semiotics, theory of language, morphological theory, and evolution of language, and of the origin of the Faculty of linguistics.

Keywords: semiotics, theory of language, morphology, linguistic education, evolution of language

For citation: Evgrafova, E.M. and Testelelets, Ya.G., (2021), “Aleksandr Nikolaevich Barulin (17.11.1944 – 24.07.2021)”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 2, part 2, pp. 274–282, DOI: 10.28995/2686-7249-2021-2-274-282

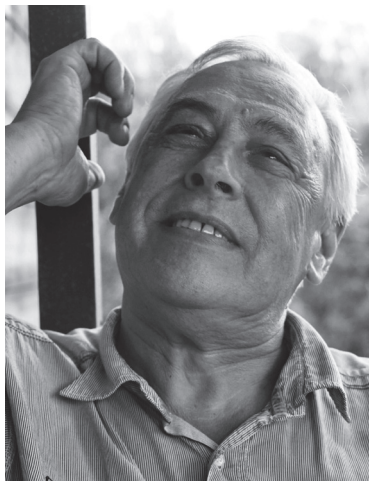

© Евграфова С.М., Тестелец Я.Г., 2021

Сообщество российских лингвистов поразило горестное известие – скончался выдающийся исследователь, преподаватель и организатор науки и лингвистического образования, основатель факультета (ныне Института) лингвистики РГГУ, человек, благодаря которому для нашей лингвистики открылись новые возможности, в том числе издание настоящего журнала, – Александр Николаевич Барулин.

А.Н. Барулин родился в Нижнем Новгороде (тогда Горьком) в семье военного моряка, в 1963 г. закончил Ленинградское военно-морское Нахимовское училище и затем проучился год в военно-инженерном вузе. Определяющим событием в его жизни стало поступление в 1965 г. в незадолго до того открытое Отделение структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ, в котором он стал одним из самых ярких и заметных студентов. Общественный подъем, начавшийся с «оттепели», успехи научного и технического прогресса, надежды (и отчасти иллюзии) того времени, дух свободного поиска, среда московской научной интеллигенции – фон, на котором сформировалась личность А.Н. Барулина – бесконечно преданного лингвистике, одаренного, деятельного, независимого, открытого и неотразимо обаятельного человека.

А.Н. Барулин принял участие в первых лингвистических экспедициях МГУ под руководством А.Е. Кибрика в лакский, шугнанский, агульский, лезгинский, алыторский и хиналугский языки (1967–1978 гг.), причем он был не рядовым участником, а одним из тех, кто сформировал стиль и традиции экспедиционной работы. Впоследствии А.Н. Барулин был инициатором или участником экспедиций по изучению айнского, нивхского, вепсского, кетского и крымскотатарского языков. Первая серьезная научная работа А.Н. Барулина¹ была посвящена семантике местоимений и показателей ориентации движения в хиналугском языке. Признаки органической, неорганической и семейной принадлежности в притяжательных местоимениях и сложный механизм пространственной ориентации в глагольных превращениях хиналугского языка [Кибрик

¹ *Барулин А.Н.* Семантика местоимений и показателей ориентации движения в хиналугском языке: дипломная работа. Москва, МГУ, 1971.

и др. 1972, с. 77–79, 225–234] стали сильнейшими лингвистическими впечатлениями и отправной точкой для развития его теоретических взглядов. Интерес к местоимениям, к семиотическим аспектам языка и уверенность в том, что лингвисту, вооруженному адекватной теорией, новый и необычный материал может дать ключ к решению многих традиционных проблем грамматики и семантики, проявились у него уже тогда.

Во время первой экспедиции на Камчатку в 1971 г. А.Н. Барулин познакомился с человеком, который оказал на него наибольшее влияние и до конца жизни остался одновременно и наставником, и оппонентом – И.А. Мельчуком. Многие советские лингвисты были тогда увлечены перспективами, которые открывала модель «Смысл-Текст», и смелостью и блеском, с которыми Игорь Мельчук и его соавторы решали, казалось, неразрешимые проблемы на пути к поставленной цели. Под руководством Мельчука А.Н. Барулин занимается местоимениями аляutorского языка [Барулин, 1978] и начинает разрабатывать проблемы морфологической теории, которую, в духе своего учителя, понимает как способ описания грамматического строя языка. Однако, приняв общие установки Мельчука, А.Н. Барулин с самого начала идет своим путем. Отчасти под влиянием Мельчука и еще в большей степени – Ч.С. Пирса, Ф. де Соссюра и Г. Фреге он приходит к убеждению, что семиотика обладает огромными объяснительными возможностями и способна решить фундаментальные проблемы лингвистики и других гуманитарных наук.

В 1973–1987 гг. научная карьера А.Н. Барулина была связана с отделом языков академического Института востоковедения. С 1982 г. отдел возглавлял И.Ф. Вардуль – лингвист, который интересовался грамматической теорией и мог оценить перспективность новых идей. В Институте востоковедения в качестве аспиранта, а затем сотрудника А.Н. Барулин занимался турецким языком, но написанную в те годы кандидатскую диссертацию «Теоретические проблемы описания турецкой именной словоформы» смог защитить в 1985 г. – не только из-за ссылок на неупомянутого тогда Мельчука, но и из-за необычности теоретических основ и стиля работы.

Материал турецкого языка привел А.Н. Барулина к новому пониманию места морфологии в интегральной модели языка, в которую он предложил включить словообразовательный компонент и особый аппарат для описания внутреннего синтаксиса словоформы. Его концепция морфологии складывается к 1980-м гг. в результате исследования нескольких разноструктурных языков. В основе морфологического описания лежит синтаксическая (кон-

структивная) классификация морфем; грамматика каждого языка зависит в первую очередь от того, какие классы морфем представлены в языке: только корни, корни и клитики, или корни, клитики и аффиксы. От аффиксов клитики отличаются тем, что а) не будучи обязательными элементами словоформы (и, следовательно, не являясь грамматическими суффиксами), они занимают позицию после грамматических суффиксов (в противоположность деривативным суффиксам, занимающим позицию перед ними); б) они могут быть отделены от предшествующей части фонетического слова другими клитиками и даже другим грамматическим словом, в) они могут присоединять к себе грамматические морфемы; г) их линейный порядок более свободен.

В качестве высших (интегрирующих) единиц морфологии признаются грамматическое и акцентное (фонетическое) слово. Эти два типа единиц синтезируются по принципиально различным правилам: первая – на основе семантико-синтаксического представления словоформы, вторая – на основе морфосинтаксического представления предложения (т. е. такого дерева, в узлах которого стоят морфемы) и правил линейного синтеза [Айхенвальд, Барулин 1988]. А.Н. Барулин выдвинул также ряд интересных идей в области теории и типологии местоимений [Барулин 1980], количественных выражений [Барулин 1996] и частей речи [Барулин 1990].

Начиная с 1975 г. А.Н. Барулин проводил еженедельный «квартирный» семинар по проблемам теоретической лингвистики, в работе которого приняли участие представители молодого и среднего поколения московских языковедов, из которых назовем лишь некоторых – Е.В. Падучева, И.Ш. Козинский, С.А. Старостин, Г.Е. Крейдлин, Н.К. Соколовская, Н.В. Перцов, Е.Н. Саввина, Е.В. Урысон, И.М. Богуславский, И.А. Муравьева, С.А. Крылов, М.В. Хомяков, В.Б. Борщев, А.Ю. Айхенвальд, М.С. Полинская и другие. Семинар просуществовал 11 лет и сыграл важную роль дискуссионной «площадки» в ситуации, когда формальная лингвистика не приветствовалась ни в Академии наук, ни в университете. Никто тогда не мог вообразить, что идеологический контроль над наукой через несколько лет будет упразднен и тем более – что на семинаре происходит подготовка преподавателей и учебных программ для нового лингвистического факультета.

Создание такого факультета стало главным делом жизни А.Н. Барулина.

В 1988 г. А.Н. Барулин познакомился с историком и одним из лидеров «перестройки» Ю.Н. Афанасьевым, который был незадолго до того назначен ректором Московского государственного

историко-архивного института (МГИАИ) и задумывал его превращение в гуманитарный университет нового типа. Афанасьеву понравился А.Н. Барулин, влюбленный в лингвистику и умеющий убедить любого, что лингвистика откроет новые перспективы в развитии информатики, документоведения и историко-архивоведения и сможет стать лидирующей дисциплиной в реформе высшего гуманитарного образования. Сразу открыть новый факультет было невозможно, и А.Н. Барулина взяли на должность заведующего общеуниверситетской кафедрой русского языка, с тем чтобы он организовал обучение лингвистике заинтересованных студентов факультета научно-технической информации, а затем, после преобразования его в факультет информатики, начал набор студентов на отделение лингвистики.

А.Н. Барулин стал планомерно создавать базу сначала для лингвистического отделения, а потом и факультета, продолжающего традиции закрытой в 1982 г. кафедры структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ. В написанной им «Концепции факультета теоретической и прикладной лингвистики» утверждалось, что лингвистика – фундаментальная наука, обучать которой надо по отдельному специализированному учебному плану; в центр обучения лингвистике должна быть поставлена теория; за время обучения студент должен изучить несколько современных и древних языков. Изучая язык своей специализации, студент должен пройти и курс древнего «языка традиции», соответствующего его основному языку. Кроме того, в учебном плане должны быть в достаточной мере представлены математические и компьютерные дисциплины.

Первыми новыми сотрудниками стали С.М. Евграфова, Е.В. Муравенко, Е.П. Буторина, Т.В. Базжина, к которым вскоре присоединились И.А. Муравьева, Е.Г. Устинова, А.Н. Латышева, С.И. Гиндин, М.А. Кронгауз и другие. Огромное значение имело возобновление по инициативе А.Н. Барулина систематической работы со старшими школьниками, прерванной в МГУ после закрытия кафедры. В 1988 году была возрождена традиция проведения лингвистических Олимпиад для школьников на основе самостоятельных задач. В том же году А.Н. Барулин и Е.В. Муравенко организовали при кафедре лингвистический кружок для школьников – будущих студентов отделения теоретической и прикладной лингвистики; некоторые из них впоследствии стали известными лингвистами. В работе со школьниками А.Н. Барулину активно помогали коллеги, имевшие многолетний опыт этой деятельности в МГУ: Е.В. Муравенко, А.Н. Журицкий, В.И. Беликов, Я.Г. Тестелец, В.М. Алпатов, В.А. Плунгян и другие.

Таким образом, первый набор студентов-лингвистов состоял не из случайных людей. Перед началом первого учебного года С.М. Евграфова повезла группу самых активных лингвистов-«новобранцев» на археологические раскопки в Новгород, где они слушали лекция А.А. Зализняка, В.Л. Янина и других ученых. Лингвистическая Олимпиада благодаря усилиям Е.В. Муравенко вышла на международный уровень.

А.Н. Барулин был открыт для сотрудничества с любыми специалистами, для которых могла быть полезна лингвистика. Так, в МГИАИ он активно обсуждал профессиональные проблемы с историком В.А. Муравьевым (тогдашним заведующим кафедрой вспомогательных исторических дисциплин), с историком и архивоведом Б.С. Илизаровым, документоведом П.В. Веселовым, с антропологами. Еще более тесные профессиональные контакты установились с логиками и математиками факультета информатики – В.К. Финном, Д.Г. Лахути, М.Ш. Цаленко, М.С. Певзнером и др.

В 1991 г. по проекту А.Н. Барулина (совместно с В.К. Финном и Д.Г. Лахути) в основанном на базе МГИАИ Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ) был организован факультет информатики. В том же году по проекту А.Н. Барулина на этом факультете было организовано отделение теоретической и прикладной лингвистики. В 1992 г. по его же проекту был организован факультет теоретической и прикладной лингвистики, и он был назначен деканом факультета и заведующим кафедрой теоретической и прикладной лингвистики в его структуре. В профессорско-преподавательский состав факультета вошли бывшие члены его домашнего семинара и руководимого В.А. Дыбо семинара по компаративистике.

В РГГУ А.Н. Барулин читал курсы «Введение в лингвистику и семиотику», «Морфология» и «Семиотика». Эти курсы, стиль преподавания, свободный и творческий дух факультета и сама личность декана завоевали А.Н. Барулину огромную популярность среди студентов и коллег. Ему удалось создать вокруг себя открытую для всех дружескую и поддерживающую среду, одновременно серьезную и веселую, возвышенную и неформальную.

А.Н. Барулин никогда не был «системным» человеком, и к концу 1990-х гг. от декана факультета потребовались качества, которыми он не обладал. В 1999 г. вследствие конфликта с руководством он лишился должности декана, а в следующем году ушел из РГГУ и по приглашению завкафедрой общего языкознания и компаративистики С.Н. Кузнецова поступил на работу на филологический факультет МГУ, где проработал в должности доцента пять лет. В 2002 г. Барулин опубликовал первые два из задуманных

шести томов монографии «Основания семиотики» [Барулин 2002]. С 2012 г. он работал в Институте языкознания РАН в должности старшего научного сотрудника, где являлся руководителем группы «Семиотика глоттогенеза» и организатором и руководителем междисциплинарного семинара по происхождению языка.

Разработка учебных программ по семиотике заставила А.Н. Барулина обратиться к фундаментальным проблемам ее теории: понятиям знака, коммуникативного акта, модели. Интерес к поставленной у Фреге проблеме сложения значений привел его к новому взгляду на семантику паремий и идиом, в которой он увидел действие продуктивной модели, основанной на гиперонимической конкретизации типа *ждать у моря погоды* в значении 'пассивно ждать наступления благоприятной ситуации' [Барулин 1994].

В 1997 г., разрабатывая курс лекций по семиотике, он начал заниматься и проблемой происхождения языка, которая как раз в это время перешла из периферии в центр внимания все большего числа лингвистов, биологов и антропологов. Две эти темы – семиотика и происхождение языка – стали главными для А.Н. Барулина во все последующие годы. Решающим событием глоттогенеза А.Н. Барулин считал формирование механизмов звуковой коммуникативной системы, отсутствующей у высших приматов: звукового и свистового сигнала, на базе которой могла уже сформироваться открытая знаковая система комбинаторного типа [Барулин 2012]. В это время он занимался также анализом художественных классических текстов («Слова о полку Игореве», «Горя от ума», поэзии Жуковского и драматических произведений Пушкина) и публиковал статьи по морфологии и морфонологии [Барулин 2019; Барулин 2020 и др.].

А.Н. Барулин останется неповторимой и незабываемой фигурой в истории российской лингвистики и высшего гуманитарного образования.

Литература

- Айхенвальд, Барулин 1988 – Айхенвальд А.Ю., Барулин А.Н. К грамматике синтеза форм слова // Синхрония и диахрония в лингвистических исследованиях / Ред. В.И. Подлесская. Т. 1. М.: Ин-т востоковедения АН СССР. 1988. С. 36–45.
- Барулин 1978 – Барулин А.Н. Модель склонения личных местоимений алуторского языка // Предварительные публикации / Институт русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 107. М. 1978. С. 11–57.

- Барулин 1980 – *Барулин А.Н.* Некоторые вопросы семантического анализа вопросительных местоимений: на материале русского языка // Теория и типология местоимений / Ред. И.Ф. Вардуль. М.: Наука, 1980. С. 27–49.
- Барулин 1990 – *Барулин А.Н.* Типы семантико-синтаксической организации словоформы и распределение их по частям речи // Части речи: Теория и типология / Ред. В.М. Алпатов. М.: Наука, 1990. С. 51–76.
- Барулин 1994 – *Барулин А.Н.* О структуре языкового знака // Знак: Сборник статей по лингвистике, семиотике и поэтике памяти А.Н. Журина / Ред. В.И. Беликов, Е.В. Муравенко, Н.В. Перцов. М.: Русский учебный центр, 1994. С. 245–250.
- Барулин 1996 – *Барулин А.Н.* К построению модели синтеза русских нумеративов: глубинное и поверхностно-семантическое представление // Московский лингвистический журнал. 1996. № 2. С. 27–53.
- Барулин 2002 – *Барулин А.Н.* Основания семиотики: Знаки, знаковые системы, коммуникация. Ч. 1: Базовые понятия: Эволюционная теория происхождения языка; Ч. 2: Краткая предыстория и история семиотики (до Фреге, Пирса и Соссюра). М.: Спорт и культура-2000, 2002.
- Барулин 2012 – *Барулин А.Н.* Семиотический Рубикон в глоттогенезе. Ч. 1 // Вестник РГГУ. Серия «Филологические науки. Языкознание». Вопросы языкового родства. 2012. № 8. С. 33–74.
- Барулин 2019 – *Барулин А.Н.* Проект создания толково-комбинаторного словаря морфем // Лингвистика и методика преподавания иностранных языков. Электронное научное издание (периодический журнал). Институт языкознания РАН. 2019. URL: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2019_11/sbornik_kiya.pdf (дата обращения 01.10.2021)
- Барулин 2020 – *Барулин А.Н.* Морфолого-синтаксические янтарные конструкции в русских композитах с морфемами {МЕЖ} и {МЕЖД} // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 33–87.
- Кибрик и др. 1972 – *Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловяникова И.П.* Фрагменты грамматики хиналугского языка. М.: Изд-во МГУ, 1972. 379 с.

References

- Aikhenvald, A.Yu. and Barulin, A.N. (1988), “On the grammar of the synthesis of word forms”, in Podlesskaya, V.I. (ed.), *Sinkhroniya i diakhroniya v lingvisticheskikh issledovaniyakh* [Synchrony and diachrony in linguistic research], Institute of Oriental Studies of the USSR, Moscow, Russia, vol. 1, pp. 36–45.
- Barulin, A.N. (1978), *Model' skloneniya lichnykh mestoimenyi alyutorskogo yazyka. Predvaritel'nyye publikatsii* [A model of the declension of personal pronouns in Alutor. Preliminary publications], Institute of the Russian Language of the Academy of Sciences of the USSR. Experimental and Applied Linguistics Problem Group, Moscow, Russia, Vol. 107, pp. 11–57.
- Barulin, A.N. (1980), “Some issues of semantic analysis of interrogative pronouns: on the material of Russian”, in Bardul', I.F. (ed.), *Teoriya i tipologiya mestoimenyi* [Theory and typology of pronouns], Nauka, Moscow, Russia, pp. 27–49.
- Barulin, A.N. (1990), “Types of semantic-syntactic organization of word forms and their distribution by parts of speech”, in Alpatov, V.M. (ed.), *Chasti rechi: Teoriya i tipologiya* [Parts of speech: Theory and typology], Nauka, Moscow, Russia, pp. 51–76.

- Barulin, A.N. (1994), "On the structure of the linguistic sign", in ed. Belikov, V.I., Muravenko, E.V. and Pertsov, N.V., *Znak: Sbornik statey po lingvistike, semiotike i poetike pamyati A.N. Zhurinskogo* [Sign. Collection of articles on linguistics, semiotics and poetics in memory of A.N. Zhurinsky], Russian Study Centre, Moscow, Russia. pp. 245–250.
- Barulin, A.N. (1996), "Towards a model of the synthesis of Russian numerals: deep and surface semantic representations", *Moscow Journal of Linguistics*, Moscow, Russia, vol. 2, pp. 27–53.
- Barulin, A.N. (2002), *Osnovaniya semiotiki: Znaki, znakovyye sistemy, kommunikatsiya. Ch. 1: Bazovyye ponyatiya: Evolyutsionnaya teoriya proiskhozhdeniya yazyka; Ch. 2: Kratkaya predystoriya i istoriya semiotiki* [Foundations of semiotics: Signs, sign systems, communication. Part 1: Basic concepts: Evolutionary theory of the origin of language; Part 2: A Brief Prehistory and History of Semiotics], Sports and Culture-2000, Moscow, Russia.
- Barulin, A.N. (2012), "The semiotic Rubicon in glottogenesis. Part 1", *RSUH Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 8, pp. 33–74.
- Barulin, A.N. (2019), "The project of creating an explanatory-combinatorial dictionary of morphemes", in *Linguistics and Language Teaching*, Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, available at: https://iling-ran.ru/library/sborniki/for_lang/2019_11/sbornik_kiya.pdf (Accessed 01.12.2021).
- Barulin, A.N. (2020), "Morphological-syntactic amber constructions in Russian compounds with morphemes [MEZh] and [MEZhD]", in *Russian language and linguistic theory*, vol. 2, pp. 33–87.
- Kibrik, A.E., Kodzasov, S.V. and Olovyannikova, I.P. (1972), *Fragmenty grammatiki khinalugskogo yazyka* [Fragments of the grammar of Khinkalug], Moscow State University Press, Moscow, Russia.

Информация об авторах

Светлана М. Евграфова, кандидат филологических наук, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; evgrafts@yandex.ru

Яков Г. Тестелец, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; yakov_ts@mail.ru

Information about the authors

Svetlana M. Evgrafova, Cand. of Sci. (Philology), Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125047; evgrafts@yandex.ru

Yakov G. Testeleets, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq., Moscow, Russia, 125993; yakov_ts@mail.ru

Дизайн обложки

Е.В. Амосова

Корректор

А.А. Леонтьева

Компьютерная верстка

Е.Б. Рагузина

Подписано в печать 21.09.2021.
Формат 60×90¹/₁₆
Уч.-изд. л. 9,9. Усл. печ. л. 10,0.
Тираж 1050 экз. Заказ № 1385

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rggi.ru